

1

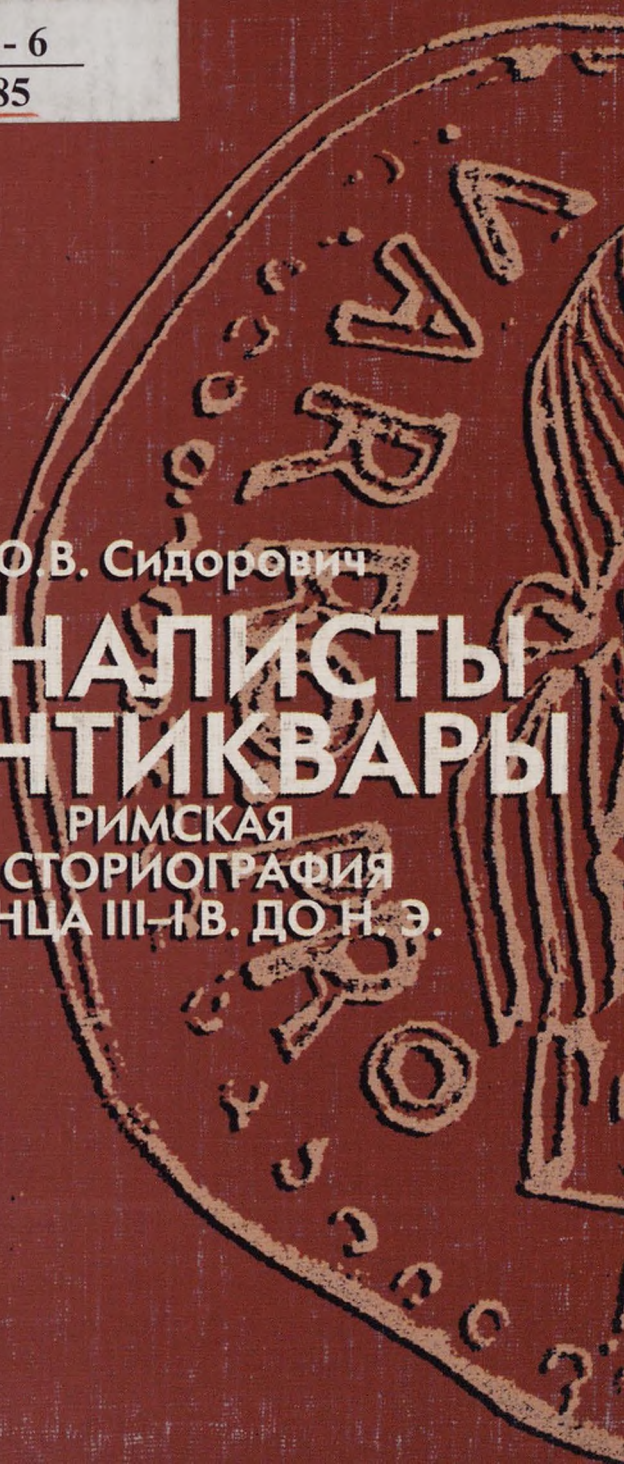
06 - 6

385

О. В. Сидорович

АННАЛИСТЫ И АНТИКВАРЫ

РИМСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
КОНЦА III—IV в. ДО Н. Э.

*Российский
государственный гуманитарный
университет*

О.В. Сидорович

АННАЛИСТЫ И АНТИКВАРЫ

Римская историография
конца III–I в. до н. э.

Москва
2005

УДК 930
ББК 63.3
С34

Рецензенты
д-р ист. наук Г.С. Кнабе,
канд. ист. наук П.П. Шкаренков

Художник
Михаил Гуров

ISBN 5-7281-0590-4

© Сидорович О.В., 2005
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2005

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
<i>Введение</i>	
Ливиянская традиция, жреческие документы и антикварные сочинения в исторической науке XIX – начала XXI века ...	9
<i>Глава 1</i>	
Жреческие архивы и проблема <i>Annales Maximi</i>	23
Анналы понтификов как исторнографическая проблема	28
Анналы понтификов и <i>Annales Maximi</i>	37
Комментарии понтификов	61
Книги понтификов	66
Время появления “Великих annales”	72
Документы коллегии авгуров	77
Использование архивных материалов в республиканском Риме	81
<i>Глава 2</i>	
Римская анналистика: становление жанра	90
Римская грекоязычная исторнография	102
Начало латиноязычной исторнографии	116

Оглавление

Рождение анналистики	120
Анналисты I в. до н.э.	134
Проблема достоверности сочинений младших анналистов	145
“Анналы” или “История”? варианты названий исторических сочинений римских авторов	156
Развитие анналистической историографии	159
<i>Глава 3</i>	
Марк Теренций Варрон и антикварная традиция	165
Предшественники Варрона. Элий Стилон	166
Марк Теренций Варрон: служба на гражданском поприще	176
“Триумвират” интеллектуалов: Цицерон, Варрон, Аттик	185
Литературно-научная деятельность Варрона	190
Теологическая концепция Варрона	229
Философские взгляды Варрона	241
Исторические взгляды Варрона	252
Причины появления антикварных сочинений в Риме и их значение	266
<i>Заключение</i>	
Анналистика и антикварнизм: общее и особенное	274
<i>Указатель античных имен</i>	280
<i>Предметный указатель</i>	286
<i>Указатель римских топонимов</i>	289

Предисловие

Эта книга – результат давнего интереса к римской исторической традиции, который сформировался у меня во время работы в спецсеминаре профессора (тогда еще доцента) кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Ии Леонидовны Маяк. В течение нескольких лет, начиная с 1970 г. и вплоть до защиты кандидатской диссертации в 1982 г., я занималась одной из основных проблем истории архаического Рима – формированием римской гражданской общины (*civitas*). Мои интересы ограничивались становлением системы государственных учреждений, прежде всего сената, и образованием римской аристократии, влияние которой на политическую жизнь Римской республики осуществлялось главным образом через сенат. Однако при разработке конкретных вопросов истории архаического Рима я, как, впрочем, и любой исследователь, работающий в этой области, сталкивалась с проблемой достоверности римской исторической традиции. Начало этой традиции было положено в конце III в. до н.э., когда Римская республика вступала в период своего расцвета, а окончательно оформилась она в конце I в. до н.э. – в эпоху становления нового политического режима – принципата. Перед исследователями, естественно, встает вопрос, на чем основывались красочные, оформленные по всем законам риторики, рассказы римских историков о далеком прошлом своего Города. Ответ на этот вопрос неизбежно уводит нас к истокам традиционной римской практики фиксации исторических событий. Как и

другие народы Древнего мира, римляне сохраняли память о славных деяниях своих предков в семейных преданиях и официальных документах. К числу последних относились анналы и комментарии, которые создавались политически значимыми жреческими коллегиями – понтификами и авгурами. Римские историки эпохи Республики – анналисты и антиквары – часто ссылаются на эти сочинения, иногда цитируют их, заимствуя сведения, относящиеся к разным сторонам общественной и государственной, но главным образом, сакральной жизни римлян. Насколько “светская” историография зависела от той, которая формировалась в недрах жреческих коллегий, и можно ли вообще говорить о существовании такой зависимости? Что представляли собой письменные памятники жреческих коллегий, выдержки из которых встречаются в произведениях римских историков? Этот круг вопросов сформировался у меня во время участия в совместном российско-итальянском коллоквиуме “Жреческие документы и сакральные формулы” под руководством профессора университета г. Сассари (Сардиния) Франческо Сини. В данной монографии автор предлагает свое решение основных проблем, связанных с формированием римской исторической традиции.

За время работы над монографией я постоянно ощущала поддержку со стороны своих коллег – преподавателей кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета и ее заведующего, доктора исторических наук, профессора Натальи Ивановны Басовской. Особую благодарность хочу выразить моим друзьям: супругам Кравченко – Александру Борисовичу и Тамаре Муратовне – за постоянную поддержку и участие, кандидату филологических наук, доценту кафедры античной культуры РГГУ Ольге Леонидовне Левинской за помощь в интерпретации некоторых фрагментов латинских источников и кандидату исторических наук, доценту, декану Историко-филологического факультета РГГУ Павлу Петровичу Шкаренкову, взявшему на себя решение всех вопросов, связанных с выходом в свет этой книги. Я признательна также моим сыновьям Николаю Александровичу и Ивану Александровичу Копыловым, которые разделили со мной интерес к этой теме.

Введение

ЛИВИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ, ЖРЕЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АНТИКВАРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

На сегодняшний день римская историческая традиция – совокупность данных о внутренней и внешней истории Города архаического периода¹ – представлена, прежде всего, сочинением Тита Ливия, вобравшим в себя опыт предшествовавшей римской историографии, как на греческом, так и на латинском языках. Историография, а вместе с ней и историческая традиция, начала свое становление в Риме с конца III в. до н.э. Однако от работ историков – предшественников Ливия – сохранились лишь небольшие фрагменты непосредственно либо в передаче авторов более позднего времени². Это значит, что в нашем распоряжении оказалась историческая традиция не столько позднего происхождения, сколько оформившаяся в ином, по сравнению с архаическим периодом существования Рима, культурном контексте и потому несущая на себе печать иной исторической эпохи. Такое состояние традиции по исто-

¹ Под архаическим периодом истории Рима предлагается понимать время от основания Города до окончания борьбы патрициев и плебеев (287 г. до н.э.), когда окончательно сформировалась римская гражданская община – *civitas*. Традиционная периодизация делит этот продолжительный временной отрезок на два периода – царский (753–509 гг. до н.э.) и раннереспубликанский (509–287 гг. до н.э.).

² Эти фрагменты были собраны и изданы Г. Петером. См.: *Peter H. Historicorum Romanorum Reliquiae*. Lipsiae, 1883. Vol. 1.

рии Рима царского и раннереспубликанского периодов ставит перед исследователем проблему ее критики, от решения которой во многом зависит воссоздаваемая им картина.

Научная критика римской исторической традиции началась с выхода в свет сочинений голландца Перизония (вторая половина XVII в.) и профессора Неаполитанского университета Джамбаттисты Вико (1668–1744). Их последователем в первой половине XIX в. стал Бартольд Георг Нибур, с именем которого связано утверждение в науке так называемой песенной теории. Главное положение этой теории сводилось к тому, что римляне с древнейшего времени прославляли подвиги представителей знатных родов в песнях, которые они исполняли во время пиршеств. Именно эти песни вместе с понтификальными анналами и триумфальными фастами, по мысли Б.Г. Нибура, легли в основу многих исторических рассказов. Хотя идея поэтической устной традиции как основного источника римской истории изначально принадлежала Перизонию, Нибур окончательно оформил песенную теорию в том виде, в каком она стала достоянием историографии, предположив существование римского эпоса³.

Умеренно-критическое отношение к римской традиции, характерное для ранних работ Теодора Моммзена, сохранилось также в его итоговой работе “История Рима”, вышедшей в 1856 г.⁴, и эволюционировало в гиперкрити-

³ Вклад Б.Г. Нибура в оформление песенной теории подчеркивает Р. Бриденталь (*Bridenthal R. Was there a Roman Homer? Niebuhr's Thesis and its Critics // History and Theory. Studies in Philosophy of History. 1972. Vol. 11(2). P. 200 ff.*

⁴ Т. Моммзену принадлежит блестящий анализ сказаний о трех римских демагогах – Спурии Кассии, Марке Манлии и Спурии Меллии, в которых он был склонен видеть историческое зерно, хотя и отвергал детали (*Mommsen Th. Römische Forschungen. B., 1879. Bd. 2. S. 153–218*). Появление в Риме так называемой Сервиевой стены Т. Моммзен, например, относит ко времени борьбы за господство в Латинском союзе (*Моммзен Т. История Рима / Пер. с нем. М., 1994. Т. 1. С. 61*).

ческое в итальянской историографии на рубеже XIX–XX вв. в труде Этторе Пайса “История Рима”⁵. Но вскоре начала сказываться бесперспективность подобного подхода, и уже в “Критической истории Рима”, опубликованной в 1913 г., Э. Пайс отходит от резкой критики традиции и пытается восстановить историю ранней Республики.

Гиперкритицизм не был единственным направлением в европейской историографии античности рубежа веков. Противником подобного подхода к анализу римской исторической традиции выступил французский ученый Ипполит Тэн, автор критического исследования сочинения Тита Ливия⁶. Однако склонность этого исследователя полностью доверять рассказу Ливия сказалась на преувеличении им степени достоверности литературной традиции по истории Рима.

В конце XIX в. умеренного направления в критике традиции придерживались английские историки, причем некоторые даже не пытались отделить легенды от фактов⁷.

В начале XX в. немецкая школа продолжала оставаться ведущей в изучении римской истории, связанном, прежде всего, с именем Карла Юлиуса Белоха. В работе “Римская история до начала Пунических войн” (1926 г.) главное внимание он уделит проблеме достоверности традиции. Критический подход К. Белоха к римской традиции впоследствии продолжил Роберт Вернер⁸, который в некоторых выводах был даже радикальнее своего предшественника⁹.

⁵ Критическим откликом на эту книгу Э. Пайса стала работа В.М. Хвостова (*Хвостов В.М.* Новый труд по критике римской традиции. М., 1902).

⁶ Тэн И. Тит Ливий. Пер. с фр. М., 1900.

⁷ Heitland W.E. The Roman Republic. Cambridge, 1909. P. 81–82.

⁸ Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München, 1963.

⁹ Р. Вернер, например, подвергал сомнению фасты первых тридцати лет существования Республики, полностью отрицал достоверность всех сообщений традиции о Валериях вплоть до середины V в. до н.э. (Werner R. Op. cit. S. 267, 273).

С самого начала XX в. прочное место в изучении истории древнего Рима заняла итальянская школа. После работ Э. Пайса все ее стремления были направлены не на отрицание достоверности традиции, а на выявление в ней достоверных частей, установление причин появления различных версий. Большая заслуга в этом принадлежит Гаетано Де Санктису, автору многотомной "Истории римлян". Г. Де Санктис анализирует все традиционные легенды, относящиеся к раннереспубликанской истории, признавая, что некоторые из них частично восходили к народным сказаниям. Правда, при изложении конкретных эпизодов внутриполитической истории римской Республики его взгляды близки к гиперкритическим¹⁰.

В XX в. в связи с активизацией археологических исследований территории Рима и Италии, особенно после Второй мировой войны, и с включением в научный оборот новых археологических материалов (в том числе и найденных при раскопках эпитафических памятников) исследования римской исторической традиции вышли на новый уровень¹¹. Источниковедческие работы заняли самостоятельное место в историографии архаического Рима. Их авторы скрупулезно исследовали и истолковывали отдельные эпизоды из произведений античных авторов¹². Исследования такого рода в скором времени вызвали по-

¹⁰ Автор отвергает историчность всего аграрного законодательства ранней Республики за исключением закона Юлиния (*De Sanctis G. Storia dei Romani. Firenze, 1960. Vol. 2. P. 8 ff.*).

¹¹ *Scott I.J. Early Roman Traditions in the Light of Archaeology. Memoirs of the American Academy in Rome. 1929. Vol. 7; Lanciani R. Ancient Rome in the Light of Recent Discoveries. N.Y., 1967.*

¹² Назовем, к примеру, некоторые из них: *Fritz K. von. The Reorganization of the Roman Government in 367 y. B.C. and the so-called Licinian-Sextian Laws. Historia. 1950. Bd. 1. P. 3-44; Momigliano A. Perisonius, Niebur and the Character of Early Roman Tradition. JRS. 1957. Vol. 47; Idem. An interim Report on the Origins of Rome. JRS. 1963. Vol. 53. P. 95-121; Ogilvie R.M. Livy, Licinius Macer and the libri lintei. JRS. 1958. Vol. 48. P. 40-46.*

требность в создании обобщающих источниковедческих работ, в которых вопрос о достоверности римской исторической традиции решался главным образом на материале сочинения Тита Ливия. Одной из таких монографий явилась книга П. Уолша "Ливий. Его исторические цели и методы"¹³. Своей задачей автор видел определение источников Ливия для каждой декады и установление метода их использования. По отношению к римской традиции книгу П. Уолша можно причислить к умеренно-критическому направлению, в русле которого впоследствии развивались традиции британской источниковедческой школы¹⁴. Работой, вобравшей в себя все достижения ливиянской критики середины 60-х годов прошлого века, стал комментарий к первой пентаде сочинения римского историка, составленный Р. Огилви¹⁵.

Справедливости ради следует сказать, что достижения археологических исследований не только укрепили веру историков в ливиянскую традицию, но и дали повод для скептического к ней отношения. Примером нового подъема скептицизма стали работы шведского ученого Э. Гьерстада¹⁶, который существенно пересмотрел традиционную хронологию римской истории, продлив, например, существование царской власти вплоть до середины V в. до н.э. Однако взгляды Э. Гьерстада не нашли поддержки среди его зарубежных коллег.

Российское антиковедение XIX – начала XX в. восприняло принципы критики римской литературной традиции, идущие от Б.Г. Нибура. Против скептического отноше-

¹³ Walsh P.G. *Livy. His Historical Aims and Methods*. Cambridge, 1961.

¹⁴ Например: *Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic*. N.Y., 1951; *Luce T.J. Livy. The Composition of his History*. Princeton, 1977.

¹⁵ *Ogilvie R.M. A Commentary on Livy Books 1–5*. Oxford, 1965.

¹⁶ *Gjerstad E. Discussions concerning Early Rome* Historica. Bd. 16. P. 257–278; *Idem. The Origins of the Roman Republic* Entretiens sur l'antiquité classique. Genève, 1966. Vol. 13. P. 1–31.

ния к традиции выступили В.И. Модестов¹⁷, В. Пирогов¹⁸, Н. Радциг¹⁹. Специально вопросами критики римской традиции занимался профессор Харьковского университета И.В. Нетушил²⁰. Правда, достоверными сведениями он считал только те, которые встречались в сочинениях античных авторов для времени не ранее второй половины V в. до н.э.

Внимание исследователей стала привлекать проблема формирования римской исторической традиции. Н. Радциг, анализируя I декаду сочинения Ливия, обратил внимание на два компонента – собственно римский и иноземный, из которых сформировалась римская традиция. При этом ведущую роль он отводил римскому компоненту, состоявшему из фаст – погодного списка республиканских магистратов и понтификальной летоисчисления – *Annales Maximi*. Иной взгляд на формирование римской традиции разделял Б. Сабанев²¹. В этом вопросе он отдавал предпочтение источникам иноземного происхождения и, в первую очередь, городской хронике Капуи и городов Кампанского союза, которая, по его мнению, составила костяк исторической традиции Рима. Собственно римской хронике, которую он считал источником позднего происхождения, отводилась второстепенная роль. Такая позиция историка в

¹⁷ Модестов В.И. Введение в римскую историю. СПб., 1902–1904. Ч. 1–2.

¹⁸ Вопрос о достоверности традиции на примере III декады Ливия В. Пирогов решает положительно. Иное отношение к I декаде, в которой, по мнению историка, много сфальсифицированного материала. См.: Пирогов В. Исследования по римской истории преимущественно в области III декады Ливия. СПб., 1878.

¹⁹ Радциг Н.И. Начало римской летоисчисления. УЗИМУ. 1904. Отд. ист.-филолог. Вып. 32.

²⁰ Нетушил И.В. К начальной истории Рима. ФО. 1892. Т. 2; Он же. Начало мировой политики римской Республики и конец Латиня. ЖМНП. 1904. № 8–10; Он же. Порсенна и всенские войны. ЖМНП. 1907. Ноябрь–декабрь. Отд. V; Он же. Социальные вопросы во второй книге Ливия. ЖМНП. 1910. Янв. Отд. V.

²¹ Сабанев Б. К вопросу о древнейшей хронике Рима. ЖМНП. 1913. № 8.

вопросе о времени возникновения официальных записей в Риме относит его к сторонникам скептицизма.

Все же, несмотря на влияние западноевропейской историографии, русские ученые XIX – начала XX в. более взвешенно подошли к решению главной проблемы римской истории – достоверности литературной (ливиянской) исторической традиции. Выработанные ими методы исследования римской традиции и определения ее достоверных частей нашли дальнейшее развитие в работе С.А. Жебелёва²². Главное, что характеризовало подход С.А. Жебелёва к римской традиции, это стремление проникнуть в генезис самой традиции, установив источники сочинений младших анналистов – предшественников Ливия – и способы их работы с ними. Такой подход к римской традиции в целом закрепился в отечественном антиковедении. Все же большее внимание уделялось либо анализу идейно-художественных особенностей сочинения Ливия, его языку и стилю²³, либо влиянию современных историков событий на изображение отдаленного прошлого²⁴.

Среди современных отечественных исследований обращает на себя внимание серия небольших по объему очерков о творчестве Ливия, написанных Г.С. Кнабе²⁵. Интерес к этим работам обусловлен тем, что их автору удалось рассмотреть творчество историка в культурно-историческом контексте эпохи – того времени, когда римское общество переживало смену политических режимов. Единственной возможностью для римлян выстоять в этой ситуации явилось создание монументального образа римского народа, его государства и истории, то есть в конечном итоге

²² Жебелёв С.А. Древний Рим. Пг., 1922–1923. Ч. 1–2.

²³ Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 115 сл.

²⁴ Нелировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1989. С. 226.

²⁵ Все статьи о Ливии помещены в кн.: Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного мира. М., 1993. С. 423–466.

общественно-исторического мифа, ставшего особой исторической реальностью. Это требование эпохи, как показал Г.С. Кнабе, реализовал в своем сочинении Тит Ливий.

Экскурс в историю изучения римской традиции позволяет говорить о том, что проблема достоверности сведений античных авторов об архаическом Риме решалась в основном на материале литературной, то есть, в первую очередь, ливианской традиции. Такой подход характерен для исследователей, которые занимались вопросами экономической, социальной и политической истории архаического Рима. Те же, которые занимались римской религией и ритуалами²⁶, обращали внимание на то, что в сочинении Ливия встречается информация антикварного содержания. Это формулы, произносившиеся жрецами и сопровождавшие сакральные действия: принесение жертв, определение границ территории, инаугурацию вступившего в должность магистрата, объявление войны и т.п. Подобная информация приводила исследователей к необходимости обратить внимание на источник ее происхождения. Поэтому они стали уделять внимание записям, которые велись в римских жреческих коллегиях и, прежде всего, в коллегии понтификов²⁷. Из всех документов, которые создавались в этой коллегии, претендующими на роль первоисточника римской исторической традиции считались анналы понтификов. Иногда эта "летопись" отождествлялась с "Великими анналами" (*Annales Maximi*), о которых упоминали некоторые античные авторы²⁸.

Использование сакральной традиции как самостоятельного источника для анализа важных проблем истории

²⁶ Marquardt J. Das Privatleben der Römer. Leipzig, 1882; Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912; Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.

²⁷ Westrup C.W. On the Antiquarian-historiographical Activities of the Roman Pontifical College. København, 1929.

²⁸ Проблема понтификальных анналов, их содержания и соответствия "Великим анналам" рассматривается в первой главе настоящей работы.

Рима царского и раннереспубликанского периодов продемонстрировано в книге Р. Палмера²⁹. Новое слово в анализе жреческой традиции было сказано итальянскими исследователями – П. Каталано³⁰ и его учеником Ф. Сини³¹. Если П. Каталано сосредоточился в основном на реконструкции сакрально-правовых норм одной из жреческих коллегий – авгуров, то Ф. Сини в большей мере занимается проблемой достоверности письменной традиции основных жреческих коллегий и ее содержания. По мнению исследователя, именно архивные материалы жреческих коллегий составляют достоверную часть римской историографии. С их помощью можно пересмотреть историю политической организации древнейшего Рима. Особый интерес представляет предложенная автором методика работы с источниками. Ф. Сини устанавливает определенную иерархию свидетельств, почерпнутых из произведений разного рода. Наиболее значимыми являются документы жреческих коллегий, дошедшие напрямую. От них необходимо отличать вторичные свидетельства – комментарии римских авторов, относящиеся к жреческим документам. Достоверность первого типа источников представляется автору несомненной. Однако же следует заметить, что подавляющее большинство сведений о жреческой письменной традиции дошло до нас из произведений юристов, антикваров и историков-анналистов. Конечно, наличие в исторических сочинениях римских авторов информации подобного рода вроде бы может рассматриваться как доказательство достоверности нарисованной ими картины истории родного Города. Тем не менее сам факт

²⁹ *Palmer R.E.A. The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970.*

³⁰ *Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960.*

³¹ *Sini F. Documenti sacerdotali di Roma antica. Sassari, 1983; Idem. Sua cuique civitati religio. Religione e diritto pubblico in Roma antica. Torino, 2001.* Рецензия М.Н. Челищевой на последнюю монографию Ф. Сини опубликована в журнале: *Ius antiquum. Древнее право.* 2002. № 2 (10). С. 285–293

появления в литературной традиции жреческих текстов и сакральных формул еще не решает полностью проблему ее достоверности. Сохраненные римскими историками молитвы и сакральные формулы изначально были частью сложных ритуальных действий и религиозных церемоний. Вырванные из своего привычного контекста, они использовались ими для создания авторских сюжетов, которые могли искажать первоначальный смысл жреческих текстов. Это усложняет работу современного исследователя, который должен попытаться восстановить первоначальную “среду обитания” торжественных формул. Правда, задача эта трудно выполнима.

Приведем лишь один пример. Дионисий Галикарнаский, современник Ливия, написавший историю Рима с древнейших времен, предлагает своему читателю описание процессии, с которой начинались Римские игры (*ludi Romani*) в V в. до н.э.³² Своим источником он называет Фабия Пиктора, автора истории Рима на греческом языке, написанной в конце III в. до н.э. Интересно то, что Дионисий (1.71.1) рассматривает заимствованное им у Фабия описание процессии как не требующее дальнейшего подтверждения. Если Дионисий так уверен в достоверности сохраненного Фабием описания процессии, то можно предположить, что сам Фабий подкрепил свой текст ссылкой на какой-то авторитетный источник. Таковым источником могло быть либо описание процессии с подробной ее регламентацией, хранившееся в жреческой коллегии, либо свидетельство самого Фабия как очевидца этой процессии. Из двух предположений мы склонны выбрать второе. Во-первых, потому что сам Дионисий подчеркивает значение личного опыта в сочинении Фабия Пиктора³³, а во-вторых, так как он обращает вни-

³² *Dionys.* 7.72.1–18.

³³ *Dionys.* 7.71.1: παλαιότατος γὰρ ἄνθρωπος τῶν τὰ Ῥωμαϊκὰ συνταξάμενων, καὶ πιστὸν οὐκ ἐξ ὧν ἤκουσε μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐξ ὧν αὐτὸς ἔγνω παρεχόμενον. (ведь он является самым ранним из авторов, написавших Римскую историю; при этом он предлагает доказательство не только того, что слышал, но того, что узнал сам).

мание на греческие элементы, свойственные этой римской процессии³⁴. Поэтому, скорее всего, Фабий Пиктор оставил описание той церемонии, которую он сам наблюдал в конце III в. до н.э.³⁵, однако "вживил" ее в картину религиозной жизни римского общества V в. до н.э. и, тем самым, ввел читателей последующих поколений в заблуждение, создав иллюзию следования жреческому документу.

Присутствие информации антикварного содержания, в том числе происходящей из понтификальных анналов, в сочинениях историков-анналистов стало предметом исследования в статьях Элизабет Роусон. Собранные из разных изданий, они были вновь опубликованы под общим заголовком, составив, таким образом, сборник, посвященный развитию римской историографии республиканской эпохи³⁶. В содержательных и живо написанных статьях исследовательница предложила свою концепцию развития латинской историографии, как анналистического, так и антикварного жанров. Указывая на жреческие анналы как на общий источник информации туземного происхождения для всех римских историков, Э. Роусон убеждена в том, что начиная с середины II в. до н.э. пути анналистов и антикваров расходятся. Первые отказались от использования жреческих документов, отчего пострадала достоверность их сочинений, вторые, напротив, наращивали объем подобной информации в ущерб литературным достоинствам своих произведений. В дальнейшем мы будем неоднократно обращаться к критике этой концепции, которая при всей своей логичности оставляет без внимания многочисленные свидетельства наших источников, позволяющие существенно ее откорректировать.

Из новейших исследований в отечественной науке хотелось бы отметить коллективную монографию, в кото-

³⁴ *Dionys.* 7.72.13.

³⁵ См. также: *Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. Cambridge, 1998. Vol. 1. P. 40.

³⁶ *Rawson E.* Roman Culture and Society. Collected Papers. Oxford, 1991.

рой освещены политико-правовые функции наиболее важных жреческих коллегий арханческого Рима, таких, как авгуры, понтифики и фециалы³⁷. Особое внимание в ней уделено роли жреческих коллегий в формировании и развитии римского публичного и частного права. Поэтому авторы неоднократно обращаются к тем фрагментам жреческих текстов, которые встречаются в исторической традиции и, с их точки зрения, являются аутентичными.

Значительно меньше места по сравнению с исследованиями ливвианской традиции в науке уделяется антикварному направлению, утвердившемуся в римской историографии в I в. до н.э., расцвет которого связан с именем Марка Теренция Варрона. Сочинения антикваров рассматривались либо как часть историографического процесса, либо в связи с развитием в Риме специальных знаний. При этом главным образом подчеркивалось влияние греческой и, прежде всего, стоической философии на формирование тех приемов, которыми пользовались писатели-антиквары: классификация материала, то есть распределение его в соответствии с такими категориями, как время–пространство, люди–боги, этимологический анализ слов родного языка, цитирование древних документов и авторов. Конечно, трудность занятия совершенно очевидна. От сочинений римских антикваров последних двух веков существования Республики практически ничего не осталось. Зачастую в нашем распоряжении имеются лишь названия их сочинений, которые встречаются в трудах грамматиков последующих эпох. Эти грамматики заглядывали в сочинения антикваров, преследуя, главным образом, одну цель – уяснить употребление тех или иных, как правило вышедших из употребления, слов и выражений. Поэтому содержащиеся в их сочинениях цитаты подчас настолько кратки, что затрудняют их интерпретацию.

Такая же судьба постигла и творческое наследие Марка Теренция Варрона. В нашем распоряжении оказа-

³⁷ Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2001.

лась незначительная часть его сочинений в сравнении с тем, что он написал. Поздние авторы достаточно часто обращались к его работам и щедро цитировали их, не указывая, однако, из каких произведений Варрона они заимствовали приведенные ими фрагменты. Поэтому изучение антикварианнизма как самостоятельного направления в римской историографии должно было начаться с собирания и издания всех сохранившихся фрагментов сочинений Варрона. Такая работа была начата еще в XVI в., но существенный шаг в этом направлении сделали ученые XIX в. Александр Ризе и проф. Санкт-Петербургского университета Иван Васильевич Помяловский. С именем А. Ризе связано издание в 1865 г. менипповых сатур Варрона и фрагментов некоторых его сочинений³⁸. И.В. Помяловский проделал самостоятельную работу по собиранию фрагментов менипповых сатур, при этом он сличал с манускриптами текст сатур из издания А. Ризе и отмечал встречающиеся у него разночтения. По итогам этой работы в 1869 г. И.В. Помяловский защитил магистерскую диссертацию³⁹. Сам автор считал свою работу предварительной, на основе которой могут появиться более специальные исследования. И хотя к историко-литературным штудиям И.В. Помяловский впоследствии не вернулся⁴⁰, собранный им, переведенный и обстоятельно прокомментированный разрозненный и фрагментарный материал по мениппиям Варрона сделал его сочинение заметным явлением в отечественной науке. В настоящее время самым крупным исследователем творчества Варрона и издателем фрагментов его сочинений является Б. Кардаунс.

За последние 130 лет со времени выхода в свет работы И.В. Помяловского накопились новые материалы

³⁸ *Terenti Varronis M. Saturarum Menippearum Reliquiae*. Alexander Riese. Lipsiae, 1865.

³⁹ *Помяловский И.В.* Марк Теренций Варрон Реатинский и мениппова сатура. СПб., 1869.

⁴⁰ После защиты диссертации И.В. Помяловский стал учеником Фридриха Ричля — основоположника римской эпиграфики — и написал ряд работ по эпиграфике и археологии Древнего Рима.

источников. Исследователи уже не только говорят о существовании жреческой “историографической” традиции, но указывают на конкретные примеры использования жреческих документов римскими историками, в том числе Ливием, и антикварами. Правда, по большей части разговор об этом не выходит за пределы констатации самого факта использования жреческих документов римскими историками и ссылок на широко известные примеры.

Автору этой монографии пришлось пройти свой путь в поисках драгоценных свидетельств присутствия жреческих документов в сочинении Теренция Варрона “О латинском языке”. Эта работа была проделана в рамках участия в итало-российском научном проекте по проблемам римского сакрального права (руководитель проекта – Ф. Сини, проф. университета г. Сассари). Однако полученные результаты позволили выйти за пределы первоначально сформулированной темы и рассмотреть ее в более широком контексте. В первую очередь появилась необходимость определить, что представляли собой жреческие документы, какую информацию они содержали и по каким сборникам группировались. Наличие в жреческих коллегиях документальных материалов позволило сформулировать проблему существования архивов в Риме и степени их доступности для населения. Постоянно встречающееся в историографии утверждение о том, что первые римские историки строили свое повествование на основе документов жреческих коллегий, побудило нас обратиться к фрагментам их сочинений и проследить, с какого времени такая практика может быть засвидетельствована. Только после того, как были найдены ответы на эти вопросы, мы смогли перейти к анализу творчества Марка Теренция Варрона: к восстановлению содержания самых значимых для нас его сочинений, реконструкции теологической концепции, философских и исторических взглядов антиквара, которые во многом определяли его методические приемы работы с самыми разнообразными источниками, в том числе и с документами жреческих коллегий.

Глава 1

ЖРЕЧЕСКИЕ АРХИВЫ И ПРОБЛЕМА *ANNALES MAXIMI*

...nihil in poetis supra Livium Andronicum, nihil
in historiis supra pontificum annales habemus ...

Quintil. Inst. Orat. 10.2.7

...среди поэтов у нас нет никого более великого,
чем Ливий Андроник, среди исторических сочинений
нет ничего выше, чем анналы понтификов ...

Квинтилиан

Уже в дописьменную эпоху человечество научилось сохранять память о прошедших событиях. Историческая мысль была представлена главным образом в устной форме – в сказаниях о богах и подвигах героев. Заключенные в ритмическую форму, они были удобны для запоминания и передачи от поколения к поколению¹, а это значит, что бесписьменные общества зависели от качества человеческой памяти. С появлением письменности этот процесс усложнился, принял разнообразные формы и

¹ Категория “историческая мысль” не тождественна категории “историческая наука”, так как историческая наука – одно из проявлений исторической мысли. См. об этом: *Вейнберг И.П.* Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э. М., 1993. С. 10 сл. со ссылкой на литературу.

выделил группу людей, ответственных за сохранение и воспроизведение исторической традиции. В архаических обществах эта функция закреплялась за жрецами, основная обязанность которых сводилась к фиксации сакральных правил, подкреплявшихся соответствующими примерами, уходившими корнями в глубокую древность. В ведении жрецов или специальных должностных лиц находился древнейший календарь, в котором обозначались главные вехи жизни коллектива, воплощенной в ритуальной практике, что связывало современников с чередой предшествующих поколений. Так в самой простой форме решалась проблема цельности исторического бытия. Деятельность этих людей вносила стройность в повседневное существование коллектива, организуя его жизнь вокруг определенных культовых мероприятий, образующих первый цельный отрезок ритуально переживаемого времени – года. При этом начало и конец года знаменовались самыми крупными и значимыми сакральными мероприятиями. Год был включен в сферу исторического мировоззрения, поэтому именно религиозный календарь стал дополняться сведениями светского содержания. Помимо жреческого календаря существовали и другие каналы передачи информации о прошлом, например семейная традиция.

Простейшие формы сохранения знаний о прошлом засвидетельствованы у всех народов древнего мира, но далеко не все они смогли перейти от них к написанию исторических сочинений. Этот факт дал основание современным исследователям видеть в написании исторических сочинений культурную деятельность, в корне отличную от естественных попыток запечатлеть прошлое, и определить ее как редкое явление. Подобная деятельность развилась независимо и примерно в одно и то же время (I тыс. до н.э.) только в трех отличных друг от друга обществах: Иудее, Греции и Китае². В отечественной ис-

² Murray O. Greek Historians

Greece and the Hellenistic

World. Oxford, 1991. P. 214.

торнографии обычно внимание акцентировалось исключительно на Греции, которая считалась местом "рождения Клио"³. Картина изменилась с выходом в свет работы И.П. Вейнберга, в которой появление и развитие древней историографии связывается с концепцией К. Ясперса об "осевом времени" – крутом повороте истории, приведшем к возникновению человека современного типа⁴. Ритмическая форма рассказов о прошлом была заменена прозаической, ставшей признаком отличия мифа от истории⁵. Если рассказы, передаваемые в устной форме, сдерживали творческое начало их хранителя, ограничивая его жесткими рамками традиции, то возможность записывать традиционную информацию привела к осмыслению написанного, открывая простор для новых интерпретаций и способствуя появлению критического начала в описании истории.

Древние римляне не знали ни развитого эпоса, ни трагедии, как греки, то есть тех форм, в которых передавались первые знания о прошлом. Они освоили практику историописания под влиянием греческой культуры, имевшей развитую историографию (в том числе и в районе Великой Греции), которая стала проникать в Рим после победы над Пирром и I Пунической войны⁶. Тем не ме-

³ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 5; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 59 сл.

⁴ Вейнберг И.П. Указ. соч. С. 14.

⁵ Ф. Артог считает, что открытие историчности произошло в "Одиссее", которая занимает промежуточное место между эпической песней и историческим повествованием (Артог Ф. Первые истории Греции: историчность и история ВДН. 1999. № 1. С. 186 сл.).

⁶ До этого времени имели место спорадические контакты с греческим миром, хотя и восходившие к глубокой древности (Маяк Н.Т. Рим первых царей. МГУ, 1983. С. 85 сл.), но все же опосредованные (Smith Ch.J. Early Rome and Latium. Economy and Society c.1000 to 500 B.C. Oxford, 1996. P. 29).

нее римская историография не копировала слепо греческие образцы, сохраняя приметы туземного происхождения⁷. К числу таких примет относятся анналистическое (погодное) изложение событий и обилие ссылок в сочинениях римских авторов на древние летописи (*annales*). Оба явления можно рассматривать как взаимосвязанные, так как летопись восходила к календарю, находившемуся в ведении коллегии понтификов, что впоследствии вынудило римских историков организовывать материал в уже установленном порядке, который определял содержание, стиль и форму их сочинений, получивших название анналов. Вопросы, касающиеся объема летописной информации, ее содержания, а также непосредственного или опосредованного извлечения ее из различных летописных сводов, надолго стали предметом дискуссии в работах современных исследователей римской традиции. В науке утвердилось мнение о том, что великий понтифик Публий Муций Сцевола объединил все разрозненные летописные своды в один и “издал” их в 80 книгах под названием *Annales Maximi* (“Великие анналы”) в 130–120 гг. до н.э. Однако существование подобного летописного сборника вызывает сомнения у ряда исследователей. Э. Роусон – автор многочисленных ярких работ, раскрывающих интеллектуальную жизнь Римской республики II–I вв. до н.э., утверждает, что анналисты практически не пользовались “Великими анналами”, а сами римляне не считали их уникальным памятником ранней истории⁸. Более того, анализ содержания, стиля и формы сочинений

⁷ О вкладе римлян в правовую культуру Средиземноморья при заимствовании достижений других народов см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Под ред. Л.Л. Кофанова. М., 2001. С. 300 сл.

⁸ Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian. JRS. 1972. Vol. 62. P. 36; Rawson E. Prodigy Lists and the Annales Maximi / Rawson E. Roman Culture and Society. Collected Papers. Oxford, 1991. P. 15.

историков-анналистов позволил другому исследователю утверждать, что не *Annales Maximi* заставили римских историков излагать историю своего Города погодно. К этому их вынуждала структура римского государства с ежегодной сменой должностных лиц, структура, в которой календарный год, устанавливавшийся понтификами, не совпадал с магистратским годом, который начинался с принятия империя избранной парой консулов. И хотя длина календарного года определяла магистратский год, римская историческая традиция все же использовала магистратский год как основное временное деление⁹.

Первые исторические сочинения у римлян появляются в конце III – начале II в. до н. э., они написаны по-гречески и очень уверенно повествуют о древнейшей истории Италии и Рима. На чем основывались эти знания? Этот вопрос волновал исследователей римской истории с того времени, как занятия древностями переросли рамки антикварного интереса. Ответ на поставленный вопрос позволит представить, какими сведениями располагали первые анналисты, каковы были каналы передачи знаний о прошлом, и, в конечном счете, определить степень достоверности римской исторической традиции. Исследования об источниках анналистов вращались главным образом вокруг вопроса об *Annales Maximi* как основного источника вообще всей римской анналистики. Поэтому проблема существования в Риме летописных материалов в недрах ведущих жреческих коллегий и возможного объеди-

⁹ Verbrugge G.P. On the Meaning of *Annales*, on the Meaning of Annalist // *Philologus*. 1989. Bd. 133. P. 212 ff. Исследуя различные определения термина *annales*, существовавшие в Риме, автор приходит к выводу, что погодное изложение событий в одноименных сочинениях – не самая главная черта для их характеристики. Основной предмет анналов – история Рима, изложение которой автоматически влечет за собой хронологическую структуру, обусловленную структурой государства, политический порядок которого основывался на ежегодной смене магистратских коллегий (Ibid. P. 221–222).

нения их в единый свод – *Annales Maximi* – должна стать объектом специального исследования. Что еще, кроме летописей, находилось в распоряжении первых римских историков? Подобный вопрос заставляет взглянуть на проблему шире – были ли в римском государстве архивы, каков был их статус, каково состояние и степень воздействия на содержание анналистических сочинений.

АННАЛЫ ПОНТИФИКОВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Еще задолго до начала критического изучения римской исторической традиции голландец Перизоний (*Jacob Voorbrock*), живший во второй половине XVII в., высказал предположение, что римская историография уходит своими корнями в поэзию¹⁰. Именно он ввел в научный оборот термин *carmina* (застольные песни) и сделал его основным в рассуждениях об отношении поэзии к историографии в Риме. В рассказах об Энее и Ромуле он указал на *carmina* как на возможный источник исторической традиции. В первой половине XIX в. прусский ученый Бартольд Георг Нибур, с именем которого связано окончательное оформление критического подхода к изучению римской исторической традиции, независимо от Перизония снова “открыл” *carmina*. Б.Г. Нибур пошел дальше своего предшественника и стал использовать *carmina* как источник для восстановления древнейшей римской истории. Но Б.Г. Нибур не считал “застольные песни” единственным источником наших знаний об отдаленном прошлом римлян. Рядом с *carmina* он ставил анналы понтифика, которые выражали, по его мнению, патрицианскую точку зрения,

¹⁰ Работа Перизония “*Animadversiones historicae*” (1685) была пропизана критическим духом и обогнала свою эпоху (*Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from 1300 to 1850. Oxford, 1978. P. 163*).

тогда как песни были голосом римского плебса¹¹. Самым крупным последователем направления, созданного Б.Г. Нибуром, стал Альберт Шwegлер – яркий представитель Тюбингенской школы, хорошо известной своими трудами в области критического изучения текстов Священного писания. Особое значение А. Шwegлер придавал этнологическим мифам – облеченным в форму исторического рассказа попыткам объяснить происхождение какого-либо установления или обычая¹². Теодор Моммзен – последовательный противник теории Б.Г. Нибура, испытывавший, тем не менее, влияние методических приемов А. Шwegлера при исследовании этнологических мифов¹³, указывал на календарь общины и консульские фасты как основные памятники древнейшей истории Рима¹⁴. Так, во второй половине XIX в. определился круг возможных первоисточников, легших в основу сочинений римских анналистов: *carmina*, анналы понтифика и магистратские списки, при этом анналы понтифика считались самыми значимыми, несмотря на то, что свои записи вели и другие жреческие коллегии, например авгуры и салии.

В зарубежной историографии наибольшее внимание привлекали к себе следующие проблемы: содержание анналов понтифика, время их возникновения и соотношение с *Annales Maximī*, а в конечном счете и с первыми истори-

¹¹ Подробнее о теориях Перизония и Нибура с критическим анализом их положений см.: *Momigliano A. Perizonius, Niebuhr and the Character of Early Roman Tradition* — JRS. 1957. Vol. 47. P. 104 ff.

¹² *Schwegler A. Römische Geschichte*. Tübingen, 1870. S. 68 ff.

¹³ Правда, результат, полученный Т. Моммзеном, был отрицательным. Например, Т. Моммзен отказывается легенде о Корнелане в исторической основе, считая ее “пустым орехом” (*Mommsen Th. Römische Forschungen* В., 1879. Bd. 2. S. 152).

¹⁴ *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. 1. С. 141. Из всех магистратских списков капитолийский текст является самым древним. См.: *Mommsen Th. Die Capitolinischen Magistratstafeln* Hermes. 1875. Bd. 9. S. 279.

ческими сочинениями. По утверждению А. Энманна – последователя Т. Моммзена – вопрос о том, когда и кем были составлены древнейшие анналы, является основополагающим для критики древнейшей римской истории¹⁵. Сам Т. Моммзен, опираясь на свидетельства Цицерона (*De orat.* 2. 52) и комментатора сочинений Вергилия – Сервия (*Aen.* 1.373), говорил о существовании таблиц, которые великий понтифик ежегодно выставлял на Форуме. Эта деревянная набеленная таблица, содержавшая имена эпонимных магистратов и короткий отчет о наиболее важных событиях прошедшего года, стала впоследствии основой римской городской хроники. По истечении года таблицы складывались в Регии, где сосредоточился архив коллегии понтификов. Собранные великим понтификом Муцием Сцеволой, они стали называться “Великими анналами”. Но если эти таблицы, как утверждал Т. Моммзен, содержали имена эпонимов, значит, их “публикация” относится ко времени не ранее начала Республики. А. Энманн помещает начало синхронных записей в Риме между серединой V и началом IV в. до н.э., а древнейшее издание понтификальных анналов, по его убеждению, было предпринято во время I Пунической войны и связано с именем Тиберия Корункания – первого понтифика из сословия плебеев. Появление книжной формы понтификальных анналов – предшественницы “Великих анналов” – объясняет, с точки зрения А. Энманна, явное однообразие ранней римской традиции в повествованиях четырех древнейших римских авторов – Фабия Пиктора, Цинция Алимента, Энния и Катона. Все они пользовались общим более древним источником, уже содержавшим основную канву римской истории, оставшуюся без изменений в последующие века¹⁶. Тем самым А. Энманн открыл дискуссию с О. Зееком о возможности использования *Annales Maximi* римскими анналистами. В таблицах понтификов О. Зеек видел ка-

¹⁵ *Enmann A.* Die ältesten Redaction der Pontificalannalen *Rh. M. f. Ph.* 1902. Bd. 57. S. 517.

¹⁶ *Ibid.* S. 525 ff.

лендарь, выставленный для публичного обозрения, но существование *Annales Maximi* как единого сочинения и его воздействие на анналистическую историографию подвергал сомнению. Исходя из малочисленности ссылок в сочинениях анналистов на "Великие анналы", он считал их не востребовавшими и мало используемыми. Это утверждение О. Зеека нашло последователей и в современной историографии, которая прибегает все к тому же аргументу – малому количеству ссылок на *Annales Maximi* и сведений в сочинениях поздних авторов, которые могли бы восходить к этому произведению¹⁷. К точке зрения Т. Моммзена–А. Энманна присоединялся Б. Нице, который полагал, что *Annales Maximi* были составлены на основании таблиц понтификов, но не могли считаться древнейшей формой предания, так как наряду с ними существовали и другие анналы¹⁸.

Последующая разработка этой проблемы связана с именем К. Цихориуса¹⁹. Он следующим образом мотивирует возникновение таблиц понтификов: в этих таблицах закреплялся день, когда понтификам нужно было совершать какой-либо обряд, а значит, заметки на таблицах удовлетворяли практическим нуждам самой коллегии понтификов; они не являлись работой историографического характера, но содержали материал для сочинений подобного рода. Хотя календарные записи и приняты со временем

¹⁷ Э. Роусон доказывает этот тезис на примере prodigia, которые могли бы составить содержание 80-томного понтификального свода и перейти в сочинения анналистов, но на деле историки заимствовали prodigia из других нарративных источников, а не из *Annales Maximi* напрямую (Rawson E. Prodigy Lists... P. 9 ff). Значительно раньше Ф. Альтхайм настаивал на том, что преимущественно prodigia должны были образовывать значительную часть ранних понтификальных записей (Altheim Fr. A History of Roman Religion. L., 1938. P. 198 f).

¹⁸ Нице Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 15.

¹⁹ Cichorius C. Annales PWRE. Bd. 1. S. 2248–2255.

вид хроники, сами таблицы, хранившиеся в Регии, едва ли были известны вне круга коллегии понтификов, поэтому анналисты не имели в своем распоряжении связанной жреческой хроники. К. Цихориус по сути дела исключает существование анналов понтификов, содержавших развернутое повествование. Что касается 80 книг "Великих анналов", то, по его мнению, они воспроизводили полностью понтификальный календарь, именно поэтому историки-анналисты, а впоследствии Ливий и Дионисий Галикарнаский крайне редко ссылались на них.

Проблема первоисточников римской исторической традиции, а следовательно, и понтификальной хроники, не потеряла актуальности и в первые десятилетия XX в. Исследователи проявляли интерес к архивам этой коллегии в разной связи и по-разному оценивали их воздействие на формирование исторической традиции. Ф. Шахермейер считал понтификальную хронику источником римского предания и основой сочинений старших анналистов²⁰. Таких же взглядов придерживался и Т. Франк: то, что римская анналистика основывалась, с его точки зрения, на архивных материалах коллегии понтификов, являлось для него залогом достоверности сообщаемых ею сведений²¹.

Наиболее обстоятельно круг вопросов, ставший уже традиционным для историографии, разбирается в сочинении К. Вестрапа, посвященном специально антикварно-историографической деятельности понтификальной коллегии. На положениях этой работы следует остановиться подробнее, так как она подвела итог всей предшествовавшей историографии данной проблемы. К. Вестрап выстроил следующую преемственность, существовавшую, с его точки зрения, в римской письменной традиции: таблицы понтификов, которые великий понтифик выставлял ежегодно для всеобщего ознакомления, были древнейшей формой "пуб-

²⁰ *Schachermeyr F.* Die Gallische Katastrophe Klio. 1929. Bd. 23. S. 279 ff.

²¹ *Frank T.* Roman Historiography before Caesar AHR. 1927. Vol. 32(2). P. 237-238.

ликации” анналов понтификов. Поэтому происхождение римской анналистики следует искать в понтификальной коллегии – в заботе понтификов о регулировании праздничного календаря. Жреческие записи были наиболее надежными из заметок антикварного характера, существовавших до начала римского историописания. Раннее использование письменности жрецами, их организация в коллегии с пожизненным членством – все это способствовало оформлению традиции, причем сама природа материала исключала фальсификацию.

Наиболее раннее “издание” жреческой хроники К. Вестрап относит к концу III в. до н.э. до появления первых анналистов. Это “издание” предшествовало “Великим анналам”, которые включали весь исторический и антикварный материал, собранный из архивов коллегии понтификов, как саму жреческую хронику, так и нормы сакрального права (*ius sacrum*). Появление *Annales Maximi*, составленных Муцием Сцеволой, объединило в жреческом варианте два направления интеллектуальной деятельности, оформившиеся в Риме во второй половине II в. до н.э.²² Новое, что внес К. Вестрап в разработку проблемы, связанной с жреческими анналами и “Великими анналами”, в частности, это – определение места данного памятника в римской исторической традиции. Впервые была отмечена связь открытия жреческих архивов для широкой публики и зарождения светского антикварно-исторического интереса в римском обществе. К. Вестрап не оставляет без внимания и самый веский аргумент сторонников скептического отношения к *Annales Maximi* – отсутствие ссылок на них в сочинениях анналистов. Такую ситуацию он объясняет тем, что “Великие анналы” были компиляцией материала о правилах почитания богов и нормах сакрального права; это явилось достаточной причиной для римских историков, чтобы воздерживаться от их цитирования²³.

²² Westrup C. W. On the Antiquarian-historiographical Activities of the Roman Pontifical College. Kobenhavn, 1929. P. 30 ff.

²³ Ibid. P. 43 ff.

Таким образом, создается впечатление, что *Annales Maximí* содержали материал, не представлявший интереса даже для старших анналистов, не говоря уже об историках I в. до н.э., то есть такой материал, на основании которого нельзя было написать сочинение, которое удовлетворило бы не только искушенного греческого читателя, но и римскую читающую публику. Значит, в анналах было все, кроме самой истории, которую римским анналистам предстояло создавать самостоятельно. Но из какого материала? Ответить на этот вопрос нам предстоит во второй главе книги.

Статья С. Джонса в первом издании Кембриджской истории "примиряет" все приведенные выше точки зрения: существовали некие *Annales Maximí*, которые были изданы в 80 книгах Муцием Сцеволой, записи в этих книгах начались незадолго до отмеченного Цицероном солнечного затмения 400 г. до н.э., и, тем не менее, историки почему-то не цитировали такую работу²⁴.

Последующая историография мало повлияла на уже оформившиеся взгляды. Таблицы понтификов считались, как правило, единственным оригинальным источником, а произведения ранних анналистов не отличались от анналов понтифика ни по стилю, ни по содержанию²⁵. По-прежнему настойчиво звучат голоса скептиков. Э. Роусон отказывается верить в таблицы понтификов как ос-

²⁴ Jones St. Sources for the Tradition of Early Roman History // САН. Vol. 7 P. 320.

²⁵ Ogilvie R.M. Livy, Lic. Macer and the *Libri Lintei* // JRS. 1958. Vol. 48. P. 46; Fraccaro P. The History of Rome in the Regal Period // JRS. 1957. Vol. 47. P. 60 f. Э. Габба считает, что старшие анналисты, повествуя о внутренней истории Рима, не имели другой опоры, кроме списка магистратов, который предоставлял им немногие точные даты. Последующие поколения анналистов воспользовались хронологическими пустотами для создания своих псевдонсторических реконструкций (Gabba E. Considerazioni sulla tradizione litterari sulle origini della Repubblica // Entretiens sur l'antiquité classique. Gènevè, 1966. Vol. 13. P. 168.).

новой компонент исторической традиции²⁶, а Т. Корнелл, хотя и признает существование *Annales Maximi*, не связывает “публикацию” этого памятника с деятельностью Муция Сцеволы и тем более не считает, что появление в конце II в. до н.э. нового источника информации стало причиной увеличения объема сочинений младших анналистов – историков I в. до н.э.²⁷ Новое издание Кембриджской истории, предпринятое в 1986 г., не отдает предпочтения какой-либо точке зрения как наиболее авторитетной, а отражает на своих страницах разные подходы к решению этой проблемы. Поэтому Э. Эстин утверждает, что большая часть анналистического материала происходит из *Annales Maximi* – записей, составленных великим понтификом и “опубликованных” в конце II в. до н.э.²⁸, а Р. Огилви и Э. Драммонд, придерживаясь крайнего скептицизма, считают публикацию анналов в 80 книгах антикварным изобретением, типичным для I в. до н.э.²⁹ Авторы считают неправдоподобным мнение о том, что великий понтифик сохранил исторические записи за несколько веков до начала литературной историографии в Риме, так как таблицы, которые вели понтифики, ограничивались потребностями и интересами самой коллегии и, в первую очередь, ведением календаря³⁰.

В отечественной исторической науке проблемой древнейших письменных памятников в Риме активно за-

²⁶ Rawson E. The Antiquarian Tradition: Spoils and Representations of Foreign Armour // Rawson E. Roman Culture... P. 582.

²⁷ Cornell T.J. The Formation of the Historical Tradition of Early Rome // Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / Ed. I.S. Maxon, J.D. Smart, A.J. Woodman. Cambridge, 1986. P. 71 f.

²⁸ Astin A. Sources // CAH. 1989. Vol. 8. P. 10.

²⁹ Ogilvie R.M., Drummond A. The Sources for Early Roman History // CAH. 1989. Vol. 7(2). P. 7 со ссылкой на книгу Б. Фрира (Frier B.W. Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origins of the Annalistic Tradition. Rome, 1979).

³⁰ Ogilvie R.M., Drummond A. Op. cit. P. 20 f.

нимались со второй половины XIX в. Начало этому было положено В.И. Модестовым, который в 1868 г. выпустил монографию, посвященную развитию латинской письменности и ее древнейшим памятникам. Прежде всего В.И. Модестов исследовал письменные памятники, созданные в коллегии понтификов. Отдельная глава его работы посвящена анналам понтифика. Автор относит обычай ведения летописи в Риме к первым царям, но эта летопись была уничтожена пожаром, который охватил Город во время галльского нашествия в 390 г. до н.э. Позже летопись была восстановлена, приобрела книжную форму, но утратила подлинность содержания. Процесс восстановления летописи понимался В.И. Модестовым как процесс создания *Annales Maximi*, которые он уверенно отождествлял с анналами великого понтифика³¹.

В начале XX в. в российской, как и в западноевропейской историографии того времени, в исследовании вопроса об источниках римской анналистической традиции обозначились два подхода: один представлен работой Н. Радцига “Начало римской летописи”, другой – откликом на нее, сочинением Г. Мартынова “О начале римской летописи”. Н. Радциг доказывал существование летописи, зародившейся с древнейших времен в недрах коллегии понтификов и вызванной к жизни практическими потребностями – ведением календаря, а возникшие на этой основе “Великие анналы” считал источником римской исторической традиции³². Его оппонент относил начало официальной летописи в Риме только к середине III в. до н.э., а под “Великими анналами” понимал все сведенные воедино жреческие записи³³. Впоследствии вопрос о том, как создавалась римская историческая традиция и какая

³¹ Модестов В.И. Римская письменность в период царей. Казань, 1868. С. 109–114.

³² Радциг Н. Начало римской летописи. Отд. оттиск. С. 29 сл.; С. 49.

³³ Мартынов Г. О начале римской летописи. Отд. оттиск. С. 45 сл.

роль принадлежит в ней жреческим анналам, специально не затрагивался в отечественном антиковедении. Как правило, он включался в обзоры источников римской истории³⁴.

Таким образом, историографический обзор проблемы первоисточников римской исторической традиции позволяет сделать следующие выводы: во-первых, первоисточником, прежде всего, считаются жреческие анналы, и “Великие анналы” в частности, что уже *a priori* предполагает сносное состояние архивов, причем самое позднее — от начала Республики; во-вторых, под литературно оформленной исторической традицией понимается исключительно римская анналистика всех поколений (от конца III до конца I в. до н.э.), поэтому интересы исследователей постоянно вращаются вокруг проблемы использования анналистами *Annales Maximi*; существование антикварной литературы, которая также являлась частью римской исторической традиции, и вопрос об источниках содержащейся в ней информации практически выпали из поля зрения современных ученых. Поэтому необходимо выяснить, что представляли собой памятники письменности, создававшиеся жреческими коллегиями, и в первую очередь, коллегией понтификов.

АННАЛЫ ПОНТИФИКОВ И *ANNALES MAXIMI*

Приступая к анализу содержащихся в источниках сведений, следует отметить, что ссылки на *annales* в сочинениях римских авторов встречаются часто, однако далеко не все можно рассматривать как указание на анналы понтифика. Прежде всего, следует обратить внимание на те случаи, когда термин *annales* употреблен вместе с такими определениями, как *publici*, *maximi* или *pontificum*. В этом случае круг наших источников значительно сужается, зато предоставляет нам сведения, относящиеся непосредствен-

³⁴ Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1947. С. 6 сл.

но к “литературной” деятельности коллегии понтификов. В нашем распоряжении имеются три отрывка, позволяющие наиболее полно представить содержание анналов понтифика. Первый принадлежит Катону и сохранился в виде цитаты из четвертой книги его “Начал” (*Origines*), приведенной Авлом Геллием, второй содержится в диалоге Цицерона “Об ораторе” (*De oratore*). Обе характеристики расходятся во времени примерно на сто лет³⁵. Третий отрывок составлен комментатором Вергилия – Сервием, жившим в IV в. н.э.

Вот как характеризует записи понтифика Катон: “У меня нет желания писать о том, что содержится на **таблице великого понтифика**, сколько раз дорожало зерно, сколько раз тьма или что-либо еще препятствовали свету луны или солнца” (*Gell. N.A. 2.28.6: non lubet scribere quod in tabula apud pontificem maximum est, quotiens annona cara, quotiens lunae aut solis lumine caligo aut quid obstiterit*). Во-первых, согласно Катону, великий понтифик заносил на доску мало интересные для широкой публики сведения – рост цен на зерно, а также солнечные и лунные затмения. Однако эти сведения могли иметь особую важность для самой коллегии понтификов, если вспомнить, что ведение календаря и осуществление искупительных обрядов были основными их обязанностями. Рост цен на зерно, несомненно, был следствием неурожая, вызванного засухой или наводнением. Любое стихийное бедствие находилось под пристальным вниманием великого понтифика, так как свидетельствовало о нарушении *pacis deorum* – мира с богами, от которого зависело благосостояние всей общины. Поэтому великий понтифик, способствуя ликвидации стихийных бедствий, должен был назначить молебствие и совершить искупительные жертвоприношения, что, по всей видимости, также заносилось

³⁵ Катон умер в 149 г. до н.э., но, по свидетельству Цицерона (*Brut. 90*), работал над “Началами” вплоть до последнего дня своей жизни. Диалог Цицерона “Об ораторе” был написан в 55 г. до н.э.

на таблицу³⁶. Наблюдения за небесными светилами, что напрямую было связано с составлением и регулированием календаря, также входили в обязанность коллеги понтификов, при этом затмения играли в календаре роль астрономических соответствий³⁷. Об одном из таких затмений, записанном в "Великих анналах", упоминает поэт Энний (*Cic. De rep.* 1.25). Создается впечатление, что Катон намеренно упрощает содержание летописи, хотя и не говорит прямо, что она должна была сообщать **только** о солнечных затмениях³⁸. Подобная "насмешка" Катона, по замечанию Э. Бэдиана, не должна рассматриваться как определяющая действительное содержание летописи³⁹. Очевидно, Катон хотел тем самым продемонстрировать, что таблица понтифика не может стать источником информации, представляющей интерес для его сочинения. Подобное отношение Катона к таблицам понтифика понятно только в том случае, если он уже был знаком с историческими сочинениями, которые использовали отвергнутый им материал из жреческих календарных таблиц⁴⁰. Кроме того, Катон смотрит свысока на это произведение великого понтифика так же, как спустя сто лет будет смотреть на его

³⁶ К. Цихориус, например, считает, что отмечалось не столько бедствие, сколько сакральные меры по его преодолению. См.: *Cichorius C. Op. cit.* S. 2250. Подобная информация, в изобилии содержащаяся в I декаде сочинения Ливия, происходит из понтификальных записей. Правда, трудно сказать, пользовался ли историк этими записями непосредственно или заимствовал подобные сведения из сочинений своих предшественников. Подробнее об этом: *Rawson E. Prodigy Lists...* P. 9 ff.

³⁷ Букерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 41.

³⁸ *Fleck M. Cicero als Historiker.* Stuttgart, 1993. S. 95.

³⁹ *Badian E. The Early Historians* ... *Latin Historians* / Ed. T.A. Dorey. L., 1966. P. 28. Note. 4.

⁴⁰ Обычно предполагается его знакомство с сочинением Фабия Пиктора, который пользовался календарными таблицами. См.: *Kierdorf W. Catos "Origines" und die Anfänge der römischen Geschichtsschreibung* ... *Chiron*. 1980. Bd. 10. S. 206 f.

сочинение Цицерон, отмечая невысокие художественные достоинства произведений своих предшественников: по его словам, они оставили лишенные всяких украшений памятки о датах, людях, местах и событиях⁴¹.

Более развернутую характеристику анналов дает Цицерон: "От начала Рима вплоть до великого понтифика Публия Муция великий понтифик вел запись всех событий **по годам**, заносил ее на белую **таблицу** и выставлял в своем доме для ознакомления с ней народа; эти записи и поныне называются Великими анналами" (*Cic. De orat. 2. 52: ...ab initio rerum Romanorum usque ad P. Mucium pontificem maximum, res omnes singulorum annorum mandabat lirreri pontifex maximus, referebatque in album, et proponebat tabulam domi, potestas ut esset populo cognoscendi, hique etiam nunc Annales Maximi nominantur*). Прежде всего, следует заметить, что, выстраивая в диалоге "Об ораторе" схему развития римской историографии, Цицерон помещает у ее истоков *Annales Maximi*, которые великий понтифик вел на латинском языке, противопоставляя тем самым летопись произведениям первых историков-анналистов, которые писали по-гречески. Далее, эти анналы велись "вплоть до великого понтифика П. Муция", то есть П. Муция Сцеволы, который был облечен этим саном в 130 г. до н.э. Именно упоминание П. Муция в связи с летописью понтифика стало основанием для историков со времен Т. Моммзена считать, что Сцевола "опубликовал" *Annales Maximi*. Наконец, Цицерон говорит о содержательной бедности анналов: великий понтифик вел запись по годам, но записывал он, как и первые авторы исторических сочинений – Катон, Пиктор, Пизон, – только время и место событий, а также имена их участников. Такая характеристика понтификальных анналов не противоречит, а, скорее, дополняет характеристику, содержащуюся у Катона: рост

⁴¹ *Cic. De orat. 2.53: "...hanc (annalium maximorum. – О. С.) similitudinem scribendi multi secuti sunt, qui... monumenta solum temporum, hominum, locorum gestarumque rerum reliquerunt".*

цен на зерно был заметным и запоминающимся событием для определенного года⁴².

Вторично Цицерон ставит летописи великого понтифика в начало римского историописания в диалоге "О законах", при этом называет их "самыми приятными книгами, какие только могут быть"⁴³, что совершенно не согласуется с данной им прежде характеристикой. И почему Цицерон практически не пользовался этими "самыми приятными книгами"? Первый раз он ссылается на "Великие анналы" в связи с солнечным затмением 400 г. до н.э. (*Cic. De rep.* 1. 25), второй раз, обосновывая невозможность для царя Нумы быть учеником Пифагора. В последнем случае он называет анналы "государственными летописями"⁴⁴. Однако то, что солнечное затмение упомянуто Энноием, а Цицерон ссылается сначала на него и только потом на "Великие анналы", причем оставляет без внимания ошибку, допущенную Эннием в датировке затмения, заставляет усомниться в прямом обращении Цицерона к тексту анналов великого понтифика. Возможно, что в прямом обращении не было никакой необходимости, ведь информация, которая могла бы заинтересовать оратора, была, по всей видимости, уже извлечена из них, включена в литературные произведения и доступна всем читающим. Тогда на чем основана столь лестная характеристика анналов?

Как уже отмечалось, старшие анналисты не отвечали требованиям, которые Цицерон предъявлял к литературным произведениям. Они уступали не только по языку, но и по сути изложения — факты излагались без всяких объяс-

⁴² На отсутствие противоречий в сообщениях двух авторов обратил внимание М. Флек (*Fleck M. Op. cit. S. 95. Anm. 303*).

⁴³ *Cic. De leg.* 1.6: "...nam post annalis pontificum maximorum, quibus nihil potest esse iucundius..." (ибо после летописей великих понтификов, приятнее которых ничего не может быть...). Правда, предлагается иное прочтение этой фразы: вместо *iucundius* (приятнее) — *ieiunius* (безвкусые). См.: *Cichorius C. Op. cit. S. 2255*.

⁴⁴ *Cic. De rep.* 2.28: "...neque vero satis id annalium publicorum auctoritate declaratum videmus".

нений. Современник Цицерона – историк Семпроний Азеллион – также отмечал скудное содержание такого типа исторических сочинений, как анналы⁴⁵. Но еще меньше устраивали Цицерона его современники – младшие анналисты, произведения которых изобиловали риторикой⁴⁶. В такой ситуации он предпочел вернуться к “Великим анналам”, тем более что они всегда рассматривались римлянами как часть наследия предков, в котором сконцентрирована их мудрость, подобно тому, как законы XII таблиц считались воплощением их справедливости. И в I в. н.э. Квинтилиан (Inst. 10.2.7) по-прежнему высоко оценивал среди исторических сочинений анналы понтификов, как, впрочем, и Ливия Андроника – среди поэтов, беря тем самым за образец строгую, скупую на риторические фигуры и неискусственную речь предков.

Третьей по времени написания является характеристика анналов понтифика, данная Сервием в качестве комментария к стиху из “Энеиды” Вергилия: “*Летопись наших трудов не успеешь выслушать за день*” (Aen. 1. 373): “Анналы создавались вот как. Великий понтифик каждый год заполнял **набеленную доску**, на которой, указав имена консулов и других магистратов, записывал **по дням** достопамятные деяния, совершенные в мирное и военное время, на суше и на море. Из-за его точности древние записали ежегодные комментарии в восьмидесяти книгах и назвали их Великими анналами, потому что они писались великими понтификами” (Serv. Aen. 1. 373: *...ita autem annales conficiebantur: tabulam dealbatam quotannis pontifex maximus habuit, in qua praescriptis consulum nominibus et aliorum magistratuum digna memoratu notare consueverat domi militiaeque terra marique gesta per singulos dies,*

⁴⁵ Gell. N.A. 5.18.9: “...scribere autem bellum initium quo consule et quo confectum sit et quis triumphans intioierit... – id fabulas pueris est narrare, non historias scribere (писать же, в чье консульство война началась и в чье закончилась и кто вступил в город с триумфом... значит, передавать предание детям, а не писать историю)”.

⁴⁶ Rawson E. Cicero the Historian... P. 42.

cuius diligentiae annuos commentarios in octoginta libros veteres retulerunt eosque a pontificibus maximis, a quibus fiebant, annales maximos appellarunt). Из комментария Сервия можно извлечь следующую информацию: летопись велась ежедневно, делалось это тщательно, “Великие анналы” восходят к записям на набеленных досках, сведений которых хватило на 80 книг, при этом авторство 80-томного издания остается анонимным – под *veteres* можно понимать как светского автора (или авторов)⁴⁷, так и членов коллегии понтификов⁴⁸. Кроме того, здесь мы впервые встречаемся с этимологией названия: анналы называются великими – *maximi* – не по причине их объема, а от титула главы коллегии – *pontifex maximus*. Этимологическое объяснение названия летописи встречается также у Феста⁴⁹ и у Макробия, который предлагает следующее развернутое пояснение: “...ибо понтификам была предоставлена власть переносить на таблицы память о совершенных деяниях, и именно эти анналы они называли великими, **словно** составленные великими понтификами” (*Macrob. Sat. 3.2.17: ...pontificibus enim permissa est potestas memoriam rerum gestarum in tabulas conferendi, et hos annales appellant et quidem maximos quasi a pontificibus maximis factos*). Употребляя наречие *quasi*, Макробий дает понять, что связь великого понтифика и “Великих анналов” является условной, что авторство “Великих анналов” не связано напрямую с великим понтификом, а может быть установлено только как результат его руководства коллегией, в которой создавалось это сочинение. К комментарию Сер-

⁴⁷ Р. Огилви считает, что Сервий употреблял термин *veteres* так же, как и Ливий, то есть ссылаясь на писателей Ранней республики (*Ogilvie R.M. Review B.W. Frier* JRS. 1981. Vol. 71. P. 200).

⁴⁸ Г. Самнер, например, предлагает видеть в них работавших в то же самое время великих понтификов, которые собирали материал. См.: *Sumner G.V. Review B.W. Frier* Phoenix. 1982. Vol. 36. P. 190.

⁴⁹ *Fest. s.v. maximi, Paul. p 113 L: “...maximi annales - appellabantur, non magnitudine, sed...”*

вия, по всей видимости, восходит определение анналов как особого вида исторических сочинений, содержащееся у Исидора: здесь также подчеркивается погодное изложение достопамятных дел “дома и на войне, на суше и на море”⁵⁰.

Сопоставив все три приведенные выше свидетельства (Катона, Цицерона и Сервия), можно отметить интересную особенность: название документа, ставшего основой “Великих анналов”, у всех трех авторов передается по-разному: у Катона – *tabula*, у Цицерона – *album*, у Сервия – *tabula dealbata*. А. Момильяно высказал предположение, что свидетельство Катона и Цицерона – Сервия (а точнее, Веррия Флакка) отражают разные стадии в эволюции “Великих анналов”: Катон писал до окончательного издания анналов, приблизительно в 120 г. до н.э., Цицерон и источник Сервия – после их публикации⁵¹. Младший современник Катона, грек Полибий, строил свои выводы “на основе одной-единственной таблички, находящейся у великих понтификов”, за что получил критические замечания от Дионисия Галикарнасского⁵². У греков эта табличка называлась πίναξ – дощечка для записей. К. Цихориус предположил, что первоначальное название этого документа было *tabula pontificis maximi* – табличка великого понтифика, или *tabula annalis* – погодная табличка⁵³. К. Цихориус поддержал предположение О. Зеека, что сведения Сервия восходят к хорошему древнему источнику, очевидно, к Веррию Флакку – грамматiku и антиквару эпохи Августа⁵⁴. Эта точка зрения прочно утвердилась и в

⁵⁰ *Isid. Orig.* 1.44.3: “...annales sunt res singulorum annorum. Quaeque enim digna memoriae domi militiaeque, mari ac terrae per annos in commentariis acta sunt, ab anniversariis gestis annales nominaverunt”.

⁵¹ *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 95.

⁵² *Dionys.* 1.74.3: “...ἐπὶ ... τοῦ παρὰ τοῖς ἀρχιερεῦσι κεκμένου πίνακος ἑνός καὶ μόνου τὴν πίστιν ἀβασά νιστον καταλιπεῖν...”

⁵³ *Cichorius C.* Op. cit. S. 2255.

⁵⁴ *Ibid.* S. 2248.

современной историографии. Б. Фрир определил, что источником информации об *Annales Maximi* для авторов императорского времени – Авла Геллия, Сервия и Макробия – было сочинение Веррия Флакка *Res memoria dignae* (“Достопамятные дела”)⁵⁵. Поэтому можно предположить, что термин *tabula dealbata* впервые появился в работах антикваров конца Республики – начала Империи.

Цицерон и Сервий дают нам представление об организации материала на таблицах с той лишь разницей, что у Цицерона этот материал распределен “по годам” (*omnis res singulorum annorum*), а у Сервия – “по дням” (*per singulos dies*). Последнее выражение стало предметом комментария в работах некоторых исследователей – насколько дословно следует его понимать. Первым интерпретацию этих слов Сервия дал О. Зеек: таблица передавала не столько ежедневную, сколько годовую хронику, поэтому данное выражение следует понимать так, что ежегодная таблица состояла из записей, которые понтифик осуществлял в отдельные дни, как только случалось что-либо достойное упоминания⁵⁶. А. Энманн, принимая это объяснение О. Зеека, также пытался совместить два способа ведения записей – погодно и по дням, определяя таблицу понтифика как календарь, в котором по указанию понтифика в течение года день за днем заносились определенные даты⁵⁷. И О. Зеек, и А. Энманн исходят из хорошо известной обязанности понтификов составлять календарь, в котором день за днем под соответствующими датами заносились важные события, при этом большие промежутки времени могли оставаться никак не обозначенными⁵⁸. К подобному убеждению приходит Т. Корнелл: он понимает выражение *per singulos dies* как указание дня, в который произошло то или иное событие⁵⁹. Сервий говорит, что каждый год в таблице начинался с имен

⁵⁵ Frier B. W. Op. cit. P. 32, 36.

⁵⁶ Seeck O. Die Kalendartafel der Pontifices. B., 1885. S. 62.

⁵⁷ Enmann A. Op. cit. S. 518 f.

⁵⁸ Cichorius C. Op. cit. S. 2249.

⁵⁹ Cornell T. J. The Beginnings of Rome. L.; N.Y., 1995. P. 14.

консулов, а это значит, что таблицы понтификов с определенного времени были связаны с консульским списком – фастами, а следовательно, и с консульским (то есть гражданским) годом, который тяготеет к солнечному году и не совпадал с календарным (то есть сакральным) годом, основанном на изменении фаз Луны⁶⁰.

Между двумя календарями было принципиальное различие. Консульский год определял период, во время которого консульская пара занимала должность. Он мог начинаться в любой день календарного года и быть короче него, если консулы оставляли должность до истечения срока их полномочий. Консульский год использовался для определения последовательности лет. Календарный год, напротив, был действителен для любого года, так как его функция сводилась к определению порядка в череде постоянно повторяющихся дней и дат в пределах годичного цикла. Он представлял собой “смену времен и **круговорот** латинского года” – то, что воспевал в своих “Фастах” Овидий⁶¹. Возможно, в этой практике понтифика – внесение консульских пар в календарную таблицу – следует видеть сознательное стремление привести в соответствие две календарные системы для практических нужд. Кроме того, понтифик “заведовал” днями, то есть с появлением новой Луны он сообщал, сколько дней остается до нон. Процедура оповещения народа подробно описана Варроном (I.1. 6.27): в календы, первые дни месяца, понтифики на Капитолии объявляют ноны текущего месяца, падут ли они на пятый или на седьмой день. В сами же ноны провозглашалось, через сколько дней наступят иды, а царь жертвоприношений (*rex sacrorum*), который также входил в коллегию понтификов и был ближайшим помощником ее главы в вопросах священнодействий, объявлял народу празд-

⁶⁰ Букерман Э. Указ. соч. С. 39.

⁶¹ Ovid. Fast. 1.1: “...tempora cum causis Latinum digesta per annum...” Подробнее о римском календаре см.: Michels A.K. The Calendar of the Roman Republic. Princeton, 1967; Жреческие коллегии в Раннем Риме. С. 123 сл.

ники текущего месяца⁶². Варрон цитирует также саму формулу оповещения, что, несомненно, свидетельствует о заимствовании этой информации из каких-то понтификальных источников.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что оба способа ведения записей на таблице понтифика, отмеченные Цицероном и Сервием, не противоречат, а дополняют друг друга: в пределах каждого года осуществлялась разметка по дням, причем в первую очередь отмечались праздничные дни, насыщенные важными для гражданского коллектива событиями, а также черные дни (*dies atri*), в которые нельзя было начинать ничего нового, судебные дни (*dies fasti*), дни народных собраний (*dies comitiales*)⁶³. В данном контексте становятся понятными, с одной стороны, слова Сервия о точности и тщательности ведения записей, что впоследствии вылилось в столь внушительный объем “Великих анналов”, с другой – сетования Ливия на отсутствие сведений, синхронных событиям конца IV в. до н.э.⁶⁴, хотя Цицерон говорит о том, что в таблицах фиксировались *res omnes*. Очевидно, употребленный Цицероном термин *res omnes* указывает на информацию всех сортов⁶⁵, довольно пеструю, но преимущественно сакрального содержания. Ведь, как отмечал сам Цицерон (*De domo* 1.1), в ведении понтификов находится “...благополучие всех граждан (*omnium civium salus*), алтари (*arae*), очаги (*foci*), боги-пенаты (*di penates*)...”. Наконец, из трех отрывков упомянутых выше авторов, только Цицерон позволяет соединить “Великие анналы” с именем понтифика Сцеволы, но все же не ставит знак равенства между “публикацией” сборника и его деятельностью. Такая неопределенность Цицерона в вопросе о роли Сцеволы в появлении “Вели-

⁶² Varro *L.L.* 6. 28: “...tunc ferias primas menstruas, quae futurae sint eo mense, rex edicit populo”.

⁶³ Перечень этих дней содержится у Варрона (*Varro L. l.* 6. 29).

⁶⁴ Liv. 8.40.5: “...nec quisquam aequalis temporibus illis scriptor extat quo satis certo auctore stetur”.

⁶⁵ Rawson E. *Prodigy Lists...* P. 14.

ких анналов” позволила некоторым современным исследователям занять примирительную позицию: они считают, что П. Муций Сцевола был последним великим понтификом, который вывешивал таблицу на стене своего дома – Регии – для всеобщего ознакомления⁶⁶. Все же имя понтифика Сцеволы продолжает появляться рядом с “Великими анналами” в работах современных исследователей⁶⁷.

Справедливости ради следует отметить, что не только имя Муция Сцеволы связывается античной традицией с письменными памятниками коллегии понтификов. Не менее яркой и уважаемой личностью, чем П. Муций Сцевола, был Тиберий Корунканий, консул 280 г. до н.э., который первым из плебеев достиг в 253 г. сана великого понтифика. Цицерон неоднократно упоминает его в одном ряду с такими знатоками права, “составлявшими законы для граждан”, как П. Лициний Красс, великий понтифик и консул 205 г., и Секст Элий Пет, юрист первой половины II в., который написал сочинение под названием *Commentarii de iure civili* (Cic. De sen. 27). Сам же Тиберий Корунканий остался в памяти последующих поколений как опынейший понтифик и, по всей видимости, автор какого-то сочинения, в котором подробно была разработана процедура дедикации, о чем вспоминает Цицерон в своей речи, произнесенной в 57 г. до н.э. перед коллегией понтификов⁶⁸. Все три имени используются Цицероном в качестве

⁶⁶ *Drews R.* Pontiffs, prodigies, and the disappearance of the Annales Maximi // Cl. Ph. 1988. Vol. 83(4). P. 297; *Luce T.J.* Livy, Augustus, and the Forum Augustum // Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and His Principate / Ed. K.A. Raafaub, M. Toher. Oxford, 1990. P. 135.

⁶⁷ *Flach D.* Einführungen in die römische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985. S. 59; *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 88; *Немировский А.И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 183.

⁶⁸ Cic. De domo 138–139: “...e Ti. Coruncani scientia, qui peritissimus pontifex fuisse dicitur”.

примера законотворцев не случайно. Эти три человека были знатоками публичного права, которое из всех разделов права в большей степени тяготело к религии, то есть к области сакрального (в данном случае понтификального) права. Еще раз Тиберий Корунканий упоминается Цицероном (*De nat. deor.* 1.115) в паре со знаменитым великим понтификом П. Сцеволой как самый набожный и благочестивый человек. Эти штрихи к портрету Корункания дополняются свидетельством Цицерона о его природных способностях, о которых можно судить по “комментариям понтификов”⁶⁹. Возможно, здесь мы имеем дело с упоминанием о какой-то литературной обработке записок понтифика, выполненной Тиберием Корунканием. О его литературных занятиях сообщает Помпоний – юрист II в. н.э., правда, сочинения Корункания не сохранились⁷⁰. Это можно объяснить тем, что некогда записанные ответы (*responsa*) Корункания передавались устно в течение ста последующих лет. Но некоторые, очевидно, сохранились в записях коллегии понтификов⁷¹.

А. Энманн считал Корункания древнейшим редактором понтификальных анналов⁷². Значит, следующим редактором, по логике А. Энманна, должен был стать П. Муций Сцевола. Ф. Любкер даже высказал ни на чем не основанное предположение, что Сцевола отнял у великого понтифика (занимая эту должность) право вести государ-

⁶⁹ *Cic. Brut.* 55: “Ti. Coruncanium, quod ex pontificum commentariis longe plurimum ingenio valuisse videatur”.

⁷⁰ *Dig.* I.2.2.38: “...Tiberius Coruncanius... qui primus profiteri coepit: cuius tamen scriptum nullum exstat, sed responsa complura et memorabilia eius fuerunt” (Тиберий Корунканий первый начал публично преподавать; из его писаний ничего не сохранилось, но его ответы были многочисленны и памяты).

⁷¹ Именно так Э. Роусон предлагает понимать выражение *responsa memorabilia*, употребленное Помпонием (примеч. 69). *Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic.* Baltimore, 1985. P. 204.

⁷² *Enmann A. Op. cit.* S. 530 f.

ственную летопись⁷³. Однако, как уже упоминалось, наши источники не связывали его имя напрямую с созданием 80-томных *Annales Maximi*. Известно, что П. Муций Сцевола превосходно знал право и давал консультации по наследованию имущества, что было сопряжено с принятием на себя семейных священнодействий (*Cic. De leg. 2.53*). Сцеволу и его сына Цицерон (*De leg. 2.47*) называет “опытнейшими законооведами”, что не противоречило их жреческим обязанностям. Занятия священнодействиями (*sacra*) и правом пересекались в деятельности понтифика. Более того, знание гражданского права Сцевола считал необходимым условием деятельности понтифика. Занятия правом были не единственной областью творческих интересов Сцеволы. Блаженный Августин, хорошо знавший римские древности благодаря тщательной проработке антикварных сочинений и, в первую очередь, наследия Варрона, сообщает, что ученейший понтифик Сцевола делил богов на три рода: один был введен поэтами, другой – философами, третий – государственными властями⁷⁴. Это свидетельствует о том, что Сцевола написал какое-то сочинение, в котором осмысливал знания, накопленные в коллегии понтификов, прибегая к методу систематизации (делению объекта исследования на роды, виды, подвиды и т. д.) – излюбленному приему греческих философов, учения которых становились достоянием римской интеллектуальной элиты того времени⁷⁵.

Подобная деятельность понтифика, вероятнее всего, заполняла его досуг и была откликом на проснувшийся в

⁷³ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей // Пер. с нем. М., 2001. Т. 2. С. 412.

⁷⁴ *Aug. C.D. 4. 27*: “...relatum est in litteras doctissimum pontificem Scaevolam disputasse tria genera tradita deorum: unum a poetis, alterum a philosophis, tertium a principibus civitatis”.

⁷⁵ Подробнее о культурной ситуации в Риме во II–I вв. до н.э. см.: Rawson E. *Intellectual Life...*; Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: Восток и Запад. Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1992.

римском обществе интерес не просто к своему прошлому, но к его реалиям. Облеченный саном великого понтифика, Сцевола сосредоточился в первую очередь на вопросах религии и предметах культа. Как представляется, “литературная” работа Сцеволы не была связана с оформлением *Annales Maximī* в 80-томное издание, а была самостоятельной деятельностью по созданию сочинения антикварного содержания, в котором исследовались конкретные сакрально-правовые вопросы, например, о дедикации. “Великие анналы”, как и другие письменные памятники, создаваемые коллегией понтификов, были анонимной работой и, как указал Фест, их ведением, как, впрочем, всем, что происходило в коллегии, заведовал великий понтифик, поэтому они и назывались *Maximī*. Анонимность жреческих памятников объясняется тем, что всю работу по их составлению вели писцы⁷⁶, которые, хотя и были гражданами, а не государственными рабами, как в Греции, однако в архаическом Риме имели низкий социальный статус⁷⁷.

С какого времени велись анналы понтифика и каково было их содержание? Цицерон на этот счет высказался определенно: “от начала Рима”. Как известно, для римских историков существовало два события, знаменовавших начало истории их Города – прибытие Энея в Лаций и основание Рима его отдаленными потомками – Ромулом и Ремом. Какое из этих двух “начал Рима” подразумевал Цицерон?

Вернемся еще раз к отрывку из диалога Цицерона “О государстве” (1. 25), где упоминается записанное в “Великих анналах” солнечное затмение 400 г. до н.э. Цицерон рассказывает, что на основании этой даты было вычислено время предшествовавших затмений солнца начиная с того, которое произошло в царствование Ромула. Если

⁷⁶ Единственными писцами, оставившими свои имена в истории, были Гней Флавий (*Liv.* 9.46.1), Л. Кантилиий (*Liv.* 22.57.3) и М. Анниций (*Liv.* 23.19.17).

⁷⁷ О канцелярских служащих в Риме см.: Jones A.H.M. *Studies in Roman Government and Law*. N.Y., 1968. P. 153.

сюда добавить замечание Сервия (Aen. 1.373) о том, что анналы говорят о временах, не известных поколению современников, то вырисовывается следующий путь превращения погодных таблиц понтификов в “Великие анналы”. Достоверная часть анналов не может восходить ко времени ранее 400 г. Однако в 390 г. до н.э. Рим был разграблен и сожжен галлами. В этом пожаре, как сообщает Ливий (6.1.2), погибло большинство письменных памятников, среди которых он называет записи понтификов (*commentarii pontificum*) и “другие государственные и частные памятные книги” (*alia publica et privata monumenta*). Здесь мы встречаемся с иным видом памятников – комментариями, которые также создавались понтификами. Об их содержании речь пойдет ниже. Сейчас же следует отметить тот факт, что римская письменная традиция оказалась прерванной в результате обрушившегося на Город бедствия.

После ухода галлов Рим стал отстраиваться заново и восстанавливать свои памятники, материальные и письменные. Конечно, исчезновение многих памятников в огне не могло не сказаться на качестве восстановленных документов. Именно это обстоятельство использовалось историками нового времени в качестве аргумента в пользу недостоверности римской истории первых двух веков Республики. Однако сам Ливий (5.42.1) отмечает, что галлы не сразу разрушили весь город, а Капитолий – сакральный центр Рима – ими вообще не был захвачен. Также и Авл Геллий впоследствии обратил внимание на то, что галлы захватили Рим за исключением Капитолия⁷⁸. Именно на Капитолии находилась Регия – официальная резиденция великого понтифика и, вероятно, место хранения документов коллегии. Поэтому, когда приступили к восстановлению утраченного, в руках государственных мужей оказалось довольно много уцелевших документов. Ливий (6.1.10) подробно перечисляет их: договоры и законы (за-

⁷⁸ *Gell. N.A.* 17.21.22 “...cum Galli Romam praeter Capitolium ceperunt”.

коны XII таблиц), царские законы, уставы о священнодействиях. Кроме того, Ливий (5.40.7–10) рассказывает о том, как фламину Квирина и весталкам удалось спасти свои святыни, укрыв их в этрусском городе Цере. И фламин Квирина, и весталки находились под контролем великого понтифика. Что в таком случае мешало понтификам позаботиться о сохранении своих святынь? Можно предположить, что утверждение Ливия о гибели письменных памятников относится в большей степени к фамильным записям, чем к официальным документам. Когда же взялись ликвидировать последствия галльского погрома, то понтики не столько восстанавливали свои “архивы”, сколько проводили их ревизию, внося некоторые изменения и дополнения.

Возможно, именно в это время (около 390 г. до н.э.) календарь понтификов (*tabula* Катона или πίναξ Дионисия) был “надстроен” информацией из древнейшей истории Рима, начинавшейся, конечно, с основателя Города. Это привело, во-первых, к появлению практики датировки *ab Urbe condita* (от основания Города), о чем был осведомлен Полибий, который говорит о времени основания Рима, ссылаясь на таблицу великого понтифика (*Dionys.* 1.74.3). Новый способ датировки соседствовал с датировкой по консульским парам. Во-вторых, получив дополнительный материал о легендарной истории Города, погодные таблицы понтификов в скором времени превратились в систематическую хронику. Можно с определенной долей уверенности предположить, что прототип позднейших *Annales Maximi* начал свое существование с IV в. до н.э., тогда как таблицы понтификов, которым “Великая летопись” обязана своим происхождением, относятся к значительно более раннему времени. К какому именно времени, можно сказать, обратившись к проблеме появления письменности в Риме.

Т. Моммзен относил появление письменности в Италии к XIV в. до н.э.⁷⁹ Археологические находки в Южной

⁷⁹ Моммзен Т. Указ. соч. Т. 1. С. 182 сл.

Италии свидетельствуют о том, что алфавитное письмо, утвердившееся в Греции на рубеже IX–VIII вв., почти в то же время появилось в Италии, а древнейшие известные нам надписи убеждают в том, что в VII–VI вв. письменность проникла в быт⁸⁰. В.И. Модестов – русский ученый второй половины XIX в. – признавал существование письменности в Лации до основания Рима⁸¹. В современном антиковедении представлены две точки зрения на эту проблему. В англоязычной историографии, как правило, время появления письменности в Риме занижается до VII в. до н.э.⁸² В то же время итальянский лингвист Э. Перуцци на огромном материале источников доказывает наличие письменности в Риме уже в эпоху Ромула. По утверждению Э. Перуцци, в Габиях – центре греческой образованности в Лации – писали на коже, но использовали также деревянные таблицы⁸³. Об использовании деревянных таблиц в качестве писчего материала с очень раннего времени говорил и Т. Моммзен⁸⁴. Для нас важным является не столько вопрос о времени возникновения письменности в Риме, сколько вопрос о времени ее распространения на общественную сферу. В.И. Модестов с уверенностью говорил об использовании письма в государственно-сакральной сфере “со времен Ромула”⁸⁵.

⁸⁰ Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. МГУ, 1982. С. 56 сл.

⁸¹ Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. С. 16 сл.

⁸² Cornell T.J. The Beginnings... P. 16. Самым поздним временем появления письменности называется 600 г. до н.э. (Momigliano A. The Origins of Rome // САН. 1989. Vol. 7(2). P. 81).

⁸³ Подробно аргументы Э. Перуцци проанализированы в ст.: Маяк И.Л. Проблема возникновения Рима в исследованиях Э. Перуцци / ВДИ. 1975. № 4. С. 153 сл.

⁸⁴ Моммзен Т. Указ. соч. Т. 1. С. 183.

⁸⁵ Модестов В.И. Лекции... С. 23 сл. Автор не сомневался также в достоверности так называемых царских законов, содержавших распоряжения царей по вопросам культа.

Возникновение письма связано с потребностью в нем. Такая потребность появилась в римском обществе достаточно рано: историческая традиция единодушно связывает ее с деятельностью второго римского царя Нумы Помпилия в сфере культа, которая была нацелена на примирение различных сакральных традиций этнически разнородных строителей Рима⁸⁶. Для того времени это было единственным способом сплотить потомков Ромула в коллективе, основанном на общих для всех священнодействиях и культах, превратившихся в настоящую государственную религию.

Частью религиозной реформы Нумы было создание жреческих коллегий и распределение обязанностей между ними, о чем подробно пишет Тит Ливий. Особый интерес в передаче Ливия (1.20.5) представляет отрывок, рассказывающий о назначении понтифика, в ведение которого Нума передал все записанные (*exscripta*) и отмеченные (*exsignata*) жертвоприношения (*sacra*). Использование Ливием в данном случае двух технических терминов явно свидетельствует о существовании с глубокой древности документов, определяющих сакральные обязанности всех жреческих коллегий. Эти документы находились в распоряжении понтифика и являлись древнейшим государственным архивом. Сам же понтифик выполнял функции хранителя архива⁸⁷.

Таким образом, хотя бы в примитивной форме, самые важные сакральные нормы могли быть записаны уже в эпоху Нумы и впоследствии занять прочное место в исто-

⁸⁶ Э. Хукер говорит о примирении в процессе синойкизма неолитических традиций обитателей деревень и виллановианцев, живших в укрепленных поселениях (*Hooker E.M. The Significance of Numa's Religious Reforms // Numen. 1963. Vol. 10. P. 126 ff.*).

⁸⁷ Э. Перуцци видит в этом отрывке свидетельство, заимствованное Ливием из *Annales Maximi*. Подробнее о его работе см.: *Phillips J.E. Current Research in Livy's First Decade: 1959–1979 ANRW. B.; N.Y., 1982. Bd. 30.2. P. 1004.*

рической традиции⁸⁸. Но значительную часть законов понтифика должны были все же запоминать. Вероятность этого подтверждается тем, что рудименты подобной практики существовали в жреческих коллегиях и во времена Цицерона. Он с уважением говорил об авгуре Ап. Клавдии, хранившем в памяти не только авгурские заклинания, но и саму науку дивинации (*Cic. De div. 1.105*). Подобная оценка Ап. Клавдия лишний раз подтверждает, что изобретение и внедрение письменности во все сферы общественного бытия не уничтожило традиций бесписьменного общества, а в течение веков сосуществовало с ними⁸⁹. Возвращаясь к таблицам понтификов, можно сделать следующий вывод. Фиксирование в них консульских пар и других магистратов позволяет говорить о ведении систематических записей на таблицах самое раннее с начала V в. до н.э.⁹⁰ Что касается более отдаленного времени, то речь, видимо, может идти только о спорадических календарных отметках, которые понтифики делали для своих нужд, одновременно объявляя народу в устной форме о распределении дней в пределах месяца. По подсчетам Э. Перуцци, на годичную запись на деревянной таблице у понтифика уходило до 65 строк, а потому эти записи не могли в перспективе составить 80-томный сборник⁹¹. За счет каких сюжетов можно было увеличить объем?

⁸⁸ Считается, что идеальные законы, которые Цицерон поместил во второй книге диалога "О законах", мало отличались от законов Нумы (*Hooker E.M. Op. cit. P. 123. Note. 259*). Однако Э. Роусон называет греческие и римские источники цитированного Цицероном религиозного законодательства. По ее мнению, нельзя назвать единый источник для отдельных законов (*Rawson E. The Interpretation of Cicero's de legibus // Rawson E. Roman Culture... P. 134 ff*).

⁸⁹ *Finley M.I. The Ancient Historian and his Sources // Finley M.I. Ancient History. Evidence and Models. L., 1985. P. 16.*

⁹⁰ Т. Корнелл считает, что систематические записи не восходили даже к началу Республики, хотя консульский список, вероятно, достоверен с самого начала (*Cornell T.J. The Beginnings... P. 15*).

⁹¹ *Маяк И.Л. Проблема возникновения... С. 162 сл.*

Итак, о содержании “Великих анналов” частично можно составить представление на основании того, что было сказано о календарных таблицах понтификов. *Annales Maximī* имели погодную основу изложения материала, но документальные записи, как отметил Катон, были мало-численными, отрывочными и однообразными по содержанию. Значит, “Великие анналы”, в первую очередь, были хроникой событий, имевших непосредственное отношение к коллегии понтификов. Однако, по всей видимости, этим ее содержание не ограничивалось. Авл Геллий (N.A. 4.5.1–6) сохранил пространный рассказ о сакральных проблемах, связанных со статуей легендарного героя начала Республики Горация Коклита, причем этот рассказ сопровождается прямой отсылкой к *Annales Maximī*. Поскольку информация такого рода не встречается в других источниках, с содержанием этого рассказа необходимо ознакомиться подробнее.

Статуя Горация Коклита, которая стояла в Риме на Комиции, была поражена молнией. Чтобы совершить искупительные жертвоприношения, из Этрурии были призваны гарусники. Они, враждебно настроенные по отношению к римскому народу, решили дать неправильные указания по исполнению обряда – переместить статую в более низкое место, куда не доходят солнечные лучи. Когда обнаружилось их коварство, они предстали перед судом римского народа и были казнены. Позже были найдены надлежащие указания, что статуя должна быть поставлена на возвышенное место, после чего дела у римлян пошли успешно.

После того, как этрусские гарусники были наказаны, мальчишки распевали по всему городу стих следующего содержания: *malum consilium consultori pessimum est* (плохой совет – наихудший для советчика). Геллий называет этот стих *senarius* – сенарием, то есть шестистопным стихом. И история о гарусниках, и сенарий записаны в 11-й книге “Великих анналов” и в первой книге сочинения Веррия Флакка “О достопамятных делах” (*Rerum Memoria Dignarum*). Столь важный для нас отрывок имеет существенный недостаток: в нем нет какой-либо хронологичес-

кой привязки, позволяющей определить как время самого происшествия, так и время появления рассказа о нем и включения его в “Летопись” понтифика. Единственным хронологическим показателем может быть упоминание сенария – шестистопного стиха, варианта греческого ямбического триметра. Его появление в римском стихосложении было связано с деятельностью поэтов Ливия Андроника (ум. в конце III в. до н.э.) и Невия (ум. ок. 201 г. до н.э.), создателей римской драмы. Из драмы триметр перешел в другие литературные жанры (он был основным стихом диалога в комедии) и даже в фольклор⁹². Со времени Энния (239–169 гг. до н.э.) массовым размером латинской поэзии стал греческий гекзаметр⁹³.

Время жизни трех корифеев римской архаической поэзии позволяет предположить, что сенарий бытовал в латинской поэзии приблизительно около века – от середины III до середины II в. до н.э. – правда, в уличных песнях он мог использоваться и в более позднее время⁹⁴. Геллий добавляет, что приведенный им сенарий был переводом стиха из сочинения Гесиода, то есть своеобразным переложением на римский лад греческой “мудрости”. Подобная практика была в ходу у римлян во время массового распространения греческой культуры и образованности, пришедшегося на начало II в. до н.э. Особенно этим увлекался Катон Цензор, на что впоследствии обратил внимание Плутарх (Cat. Mai. 2). Поэтому обозначенный выше хронологический отрезок может рассматриваться как время появления упомянутой Геллием песенки, а вот присоеди-

⁹² Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 11.

⁹³ *Isid. Etym.* 1.39.6: “...hexametros autem Latinos primum fecisse Ennius traditur; cosque “longos” vocant”.

⁹⁴ Б. Фрир, например, считает, что стих *senarius* был обычной остротой времени триумвиров (*Frier B.W. Op. cit.* P. 60). Геллий (N.A. 18.15.1) говорит о гекзаметре и сенарии как о стихотворных размерах, которые в его время стали уже объектами изучения.

ненный к ней рассказ о недобросовестности гарусников очень походит на этиологическое объяснение. Э. Роусон даже считает, что такое страшное явление, как удар молнии в статую Горация, записано так, что подстроено под эту поговорку⁹⁵. Более того, слово *consultor* из приведенного Геллием стиха, вокруг которого строится весь рассказ, начало употребляться в значении “советчик” только с эпохи Саллюстия⁹⁶. Совершенно очевидно, что рассказ не принадлежит Флакку, а взят им из *Annales Maximi*. Вероятно, подобные этиологические рассказы, имевшие сакральную основу, дополняли в “Летописи” понтифика сообщения календарного характера. Антикварная направленность подобных эпизодов помогает предположительно установить время их появления – не ранее последней трети II в. до н.э., когда начал оформляться антикварианизм как одно из направлений римского историописания. С этого времени можно говорить о начале оформления “Великих анналов” и о превращении их в то сочинение, о котором рассказал Сервий.

Безусловно, только понтификальных таблиц было бы недостаточно для 80-томного издания, каким были *Annales Maximi*, а этиологические рассказы, составлявшие, по-видимому, значительную часть “Великих анналов”, должны были восходить к каким-то записям, явно отличавшимся от скудной погодной хроники. Несопоставимость окончательного результата – “Великих анналов” – с их непосредственным источником – таблицами понтифика – стала предметом размышлений для А. Момильяно. Историк предложил следующее, на мой взгляд парадоксальное, объяснение: наиболее серьезные дополнения к “Великой летописи” были сделаны около 120 г. до н.э.; это значит, что издатели “Великих анналов” пользовались различными книгами по истории, написанными в конце III – II в. до н.э. То есть автор подразумевает использование сочинений старших анналистов – Фабия Пиктора, Цинция Алимента,

⁹⁵ Rawson E. Prodigy Lists... P. 15.

⁹⁶ Cichorius C. Op. cit. S. 2253.

Катона, Кассия Гемины – составителями и редакторами “Великих анналов”. С точки зрения А. Момильяно, можно говорить о постоянном обмене информацией между понтификами и историками-анналистами: сначала анналисты использовали скудные записи на таблицах понтификов (о чем поведал Катон), что способствовало подъему римской историографии, потом, создав полномасштабные повествования они, в свою очередь, стали источником для составителей “Великих анналов”, которые смогли тем самым заполнить лакуны, существовавшие в древних таблицах⁹⁷.

Подобная схема вызывает ряд возражений. Во-первых, трудно поверить в то, что бедные по содержанию таблицы понтификов способствовали подъему римской историографии. Во-вторых, если информация переходила от понтификов к анналистам, а затем, в расширенном виде, – обратно, почему это не сказалось на изменении стиля самих анналов. Цицерон (*De orat.* 2.53–54; *De leg.* 1.2.6) утверждал, что сочинения старших анналистов по своей лаконичности и сухости изложения не отличались от понтификальных таблиц. Кроме того, в “Анналах” Л. Кальпурния Пизона – историка II в. до н.э. – наблюдается “сбой” в перечне консульских пар: расхождение с официальным списком составляет два года, что вряд ли могло быть при едином понтификальном источнике для всех анналистов. Тит Ливий (4.20.8, 23.3) отмечает, что Лициний Макр – историк I в. до н.э. – предпочитает следовать полотняным книгам (*libri lintei*), которые хранились в храме Юноны Монеты и содержали список должностных лиц. Значит, кроме таблиц понтифика, анналисты могли пользоваться и другими документами. На мой взгляд, составители “Великих анналов” и историки-анналисты работали самостоятельно и независимо друг от друга. Анналисты, несомненно, могли пользоваться записями, хранившимися в коллегии понтификов (о возможности доступа к архивным материалам будет сказано ниже), но у самих понтификов вряд ли возникала необходимость обращаться к

⁹⁷ Momigliano A. The Classical Foundations... P. 97.

сочинениям анналистов. Чтобы окончательно в этом убедиться, необходимо определить, какие еще документы создавались коллегией понтификов и хранились в ее архивах.

КОММЕНТАРИИ ПОНТИФИКОВ

Наиболее часто римские авторы упоминают *commentarii pontificum* (записки понтификов), а по контекстам, в которых встречается этот памятник, можно составить представление о его содержании. Начнем с хронологически самого раннего свидетельства, содержащегося в диалоге Цицерона "Брут" (60). Рассуждая об уровне развития латинского языка и красноречия в век Невия, Цицерон обращает внимание своих слушателей на то, что Невий, по свидетельству старинных записей (*ut in veteribus commentariis scriptum est*), умер в консульство П. Корнелия Цетега и П. Тудитана во II Пуническую войну. Здесь необходимо уяснить содержание термина *veteres*, которым определяется характер записей. Выше уже отмечалось, что термин *veteres* в схожем контексте может относиться к самим понтификам⁹⁸, а значит, в данном случае и к результатам их "литературной" деятельности — к составлению комментариев. Далее, обращает на себя внимание организация материала по консульским парам, что позволяет усматривать в этих понтификальных записях некоторое подобие летописи, однако нельзя ставить знак равенства между ними и календарными таблицами понтификов. Цицерон (De domo. 136) также отмечает, что в комментариях понтификов значились примеры обращения к коллегии по различным поводам, например по поводу дедикации. Обращения к понтификам по вопросам священнодействий требовали постановлений (*decreta*) или ответов (*responsa*) с их стороны, а значит, Цицерон имеет в виду конкретный случай подобных ответов. Другой случай ответа понтификов по поводу установления дня для проведения авгурий упоминает

⁹⁸ Drew's R. Op. cit. P. 293.

Плиний Старший (N.H. 18.14). Он не только цитирует этот ответ, но дает отсылку к комментариям понтификов.

Ссылки на комментарии понтификов встречаются и в I декаде сочинения Ливия, где их упоминание неразрывно связано с борьбой патрициев и плебеев. Как правило, к ним как к воплощению обычаев и постановлений предков прибегают противники предоставления плебеям равных прав с патрициями. Но и другая сторона стремилась заручиться их поддержкой, апеллируя к авторитету понтификальных записей. Один из таких споров случился в 445 г. до н.э. и был связан с предложением плебейского трибуна Гая Канулея о разрешении законных браков между патрициями и плебеями, что открывало доступ плебеев к консулату. Опуская аргументы обеих сторон, остановлюсь лишь на небольшом отрывке из речи самого Канулея: "...вы думаете мы (плебен. – О. С.), не имея доступа ни к фастам, ни к **записям понтификов**, не ведаем и того, что знает любой чужеземец? Что когда-то консулы сменили у власти царей, что права их и власть не больше, чем некогда царские?" (Пер. Г.Ч. Гусейнова)⁹⁹. Судя по данному отрывку, комментарии понтификов существовали уже в начале Республики, и в них была зафиксирована такая важная веха в жизни коллектива, как замена царской власти на консульскую. Поскольку смена политического режима – *regnum* на *res publica* – влекла за собой ряд правовых неясностей, которые могли угрожать стабильности *civitas*, их разрешение взяли на себя компетентные в вопросах права понтифики¹⁰⁰.

Прежде всего, надо было определить права новых носителей империя. Этот первый случай стал прецедентом, на основании которого впоследствии определялся объем полномочий консулов, что и было записано в комментари-

⁹⁹ *Liv.* 4.3.9: "...obsecro vos, si non ad fastos, non **ad commentarios pontificum** admittimur, ne ea quidem scimus quae omnes peregrini etiam sciunt, consules in locum regum successisse nec aut iuris aut maiestatis quicquam habere quod non in regibus ante fuerint?"

¹⁰⁰ О деятельности понтификов в правовой сфере см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. С. 113–133.

ях в виде постановления (*decretum*) коллегии понтификов. Поэтому с уверенностью можно сказать, что данные сведения, включенные в речь Канулея, восходят к оригинальным записям – комментариям понтификов. Позже Ливий (6.1.2) со всей определенностью отнес комментарии понтификов ко времени до галльского нашествия. Однако комментарии понтификов, несомненно, существовали и в более раннее время, на что указывает Квинтилиан. Знаток латинского языка и тонкий ценитель стиля, он считал комментарии понтификов и древнейшие союзные договоры примерами устаревшего латинского языка¹⁰¹. Из числа древнейших союзных договоров в первую очередь приходит на память договор с латинами (*foedus aequum*), заключенный одним из консулов 493 г. до н.э., Спурием Кассием (*Liv.* 2.33.4). Но существовал еще более ранний договор, который Рим заключил с Габиями в царствование Тарквиния Гордого. Дионисий (4.58) назвал этот договор исполнитием, как, впрочем, и договор Спурия Кассия (*Dionys.* 8.70), то есть договором, распространявшим на жителей Габий права латинского гражданства¹⁰². Сравнение языка комментариев понтификов с языком союзных договоров, древнейший из которых относится ко второй половине VI в. до н.э.¹⁰³, позволяет говорить о значи-

¹⁰¹ *Quint.* Inst. 8.2.12: "...at obscuritas fit verbis iam abusu remotis, ut si commentarios quis pontificum et vetustissima foedera et exoletos scrutatus auctores id ipsum petat ex his, quae inde contraxerit, quod non intelleguntur" (неясность возникает со словами, уже вышедшими из употребления, как если бы кто-то, внимательно прочитав комментарии понтификов, древнейшие договоры и сочинения устаревших авторов, стал бы искать в них то, что он из них сам же выбросил как непонятное).

¹⁰² *Smith Ch.J.* Op. cit. P. 209.

¹⁰³ Если принять точку зрения И. Маркварта, что Сп. Кассий возобновил существовавший между Римом и латинами договор, заключенный после завоевания Альбы-Лонги, то есть в VII в. до н.э. (*Marquardt J. Römische Staatsverwaltung.* Leipzig, 1873. Bd. 1. S. 23), то можно говорить о еще большей древности понтификальных документов.

тельной древности этого вида документов коллегии понтификов.

Запись прецедентов и их разбор, конечно, первоначально осуществлялись анонимно, но с развитием латинского языка, очевидно, начала сказываться литературная одаренность их составителей. Более того, могла возникнуть практика отсылки к комментариям предшественников, иногда с указанием их имен. Чем иначе объяснить, что Цицерон (Brut. 55), характеризуя римских ораторов до Катона, судил о большом даровании великого понтифика Тиберия Корункания по комментариям понтификов?

Латинские авторы, говоря о письменных памятниках, существовавших в коллегии понтификов, используют разную терминологию: *tabulae pontificum*, *commentarii pontificum*. Несомненно, речь у них идет о разных документах. Может ли в этом отношении что-либо добавить грек Дионисий Галикарнасский, римская история которого написана по канонам анналистики и одновременно отражает его устойчивый интерес к информации антикварного характера?¹⁰⁴ Дионисий (3.36.4) рассказывает, что Анк Марций – четвертый римский царь – призвал понтификов (τοὺς ἱεροφάντας) и, получив от них записи по религиозным обрядам (τὰς περὶ τῶν ἱερῶν συγγραφάς), которые составил Помпилий, заставил, чтобы они были записаны на таблицах (εἰς δέλτους) и выставлены на Форуме для всеобщего обозрения. Со временем они были разрушены. Так как медные доски (χαλκαὶ στήλαι) в то время еще не использовались, законы и постановления, относящиеся к религиозным обрядам (οἱ νόμοι καὶ αἱ περὶ τῶν ἱερῶν διαγραφαί), вырезались на деревянных досках (ἐν δρυίναις σαίνειν). Итак, у понтификов хранились записи по религиозным обрядам.

Древнейший материал, на котором они были записаны, неизвестен, но при Анке они были занесены на δέλτος – писчую доску треугольной формы. Со временем этот мате-

¹⁰⁴ Об этом Дионисий (1.90.2; 7.70.2–3) говорит сам. См. также: Gabba E. Dionysius and the History of Archaic Rome. Berkeley, 1991. P. 96 ff.

риал был заменен на дубовые доски (σάνις). И δέλτος, и σάνις, на которых размещались законы и постановления по религиозным обрядам, то есть комментарии понтификов, не смешиваются Дионисием с πίναξ – дощечкой, на которой велись погодные календарные записи, а это значит, что он различает разные виды документов. Интересно и то, что смена материала, а точнее, его формы – с досок треугольной формы на таблички – могла быть вызвана не только разрушением первых. Дионисий, видимо не случайно, отмечает, что треугольные доски выставлялись на Форуме и, очевидно, специально были предназначены для этой цели. Ливий (1.32.2), например, также рассказывает о том, что Анк Марций заботился об обнародовании постановлений об общественных священнодействиях. К дубовым дощечкам прибегали, чтобы отправить записи на хранение: деревянные таблицы скреплялись, отделялись воском, образуя кодексы (*codices*), которые римляне всегда отличали от книг (*libri*), написанных на папирусе¹⁰⁵. Возможно, в приведенном выше отрывке из сочинения Дионисия, сохранилось свидетельство об организации, а скорее, о новом пополнении понтификального архива.

На основании имеющихся данных источников можно представить содержание комментариев понтификов: туда входили *decreta* и *responsa*, в которых излагались отдельные случаи из сакрально-правовой практики. Макробий (Sat. 3.3.1) перечисляет те вопросы, которые рассматривались в декретах понтификов: о том, что является священным (*quid sacrum*), что неосвященным (*quid profanum*), что почитаемым (*quid sanctum*), а что – религиозным обрядом (*quid religiosum*). Решений принималось такое количество, что Ливий назвал декреты понтификов бесчисленными¹⁰⁶. Поэтому не случайно В.И. Модестов назвал комментарии понтификов ранним кодексом гражданского права, содержавшим законы, их объяснения и правила су-

¹⁰⁵ Culham P. Archives and Alternatives in Republican Rome. Cl. Ph. 1989. Vol. 84(2). P. 113.

¹⁰⁶ Liv. 39.16: "...innumerabilia decreta pontificum".

допроизводства¹⁰⁷. Разработка понтификами этих вопросов, очевидно, восходит к очень раннему времени, тогда же появились первые записи ответов, объединенные впоследствии в единый свод под названием “комментарии понтификов”. Но большая часть ответов, по всей видимости, бытовала в устной форме, а потому со временем они были забыты, как и большинство ответов Тиберия Корункания.

КНИГИ ПОНТИФИКОВ

Наши источники упоминают еще один вид понтификальных документов: это — *libri pontificum*, *pontificales* или *pontificii* — книги понтификов. Варрон (L.l. 5.98) сообщает интересную подробность, что в книгах понтификов (*in pontificiis libris*) определяется, во время каких жертвоприношений внутренние органы барана варятся в горшке, а когда жарятся на вертеле. Августин, который хорошо знал наследие Варрона и часто цитировал его сочинения, пишет, что в книгах понтификов были изложены *sacra*, то есть все то, что относится к области божественного¹⁰⁸. В нашем распоряжении имеется интересный отрывок из сочинения Плиния Старшего. “Энциклопедист” античности говорит о том времени, когда сердце животного не рассматривалось жрецами как орган, имеющий какое-либо сакральное значение. Время изменения этой ситуации Плиний обозначает необычным способом. Это произошло “после 126 Олимпиады, когда Л. Постумий Альбин, сын Луция, был царем священнодействий, после того, как царь Пирр ушел из Италии”¹⁰⁹. Римляне завершили войну с Пирром в 275 г. до н.э. Плиний не уточняет, из каких

¹⁰⁷ Модестов В.Н. Римская письменность... С. 89.

¹⁰⁸ Aug. C. D. 7.35: “...sacra... quae in libris suis pontifices habent”.

¹⁰⁹ Plin. N.H. 11.186: “L. Postumio L. f. Albino rege sacrorum post CXXVI Olympiadum, cum rex Pyrrhus ex Italia decessisset, cor in extis haruspices inspicere coeperunt”.

жреческих документов происходит это известие. Но способ датировки – в соответствии с пребыванием в должности царя священнодействий (*rex sacrorum*) – позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, подобная информация могла содержаться только в книгах понтификов, где фиксировалось все то, что относилось к проведению священнодействий, и, в первую очередь, происходившие в них изменения. В противном случае использовалась бы датировка по консульским парам или от основания Города, как это было принято в анналах понтификов. Во-вторых, такой способ датировки свидетельствует о глубокой древности обычая записывать не столько сакральные нормы, сколько их изменения. Он восходит к тому времени, когда *rex sacrorum* занимал главенствующее место в религиозной сфере, то есть задолго до начала Республики (509 г. до н.э.), когда его деятельность начала контролироваться великим понтификом.

О книгах жрецов сообщает Дионисий (8.56.1): их он называет *γραφαί* в отличие от *συγγραφαί* (3.36.4), в которых он явно усматривал комментарии понтификов. *Γραφή* наиболее соответствует латинскому *liber*, а значит, Дионисий ведет речь о книгах понтификов, в которых содержатся, по его свидетельству, правила толкования явления богини.

В понтификальных книгах подробно расписывались исполнения священнодействий, однако этим их содержание не исчерпывалось. Цицерон сообщает, что провокация существовала еще во времена царей и что сведения о ней сохранились в понтификальных и авгуральных книгах¹¹⁰. На первый взгляд это свидетельство Цицерона плохо согласуется с тем, что уже было сказано о содержании понтификальных книг. Единственный известный нам случай

¹¹⁰ Cic. Rep. 2.54: "...provocationem etiam a regibus fuisse declarant pontificii libri, significant nostri etiam augurales". В.И. Модестов даже предположил, что *libri* употреблено здесь в общем значении этого слова и подразумевает или комментарии, или анналы понтифика, то есть *Annales Maximi* (Модестов В.И. Римская письменность... С. 52).

применения провокации во времена царей относится к царствованию Тулла Гостилия и описан Ливием (1.26.5–8). Ливий повествует о том, что Гораций, осужденный дуумвирами на смерть из-за убийства родной сестры, обратился к народу за защитой. Далее дословно приводится текст закона, на основании которого осужденный подвергался наказанию: “Совершившего тяжкое преступление да осудят дуумвиры; если он от дуумвиров обратится к народу, отстаивать ему свое дело перед народом; если дуумвиры выиграют дело, обмотать ему голову, подвесить веревкой к несчастливому дереву, засечь его внутри городской черты или вне ее”¹¹¹. Следовательно, Цицерон говорил о существовании провокации во времена царей, опираясь на этот случай с Горацием¹¹². Правда, некоторые исследователи убеждены в том, что закон, приведенный Ливием, написан не языком древних документов, а представляет собой реконструкцию II в. до н.э. и вообще больше похож не на закон, а на формулу судебного процесса¹¹³. Однако А. Ватсон считает, что Ливий вряд ли мог изобрести детали процесса по делу Горация, скорее, он нашел их в своих источниках, донеся до нас наиболее древнюю его версию¹¹⁴.

Вывод А. Ватсона, по-моему, можно распространить и на сам текст закона, тем более что у Феста — автора, вновь обратившегося к этому казусу, преступление Горация характеризуется как *parricidium*¹¹⁵, а не *perduellio*, как у Ливия. Поправка Феста является данью своему времени: ар-

¹¹¹ *Liv.* 1.26.6: “...duumviri perduellionem iudicent; si a duumviris provocarit, provocatione certato; si vincent, caput obnuntio; infelici arbori recte suspendito; verbato vel intra pomerium vel extra pomerium”.

¹¹² *Watson A.* The Death of Horatia // *CQ.* 1979. Vol. 29. P. 441.

¹¹³ *Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy, Books 1–5. Oxford, 1965. P. 114; *Bleicken J.* Ursprung und Bedeutung der Provocation // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung.* R.A. 1959. Bd. 76. S. 334.

¹¹⁴ *Watson A.* Op. cit. P. 445 f.

¹¹⁵ *Fest.* P. 297 L: “...accusatus tamen parricidi apud duumviros damnatusque provocavit ad populum” (ведь обвиненный в убийстве перед дуумвирами и осужденный, он апеллировал к народу).

ханчный термин *perduellio*¹¹⁶, смысл которого стал неясен, заменен на более современный – *parricidium*. Суд над Горацием, к какому бы времени он ни относился, очевидно, был древнейшим случаем суда за преступление, которое квалифицировалось как *perduellio*, и обращения к народу как форме обжалования несправедливого приговора. В тексте закона, переданном Ливием, встречается такое понятие, как *arbor infelix* (несчастливое дерево), которое относится к словарю авгуров и понтификов, причем составляет его древнейший пласт¹¹⁷. Этот факт свидетельствует в пользу того, что авгуры и понтифики участвовали в древнейшем судебном процессе, причем в качестве лиц, обслуживающих сакральную часть судебной процедуры: обматывание головы, определение несчастливое дерева, а также места совершения наказания. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что текст закона и сама процедура суда, в передаче Ливия являются древним пластом сакрально-правовой традиции, поэтому они попали в книги, которые велись жрецами двух коллегий – авгуров и понтификов.

Книги понтификов Цицерон помещает в ряду других древнейших правовых памятников, например законов XII таблиц, и объединяет их таким общим понятием, как “гражданское право” (*ius civile*)¹¹⁸. Это позволяет гово-

¹¹⁶ О древности термина *perduellio* см.: Watson A. Op. cit. P. 438.

¹¹⁷ О слове авгуров см.: Norden Ed. Aus altrömischen Priesterbüchern. 2. Aufl. Stuttgart; Leipzig, 1995. S. 6, 89. Macrob. Sat. 3.20.2: “...sciendum quod ficus alba ex felicibus sit arboribus, contra nigra ex infelicibus. Docent nos utrumque pontifices” (необходимо знать, что белая смоковница принадлежит к счастливым деревьям, напротив, черная – к несчастливым. В том и другом случае нас учат понтифики).

¹¹⁸ Cic. De orat. 1.193: “...plurima est, et in omni iure civili, et in pontificum libris, et in Duodecim Tabulis, antiquitatis effigies, quod et verborum prisca vetustas cognoscitur et actionum genera quaedam maiorum consuetudinem vitamque declarant” (...он найдет как во всем гражданском праве вообще, так и в книгах понтификов и в XII таблицах в частности, многообразную картину нашей древности, потому что тут и слова звучат седой стариной, и дела отчасти бросают свет на нравы и обычаи предков. Пер. Ф.А. Петровского).

рить о возможном содержании книг – о наличии в них судебных прецедентов, которые способствовали формулировке правовых норм, включенных впоследствии в гражданское право. Ведь, по утверждению Феста, верховный понтифик “считается судьей и посредником в делах божественных и человеческих”¹¹⁹. Не случайно Помпониус Порфирион – толкователь сочинений Горация, живший в середине III в. н.э., сомневался в том, как лучше определить книги понтификов – как анналы или как сборник понтификального права¹²⁰. В понтификальных книгах также содержался перечень богов, число которых, по словам Цицерона (*De nat. deor.* 1.84), было невелико. Эта часть книг называлась *Indigitamenta* и представляла собой перечень отеческих богов с указанием на то, как их почитать. Особый раздел книг назывался *Libri caerimoniarum* (*Tac. Ann.* 3.58) – обрядовые книги, в которых речь шла о священных обрядах, об участии в них отдельных жрецов и их культовых обязанностях, то есть излагались правила богослужения (*caerimonia*).

Характеризуя интеллектуальную деятельность коллегии понтификов, Цицерон называет “точное и определенное право богослужения, древность примеров, авторитет записей и памятников”¹²¹ – все то, на чем зиждилось высокое общественное положение понтификов. В данном контексте “записи” (*litterae*), а точнее письменные памятники, могут означать любую “литературную” продукцию коллегии понтификов, где в изобилии находились разнообразные примеры (*exempla*) сакрального содержания. Их дополняют памятники (*monumenta*), под которыми можно понимать не только материальные конструкции, но и определенную информацию, сохраненную в памяти.

¹¹⁹ *Fest.* P. 200 L: “...pontifex maximus, quod iudex atque arbiter habetur rerum divinarum humanarumque”.

¹²⁰ *Porphyrio* ad *Hor. Epistulas* 2.1.26: “...pontificum libros. Utrum annales an ius pontificale significet?”

¹²¹ *Cic. De domo* 2.4: “...certum et definitum ius religionum, vetustas exemplorum, auctoritas litterarum monumentorumque...”

Когда речь идет о соотношении запоминаемой информации и той, которая передавалась в письменном виде, неоценимую помощь нам оказывает Плиний Старший. Конечно, записывались молитвы, чтобы тем самым избежать пропуска слов или их неправильного употребления. Но записывались также случаи нарушения молитвы, допущения в ней ошибок, необычного состояния внутренностей жертвенных животных. То есть в первую очередь фиксировались не столько правила, сколько их нарушения, да и изменения отмечались, по-видимому, не все, а только те, важность которых определяли сами жрецы¹²². Напротив, правила, которые составляли основу понтификальной практики, скорее всего, являлись частью устной традиции, овладение которой было неотъемлемым условием подготовки жреца к исполнению своих обязанностей.

Таким образом, есть все основания говорить о самостоятельности коллегии понтификов в сфере “литературного” творчества. У понтификов под рукой был самый разнообразный материал, оформленный в виде примеров, прецедентов и комментариев к ним, относившихся к сакрально-правовой сфере жизни коллектива. Вплоть до 300 г. до н.э. коллегия понтификов пополнялась исключительно из членов патрицианского сословия, что свидетельствует о ее длительном “замкнутом” существовании. Вряд ли, ведя такой образ жизни, понтифики предоставляли доступ к своим архивам всем желающим. Ведь все, что предназначалось для широкой публики, выставлялось на Форуме или вывешивалось на стенах Регии. Поэтому сомнительно, что сочинения старших анналистов могли помочь жрецам при составлении “Великих анналов”, которые оформились в самостоятельное сочинение при использовании внутренних богатых документальных ресурсов коллегии понтификов.

¹²² *Plin. N.H. 28.11*: “...utraque memoria insigni, quotiens ipsae dirae obstreperantes nocuerint quotiensve precatio erraverit, sic repente extis adimi capita vel corda aut geminari victima stante. См. также: *Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Cambridge, 1998. Vol. 1. P. 10.*

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ “ВЕЛИКИХ АННАЛОВ”

Когда “Великие анналы” из погодных записей, дополненных этиологическими рассказами, превратились в 80-томное сочинение? Попытка ответить на этот вопрос неизбежно вводит нас в проблему окончательного оформления “Великих анналов”, которая тесно связана с проблемой их использования римскими писателями – историками-анналистами, антикварами, поэтами. Мнения исследователей относительно времени существования “Великих анналов” расходятся. Наиболее распространена точка зрения, что *Annales Maximi* перестали существовать в I в. до н.э.; остается только уточнить, на каком его отрезке. Э. Роусон предлагает вторую половину века, а Р. Древис настаивает на самом его начале. При этом оба автора исходят из того, что содержание *Annales Maximi* составляли продигии, то есть запись страшных знамений, которые требовали исполнения искупительных обрядов. Однако Ливий, по убеждению Э. Роусон, заимствовал продигии не из *Annales Maximi*, а из сочинений своих предшественников – старших и младших анналистов¹²³. Р. Древис предлагает следующее объяснение: у Ливия список продигий заканчивается 90 г. до н.э., а значит, он целиком заимствовал его из сочинения Валерия Анциата, который писал в 80-х годах I в. до н.э. и был последним, кто использовал *Annales Maximi*. Р. Древис говорит даже о почти мистическом “исчезновении” анналов подобно исчезновению Сивиллиных книг, уничтоженных пожаром 84 г. до н.э.¹²⁴ Этим для него и объясняется тот факт, почему *Annales Maximi* не использовались анналистами и антикварами I в. Сомнительна сама посылка этих исследователей – заведомое ограничение содержания “Великих анналов” продигиями.

Как уже говорилось, в руках понтификов находился самый разнообразный материал, который мог использоваться по мере надобности в дополнение к календарным таб-

¹²³ Rawson E. Prodigy Lists... P. 11 f.

¹²⁴ Drews R. Op. cit. P. 294 ff.

лицам. Сведения, содержащиеся в разных понтификальных памятниках, — знамения и их искупление, священнодействия и правила их исполнения, сакральное оформление процедуры судебного процесса — могли стать основой этиологических рассказов в руках нескольких поколений понтификов, внесших свой вклад в создание “Великих annales”. Завершился этот процесс, по всей видимости, только после 12 г. до н.э., когда Август сменил Лепида на посту великого понтифика¹²⁵.

Собрание этиологических рассказов, изложенных в хронологическом порядке в 80 книгах, стало отражением программы Августа по восстановлению *res publica*, покоявшейся на *mores maiorum* — обычаях предков. Картина дополняется составлением Капитолийских (то есть консульских) и триумфальных фаст¹²⁶, что потребовало кропотливой “архивной” работы и штудий антикварного характера по сведению воедино разных магистратских списков (об одном из них — полотняных книгах — речь шла выше). Древний Форум начал превращаться в место расположения официальных монументов во время правления Цезаря и Августа. Среди этих монументов находилась тройная арка, сооруженная в 18–17 гг. до н.э. в честь возвращения римских знамен из Парфии. По сторонам цент-

¹²⁵ Luce T.J. Op. cit. P. 136 со ссылкой на Б. Фрира.

¹²⁶ О времени составления консульских фаст существует две точки зрения. Одна из них принадлежит О. Хиршфельду, который полагал, что капитолийские фасты были составлены между 12 и 7 гг. до н.э. (Hirschfeld O. Die Kapitolinischen Fasten Hermes. 1874. 75. Bd. 9. S. 108). С ним не соглашался Т. Mommsen, который отстаивал традиционное мнение, что таблица с именами магистратов была выставлена между 36 и 30 г. до н.э. (Mommsen Th. Römische Forschungen. Berlin, 1879. Bd. 2. S. 68). Думается, что одно не исключает другого. В век Августа, скорее всего, была проведена работа по редактированию консульских фаст, которая, однако, не закончилась и в правление императора Клавдия. По мнению Боргези, именно при Клавдии произошло восстановление в фастах ранее уничтоженного имени Антония (Ibid. S. 78).

рального пролета этой арки были прикреплены большие мраморные плиты с консульскими и триумфальными фастами¹²⁷. В это же время в “Анналах” появилась еще одна “надстройка” – легенда об Энее, удревнявшая римскую историю и род Юлиев, к которому принадлежал первый принцепс¹²⁸. Результатом этих трудов стало создание сочинения эпического размаха. Во всяком случае, именно такими выделялись “Великие анналы” грамматика IV в. н.э. – Диомеду¹²⁹. В 8 г. н.э. Овидий написал “Фасты”, где в стихах изложил календарь римских праздников, очень похожий на тот, который издревле вели понтифики, и назвал источник своих знаний “О временах и началах пою по старинным анналам” (Пер. Ф. Петровского)¹³⁰.

¹²⁷ Millar F. Cornelius Nepos, “Atticus” and the Roman Revolution // Greece and Rome. 1988. Vol. 35 (1). P. 49 со ссылкой на Ф. Коарелли.

¹²⁸ Культ Энея существовал во многих этрусских и италийских городах (Ogilvie R.M. Early Rome and the Etruscans. Atlanta, 1976. P. 33–35, 98), но, по мнению С. Вайнстока, никогда не достигал Рима. Образ Энея присутствовал в семьях “троянского” происхождения (*familiae Troianae*) как часть фамильной традиции (Weinstock S. Two Archaic Inscriptions from Latium // JRS. 1960. Vol. 50. P. 118), но в эпоху Августа эта традиция превратилась из семейного сказания в идеологическую основу государства, претендующего на господство (Weber E. Die trojanische Abstammung der Römer als politisches Argument // Wiener Studien. 1972. Bd. 6. S. 224).

¹²⁹ Diomedes. Ars Grammatica 1: “Epos latinum primus digne scripsit is qui res Romanorum decem et octo complexus est libris, qui et Annales inscribuntur, quod singulorum fere annorum actus contineant, sicut publici annales, quos pontifices scribaeque conficiunt, vel Romanis, quod Romanorum res gestas declarant” (Первым достойно написал латинский эпос тот, кто изложил деяния римлян в восьмидесяти книгах, которые озаглавлены Анналами, так как они содержат деяния, изложенные по отдельным годам, подобно государственным анналам, которые составляют понтифики и писцы, или римским, так как излагают деяния римлян).

¹³⁰ Ovid. Fast. 4.11: “...tempora cum causis, annalibus eruta priscis...cano”.

Все сказанное позволяет под другим углом посмотреть на дискуссионную проблему: пользовались или нет римские авторы “Великими анналами”. Сформулируем вопрос иначе: какими понтификальными документами пользовались римские авторы? В комментарии понтификов заглядывал Варрон (*Cic. Brut.* 60). Как мы уже знаем, с содержанием летописи великого понтифика были знакомы римлянин Катон и грек Полибий, историки Фабий Пиктор и Кальпурний Пизон, на что указывает проведенный Цицероном (*De orat.* 2.53) сравнительный анализ изложения материала у этих историков и в летописи; возможно, с летописями понтификов был знаком и сам Цицерон, поскольку имел представление о языке и стилистических особенностях этого памятника; и, конечно, Веррий Флакк – грамматик и антиквар, воспитатель детей Августа. Все дело в том, что они обращались к разным документам: Катон и Полибий – к календарной таблице понтифика, Фабий и Пизон – к летописи понтифика, которая складывалась на календарной основе в период от конца III до последней трети II в. до н.э.; Цицерон – к расширенному варианту, включавшему этнологические рассказы, а Веррий Флакк был знаком уже с теми “Великими анналами”, о которых говорит с его слов комментатор Сервий.

Таким образом, можно предложить следующую схему развития понтификальной “историографии”. Основой ее были *tabulae pontificum* – погодные календарные записи с коротким комментарием, которые вывешивались на стенах Регии. Их следует отличать от *Annales Maximi*, которые представляли собой более пространный текст с добавлением этнологических рассказов, организованный в папирусные свитки (*volumina*), которые удобнее было хранить в архиве, нежели деревянные доски¹³¹. Поэтому нельзя соглашаться ни с одной из бытующих точек зрения, предполагаю-

¹³¹ Нельзя согласиться с утверждением Г. Сземлера, что на стенах Регии вывешивались именно *Annales Maximi* (Szemler G.J. *The Priests of the Roman Republic. A Study of Interactions Between Priesthoods and Magistracies.* Bruxelles, 1972. P. 11).

щих изначально параллельное существование понтификальных таблиц и “Великих анналов”. В одном случае подразумевается, что содержание таблиц в конце каждого года переносилось в постоянную запись, в другом – что великий понтифик изначально вел запись событий в книжной форме, но разрешал кое-что копировать на таблицы для сведения публики¹³². С конца III в. до н.э., когда в Рим начали проникать не только достижения греческой культуры, но и восточные культы, именно понтифики, возглавлявшие сакральную практику римской *civitas*, взяли на себя инициативу по созданию “государственной” летописи. Черная примеры из различных книг, хранившихся в их архивах, и снабдивая их этиологическими объяснениями, они выполняли задачу по формированию гражданского сознания, отстаивая чистоту римских священнодействий. В век Августа “государственная” летопись оформилась в свод из 80 книг, но теперь она несла иную идеологическую нагрузку – обоснование режима Августа как восстановленной республики. *Annales Maximi* можно рассматривать как антикварное сочинение, родившееся в недрах коллегии понтификов сначала как отклик на познавательные потребности общества¹³³, а затем – на потребности режима, который использовал антикварный интерес к римскому прошлому для упрочения своих позиций. Создаваемая Августом династия нуждалась в идеологическом оформлении, которое нашло материальное воплощение не только в камне, но и в официально оформленной понтификами сакральной летописи Рима. Как и все произведения понтификов, “Великие анналы” создавались в единственном экземпляре и потому доступ к ним всем желавшим был затруднен. “Великие анналы” не заменили собой календарных таблиц понтифика, которые просуществовали, вероятно, вместе с другими понтификальными записями вплоть до позднего времени.

¹³² Об этих точках зрения подробнее см.: Cornell T.J. The Beginnings... P. 14.

¹³³ О причинах возникновения таких потребностей в римском обществе речь пойдет в главе 3.

ДОКУМЕНТЫ КОЛЛЕГИИ АВГУРОВ

Помимо понтификов свои документы имела и другая заметная в политической жизни Рима жреческая коллегия – авгуры, а значит, также можно говорить об архивах авгуров. Как и в случае с понтификами, сведения об авгурских документах сохранились в сочинениях римских авторов – анналистов и антикваров, – а потому информация о них пришла к нам, по выражению Г. Виссовы, “из третьих или даже четвертых рук”¹³⁴. Тем не менее они дают возможность не только проникнуть в суть учения авгуров (*disciplina auguralis*), но и представить, из чего оно складывалось и в каких памятниках было запечатлено. Перечень авгуральных документов обычно состоит из фаст (*fasti*) – списка членов коллегии¹³⁵, протоколов коллегии (*acta*), книг (*libri*) и (или) комментариев (*commentarii*), которые были разделены на постановления (*decreta*) и ответы (*responsa*), то есть записи авгурских решений по конкретным вопросам культа. Основная обязанность авгуров сводилась к проведению ауспий, хотя, возможно, они выполняли некоторые жертвоприношения¹³⁶. Дивинация –

¹³⁴ Wissowa G. *Augures*. – PWRE. Stuttgart, 1896. Bd. 2. S. 2324.

¹³⁵ Так понимает термин *fasti* применительно к коллегии авгуров Г. Сземлер (Szemler G.J. Op. cit. P. 25; *Idem*. *Religio, Priesthoods and Magistracies in the Roman Republic*. – Numen. 1971. 18(2). P. 109). Но под фастами также понимается календарь, который вели авгуры, причем эту обязанность они выполняли качественнее понтификов. Цицерон (Fam. 6.6.7) даже приравнивал авгуров к астрологам. Об астрономическом календаре авгуров см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. С. 83, 86.

¹³⁶ Такая возможность обычно отрицается (Szemler G.J. Op. cit. P. 25; Жреческие коллегии в Раннем Риме. С. 74). Однако Варрон (L.L. 7.31) говорит следующее: “...ambiagna bos apud augures, quam circum aliae hostiae constituuntur” (у авгуров корова, сопровождаемая двумя ягнятами, та, вокруг которой расставляются другие жертвы). См. также: Linderski J. *The Augural Law*. – ANRW. B.: N.Y., 1986. Bd. 16.3. P. 2254. № 421.

интерпретация знаков божественного происхождения — была в ходу у разных народов. Некоторые ее виды были описаны в книгах (*in monumentis*) и составляли целую науку (*Cic. De div. 1.72*). Г. Виссова придерживался мнения, что *libri* и *commentarii* — термины, обозначавшие один и тот же памятник, трактующий однотипные вопросы авгурской практики¹³⁷. Попробуем, хотя бы в общих чертах, представить себе, из чего состояли архивы коллегии авгуров.

Из общей массы авгуральной литературы легче всего выделить постановления и ответы (*decreta et responsa*) коллегии. Они могли содержать похожие наставления, так как решения коллегии часто были результатом запросов по конкретным вопросам. Обратимся к сведениям из богатого литературного наследия Цицерона, который к тому же сам был авгуром. В речи “О своем доме” он говорит следующее: “Я обращаюсь к авгурам, в книги которых я не стараюсь вникнуть, поскольку они хранятся в тайне; я не любопытствую насчет авгурского права; я знаю то, чему я научился вместе с народом, те ответы, которые они часто давали на народных сходках. Они говорят, что нельзя обращаться к народу с предложением, когда наблюдают за небесными знаменами”¹³⁸. Ответы авгуров обнародовались на сходках, то есть были рассчитаны на внешнего потребителя (прежде всего, как отмечает Дж. Линдерски, на сенаторов¹³⁹), и потому были доступны всем интересовавшимся учением авгуров. Это отличало *responsa* авгуров от *libri*, в которых накопленный коллегией опыт в разрешении конфликтных ситуаций, связанных с проведением ауспий, обобщался до правовых норм. Книги предназначались для консультаций членов коллегии авгуров и потому, как от-

¹³⁷ *Wissowa G.* Op. cit. S. 2323.

¹³⁸ *Cic. De domo* 39: “...venio ad augures, quorum ego libros, si qui sunt reconditi, non scrutor; non sum in exquirendo iure augurum curiosus; haec, quae una cum populo didici, quae saepe in contionibus responsa sunt, novi. Negant fas esse agi cum populo, cum de caelo servatum sit”.

¹³⁹ *Linderski J.* Op. cit. P. 2245.

мечает Цицерон, хранились в тайне (*libri reconditi*). Во всяком случае в 57 г. до н.э., когда Цицерон, вернувшись из изгнания, произносил речь в свою защиту, эти книги оказались ему недоступны, так как кооптирован в коллегию авгуров он был только в 53 г. до н.э. (*Cic. Brut.* 1). В приведенном выше отрывке из его речи Цицерон дословно передает один из ответов, данный авгурами на запрос, можно ли держать речь перед народом и обращаться к нему с предложениями, когда наблюдаются небесные знамения. Ответ был отрицательным¹⁴⁰. В диалоге “О законах” (2.31), который Цицерон начал писать будучи уже членом коллегии авгуров, он обстоятельно и со знанием дела говорит о компетенции авгуров в сфере публичного права: авгуры могут отменять собрания и сходы, когда они назначены носителями высшего империя, и распускать их, когда они уже состоялись; могут прекращать уже начатое обсуждение; авгуры имеют право постановлять (*decernere*), чтобы консулы отказались от своей магистратуры; они могут отменять закон и т. д.

В письме к Аттику от 17 марта 49 г. до н.э. Цицерон авторитетно объясняет другу, ссылаясь на книги своей жреческой коллегии, кем могли проводиться консульские комиции¹⁴¹. У авгуров была разработана процедура проведения ауспий при выборе высших магистратов. Нару-

¹⁴⁰ Приведенная выше ссылка на речь Цицерона “О своем доме” дополняется следующим отрывком: *Cic. De domo* 40: “...cum de caelo servatum sit, cum populo agi non posse...” Дж. Линдерски, правда, считает, что Цицерон здесь ссылается не на коллегию, но на мнения, высказанные отдельными авгурами, когда Клодий задал им вопрос на народной сходке (*Linderski J. Op. cit. P. 2245. № 387*). Я не вижу оснований отделять в данном случае мнения отдельных авгуров от мнения коллегии в целом, так как ответ авгуров, несомненно, основывался на прецеденте, уже внесенном в записи коллегии.

¹⁴¹ *Cic. Att.* 9.9.3: “...nos autem in libris habemus non modo consules a praetore, sed ne praetores quidem creari ius esse” (в наших книгах значится, что незаконны не только выборы консулов, проведенные претором, но даже и выборы преторов).

шение ее вело к появлению соответствующего постановления, признававшего выборы недействительными¹⁴². Эти примеры позволяют утверждать, во-первых, что постановления (*decreta*) коллегии авгуров появлялись как результат ответов, данных на конкретные запросы; во-вторых, постановления, относившиеся к области публичного права (*ius publicum*), были доступны магистратам.

Также существовали постановления, которые относились только к самой коллегии авгуров и в которых регулировались технические вопросы, связанные с проведением ауспий, например, каких птиц использовать для трипудия, а каких — для ауспий¹⁴³. Подобное старое постановление коллегии упоминает Цицерон¹⁴⁴. Ответы (*responsa*) авгуров и та часть постановлений (*decreta*), которая выходила за пределы авгурального права (*ius augurale*) и распространялась на сферу публичного права, были доступны интересующейся публике, прежде всего сенаторам и магистратам. Как и у понтификов, комментарии авгуров можно представить как собрание текстов, относившихся к толкованию отдельных авгурий и ауспий, которое Дж. Линдерски предлагает называть *commentarii auguriorum et auspiciorum*¹⁴⁵. Но комментарии включали также наставления по вопросам государственной практики, например, как правильно провести ауспии, которые предшествовали созыву народного собрания.

¹⁴² *Liv.* 4.7.3: "...magistratus... tertio mense quam inierunt, augurum decreto perinde ac vitio creati" (на третий месяц, когда магистраты вступили в свои права, декретом авгуров они были объявлены выбранными совершенно не по правилам).

¹⁴³ Знаменья, которые наблюдали авгуры, делились на пять видов: *ex caelo* (с неба), *ex avibus* (от птиц), *ex tripudiis* (от прыгающих), *ex quadripedibus* (от четвероногих), *ex diris* (от зловещих знаков). См.: *Cic. De div.* 2.76.

¹⁴⁴ *Cic. De div.* 2.73: "...decretum collegi vetus habemus omnem avem tripudium facere posse" (у нас есть древнее постановление коллегии, что всякая птица может совершать трипудий).

¹⁴⁵ *Linderski J. Op. cit.* P. 2248.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

Существование жреческих архивов ставит вопрос об использовании их и вообще архивных материалов в Риме. Начнем с разбора конкретных ситуаций, описанных в источниках. За пять лет до трибуната Тиберия Гракха, когда Рим уже начал погружаться в пучину гражданских войн, Цицерон (*De leg.* 3.20) зафиксировал нарушение закона: плебейский трибун Гай Курнаций заключил в тюрьму консулов Децима Брута и Публия Сципиона, чего раньше никогда не бывало. Схожая ситуация была описана Варроном в несохранившемся сочинении, но известная нам по цитате, приведенной Авлом Геллием (*N.A.* 13.12.5–6). В этом отрывке Варрон со свойственной ему тщательностью определяет полномочия магистратов. Перечень прав различных магистратов завершается примером из его собственной практики. Варрон вспоминает, как он был вызван в суд плебейским трибуном Порцием, но не явился, придерживаясь древнего закона. Желая показать себя блюстителем и знатоком законов, Варрон рассказывает о том, как сам он, будучи трибуном, следил за соблюдением этого закона: он запретил трибунам кого-либо вызывать в суд, а тот, кто уже был вызван одним из его коллег, мог не являться, если не желал этого.

Итак, современники – Цицерон и Варрон – отмечают нарушение какого-то “древнего закона”, который воспрещал плебейскому трибуну вызывать кого-либо в суд, тем более заключать в тюрьму. Что же было причиной нарушения закона: злой умысел или его незнание? Ответ можно найти в том же сочинении Цицерона: «Хранения записей законов у нас нет; поэтому законы у нас такие, каких желают наши прислужники; мы спрашиваем о них у наших письмоводителей, но **официальными записями, заверенными в архивах**, не располагаем. Греки заботились об этом больше: у них избирались “номофилаки”, и они следили не только за записями (это делалось также и во времена наших предков), но и за поступками людей, кото-

рых они заставляли соблюдать законы» (Пер. В.О. Горенштейна)¹⁴⁶.

Сетования Цицерона на отсутствие хранения документов можно было бы отнести за счет сложной и нестабильной политической ситуации второй половины 50-х годов I в. до н.э., повлиявшей на его настроение (именно в это время был написан диалог «О законах»). Немногим ранее Цицерон испытал на себе незаконность действий плебейского трибуна Публия Клодия, которые лишили его земельного участка и дома на Палатине. По мысли Цицерона, навести порядок может только наличие «официальных записей, заверенных в архивах», но это уже требование, предъявляемое к архивам в современном обществе. В Риме же вплоть до II в. н.э. даже наместники провинций не имели надлежащих архивов¹⁴⁷.

Цицерон противопоставляет современную ему практику, с одной стороны, грекам, с другой – времени предков, что должно убедить слушателей в изменении ситуации в Риме в худшую сторону. Но была ли она принципиально иной для времени, которое воспринималось Цицероном как эпоха безраздельного торжества обычаев предков? Остановимся на хорошо известном из переписки с Аттиком случае, который раскрывает методику поиска необходимой Цицерону информации. Для выполнения очередной задуманной работы Цицерон поручает Аттiku «раскопать» для него информацию о том, кто такие были десять легатов у Муммия¹⁴⁸. Несколько писем, по-

¹⁴⁶ *Cic. De leg. 3.46*: «...legum custodiam nullam habemus; itaque eae leges sunt, quas apparitores nostri volunt; a librariis petimus, publicis litteris consignatam memoriam publicam nullam habemus. Graeci hoc diligentius, apud quos νομοφύλακες creabantur, nec ei solum litteras (nam id quidem etiam apud maiores nostros erat), sed etiam facta hominum observabant ad legesque revocabant».

¹⁴⁷ *Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. L., 2000. P. 80.*

¹⁴⁸ Речь шла о десяти послых, отправленных римским сенатом в 146 г. до н.э. в Грецию. Цицерон нуждался в уточнении имен легатов: был ли среди них Тудитан – отец или сын (*Cic. Att. 13.30.3*).

священных решению этой проблемы, показывают сложный путь, которым шел Цицерон, добиваясь необходимого результата. Прежде чем дать поручение Аттику, он обратился к сочинению Полибия, к "Анналам" Скрибония Либона, к воспоминаниям друзей, чьи предки были участниками этого посольства, к прецеденту, имевшему место в прошлом (*Cic. Att. 13.6.4*), наконец, к своей памяти. Этого оказалось недостаточно (*Cic. Att. 13.30.3; 13.32.2*). Тогда Цицерон рекомендует Аттику обратиться к книге, в которой записаны постановления сената за 146 г.¹⁴⁹ Отсылка к книге может содержать намек на некий архивный документ, но, скорее всего, Цицерон просил Аттика обратиться к хорошо известной книге, составленной специально для историков и антикваров с перечнем наиболее важных постановлений сената. Литература такого рода была широко распространена в I в. до н.э.¹⁵⁰ Ливий (39.52.4), например, упоминает какие-то "магистратские книги" (*in magistratuum libris*), которые возможно содержали фасты¹⁵¹. В итоге Цицерона выручил Аттик: "Я получил твой подарок", пишет ему Цицерон (13.4.1), "на счет десяти легатов, плод твоего труда". Из этой ситуации можно сделать три разных вывода: государственные архивы не существовали вовсе; они были в плохом состоянии; доступ к ним был затруднен даже для такого человека, как Цицерон.

Сбор информации, предпринятый Цицероном, обращает внимание на использование частных архивов. Цицерон упоминает письма к близким, которые ему читал Спуррий Муммий, находившийся в 146 г. в Коринфе, ссылается на семейную традицию, представленную рассказом своего друга Гортензия, прадед которого был в числе легатов. В частных архивах римских аристократов, пожалуй, можно

¹⁴⁹ *Cic. Att. 13.33.3*: "...reperit ex eo libro, in quo sunt senatus consulta Cn. Cornelio, L. Mummio coss".

¹⁵⁰ *Rau'son E. Intellectual Life...* P. 239.

¹⁵¹ Такого мнения придерживается Э. Ройсон. См.: *Ibid.* P. 42. Note 14.

было раздобыть интересные и исчерпывающие сведения о семье, которые могли стать основой “Воспоминаний” для какого-нибудь выдающегося ее представителя. Так, Авл Геллий (N.A. 1.12.16) пользовался “Воспоминаниями” диктатора Суллы, где нашел упоминание о первом носителе когномена *Sulla*, который стал фламинем Юпитера. Несомненно, в каждой семье хранились письма (Cic. Brut. 211). Но встречались в этих архивах и официальные документы. Цицерон (Sull. 42) говорит об обычае предков хранить официальные записи (*tabulae publicae*) под частным надзором (*privata custodia*). Более того, их можно было отдать писцам для копирования и распространения. Частное хранение государственных документов было чревато подлогами вплоть до внесения в них вымышленных постановлений сената¹⁵². Клавдий Пульхр, претор 89 г., хранил у себя дома списки граждан, причем делал это небрежно (Cic. Pro Arch. 9).

Интересно, что надежность документа для общества проистекала из доверия к тому должностному лицу, у которого оно хранилось. Так, претор того же года Публий Габиний Капитон, также имевший на руках списки граждан, из-за своего осуждения подорвал доверие современников к ним. В сочинении “О латинском языке” Варрон (6.88) цитирует консульские комментарии (*commentaria consularia*): он приводит процедурные формулы, которые произносили консулы при выполнении своей основной обязанности – наборе граждан в армию. Конечно, можно предположить, что он читал эти комментарии в архиве. Но вот Цицерон, избранный авгуром в 53 г., получил от своего друга и тоже авгура Анния Клавдия Пульхра в подарок написанную им книгу, содержащую наставления для авгуров (Cic. Fam. 3.4.1). Подобная литература находилась, по всей видимости, у исполнявших обязанности жре-

¹⁵² Cic. De leg. agr. 2.37: “Sed illud magis est credendum et pertimescendum quod audaciae Xvirali corumpendarum tabularum publicarum fingendorumque senatus consultorum, quae facta numquam sint...”

цов и магистратов под рукой, а потому вряд ли надо было обращаться в архив для получения справок по процедуре ведения дел. Горячая благодарность Цицерона, выраженная Клавдию Пульхру, свидетельствует о том, что тот избавил его от необходимости наводить справки, что было достаточно хлопотным делом, если вспомнить, сколько времени потратил Цицерон на поиск информации "о десяти послах". Также и Варрон, скорее всего, прибег к услугам своих друзей. М. Целлий Руф информировал Цицерона во время его наместничества в Киликии не только о том, что происходило в Риме, но и какие постановления принимал сенат. Тексты этих постановлений, перенесенные на свиток (*volumen*), отправлялись Цицерону (*Cic. Fam.* 8.1.1).

Составление записок дневникового типа (*commentarii*) заполняло досуг не только Руфа, но и вообще римского аристократа (*Cic. Fam.* 8.11.4; 2.8.1). Сенатские семьи собирали сведения о государственных делах, копировали документы и обменивались этой информацией со своими друзьями. "Напиши к себе домой", обращается Цицерон к Аттику (*Cic. Att.* 4.14.1), "чтобы меня допускали к твоим книгам" (*libri*)¹⁵³. В данном случае Цицерон, конечно, имел в виду богатую библиотеку Аттика, состоявшую из качественно изготовленных копий текстов греческих и латинских авторов¹⁵⁴. Но в частных собраниях находились не только философские трактаты и исторические сочинения. Домашние архивы превосходили государственные по количеству оседавшей в них информации, сохраненной не только в дневниковых записях, но и в документах. При этом римляне не проводили четкого разграничения между оригиналом документа и его копией. Вырезанные на медных досках постановления обычно хранились в эрарии – небольшом храме, основное назначение которого сводилось к тому, чтобы быть государственной

¹⁵³ Об использовании библиотеки Аттика см. также: *Cic. Att.* 2.4.1; 8.11.7; 13.31.2; 13.32.2.

¹⁵⁴ Цицерон жаловался своему брату Квинту на то, что книги часто и переписывают и продают с ошибками (*Cic. Q. Fr.* 3.5.6; 3.4.5)

сокровищницей¹⁵⁵. Причем помещение документа в эрарий не всегда сохраняло его от искажения. Так, Помпей исправил в пользу Цезаря текст своего закона (запрещавшего заочно домогаться должностей), когда он уже был вырезан на медной доске и сдан в эрарий (*Suet. Jul.* 28.2). Значит, документ, хранившийся в архиве, не воспринимался как оригинальный. Да и какой экземпляр считать оригинальным: тот, который помещался в архив, или тот, который выставлялся для общественных нужд?

Выставленные документы не только читались, но и копировались всеми желающими (*Suet. Gai.* 41.1), а далее попадали уже в частные архивы. Можно предположить, что место хранения не определяло оригинальность экземпляра: оригинальные официальные документы могли находиться как в эрарии, так и в частных архивах римских сенатских семей. Эрарий же не был государственным архивом в современном смысле. Официальные документы распределялись и по другим храмам: Цереры¹⁵⁶, Юпитера Капитолийского¹⁵⁷, Юноны Монеты¹⁵⁸, Дианы на Авентине¹⁵⁹.

¹⁵⁵ *Varro L.L.* 5.183: "...per trutinam solvi solitum: vestigium etiam nunc manet in aede Saturni, quod ea etiam nunc propter pensuram trutinam habet posita. Ab aere Aerarium appellatum" (некогда существовал обычай платить, используя весы; след этого обычая и теперь еще присутствует в храме Сатурна, так как и сейчас там установлены готовые для взвешивания весы. Эрарий назван от меди). Эрарий находился в храме Сатурна.

¹⁵⁶ *Liv.* 3.55.13: консулы постановили, чтобы плебейские эдилы относили в храм Цереры сенатские постановления.

¹⁵⁷ *Liv.* 7.3.5: возможно, там находились инструкции для определения начала года. *Cic. De div.* 1.19; 2.21; *Cat.* 3.19: в храме Юпитера Капитолийского хранились древние медные таблицы с вырезанными на них текстами законов.

¹⁵⁸ *Liv.* 4.7.12; *Dionys.* 11.62.3: этот храм был местом хранения полотняных книг.

¹⁵⁹ *Dionys.* 10.32.4. О политических, экономических и социальных функциях римских храмов см.: *Stambaugh J.Y. The Functions of Roman Temples* ANRW. Bd. II. 16. 1. B.; N.Y., 1978. P. 560–588.

Создается впечатление, что “государственному” хранению подлежали не все документы, но в первую очередь те, которые определяли полномочия магистратов, устанавливая незыблемую связь между ними и народом¹⁶⁰, между гражданским коллективом и миром богов, которые гарантировали ему свою защиту. Не случайно правовые нормы архаического Рима имели божественную санкцию – *sacer esto*, – зафиксированную в законах XII таблиц¹⁶¹. Таким образом, сам факт хранения документов имел религиозное значение и был тесно связан с римским понятием *religio* – обязательства, связывавшего людей как между собой, так и с богами¹⁶². Поэтому речь скорее должна идти не о зачаточном состоянии государственного архива, как считает М. Финли¹⁶³, а об определенном отборе документов, подлежавших хранению.

Хранение документов в архивах, какими были храмы, не означало обеспечения к ним общественного доступа. На протяжении ранней истории Республики слышны жалобы плебеев на невозможность получения доступа к документам¹⁶⁴. Но и в I в. до н.э. ситуация кардинально не изменилась. Катон Младший, по сообщению Плутарха (Cat. min. 16), готовя себя к должности квестора, прочел все законы, относящиеся к этой должности, а недостаток зна-

¹⁶⁰ Liv. 3.9.5: в 462 г. до н.э. плебейский трибун Гай Теренцилий Гарса предложил принять законы о консульской власти, по которым консулы пользовались бы теми правами, которыми их наделял народ.

¹⁶¹ Leg. XII Tab. VIII.21. Кофанов Л.Л. Сакральная норма *sacer esto*: обычай или право? // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 76–84.

¹⁶² Culham P. Op. cit. P. 109 f; Muth R. Vom Wesen römischer “religio” / ANRW. Bd. II. 16. 1. S; Судорович О.В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 70.

¹⁶³ Finley M.I. Op. cit. P. 15.

¹⁶⁴ Liv. 3.55.13; 4.3.9; 6.1.10; 9.46.5; Dig. 1.2.2.7; Gell. N.A. 7.9; Plin. 33.17.

ний восполнял в частных беседах, составив себе в конце концов представление “о размерах власти и правах квестора”. Интересно отметить, что, получив квестуру, Катон первым делом начал наводить порядок в эрарии, упорядочивая деятельность его служителей и писцов и проверяя подлинность документов (*Plut. Cat. min.* 17). Таким образом, архив как государственный институт эллинистического типа не только не существовал в Риме, но и не был нужен римской аристократии. Обладание информацией приравнивалось к обладанию властью, что в полной мере согласовывалось с олигархическим характером Римской республики. Желание использовать документ часто оборачивалось для граждан попаданием в зависимость от консульских и цензорских семей¹⁶⁵.

Таким образом, можно совершенно определенно говорить не только о существовании отдельных документов, которые создавались жреческими коллегиями, но и об организации жреческих архивов. Мы попытались представить возможный состав этих архивов, исходя из содержания различных документов и записей, которые велись понтификами и авгурами – двумя коллегиями, имевшими заметный политический вес в римском государстве. И хотя не приходится говорить о жесткой систематизации документов в архивах понтификов и авгуров, все же мы вправе обозначить определенные сборники: анналы, комментарии, книги.

При всей условности самого понятия “архив” не только для архаического Рима, но и для более позднего времени, внимание к документу (особенно если он был жреческого происхождения) заметно не только у историков-антикваров, но и у историков-анналистов, о произведениях которых можно составить представление по сочинению Тита Ливия. Вряд ли ситуация могла быть иной. Римская

¹⁶⁵ *Culham P.* Op. cit. P. 115. Пользование частными библиотеками также предполагало наличие связей дружбы или клиентелы (*Cic. De fin.* 3.2.7–8). См. также: *Marshall A.J.* Library Resources and Creative Writing at Rome / Phoenix. 1976. Vol. 30 (3). P. 251, 257.

гражданская религия была религией без доктрины, а потому состояла из толкования и перетолкования священных обрядов, что требовало постоянного ведения записей. Эта обязанность была возложена на жрецов. Но религиозные знания, когда они записаны, становятся опасными и потому должны контролироваться¹⁶⁶. Старинные законы и обычаи предков, гадания, священнодействия и обряды, постановления гражданского права – вот самый общий, составленный Цицероном (*De orat.* 1.39), перечень тех областей религии и права, которые входили в компетенцию жрецов. Тем не менее концентрация всех этих знаний в жреческих коллегиях не наделяла жрецов сакральной властью. Эти знания были “распылены” между различными жреческими коллективами, что, с одной стороны, ограничивало сферу их ответственности, а с другой – дублировало их деятельность.

¹⁶⁶ Об этом см.: *Gordon R. From Republic to Principate: Priesthood, Religion and Ideology* // *Pagan Priests. Religion and Power in the Ancient World* / Ed. M. Beard, J. North. N.Y., 1990. P. 191.

РИМСКАЯ АННАЛИСТИКА:
СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА

Scribere autem bellum initium quo consule
et quo confectum sit et quis triumphans introierit...
id fabulas pueris est narrare, non historias scribere.

Sempronius Asellio (ap. Gell. N.A. 5.18.9)

Но писать, в чье консульство началась война,
что произошло и кто вступил в Город с триумфом...
означает рассказывать сказки детям, а не писать историю.

Семпроний Азеллион (I в. до н.э.)

Истоки античной историографии связаны с двумя выдающимися личностями – Геродотом и Фукидидом. Если Геродота Цицерон называл “отцом истории”, то Фукидид вслед за ним можно назвать отцом политической истории. Фукидид сузил восприятие истории, ограничив ее событиями политической жизни. Социальные явления – реалии повседневной жизни, обычаи, религиозные церемонии – исключались из истории, впрочем, как и систематическое исследование политических и военных институтов. Последнее стало предметом антикварных исследований, которые уже в античности признавались низшим видом исторических сочинений по сравнению с истинной историей¹. Одна-

¹ *Cornell T.J.* Ancient History and Antiquarian Revisited: Some Thoughts on Reading Momigliano's Classical Foundations Ancient History and the Antiquarian. Essays in Memory of Arnaldo Momigliano Ed. M.H. Crawford, C.R. Ligota. L., 1995. P. 2.

ко Фукидид не просто “развел” историю в узком политическом смысле и другие формы исследования прошлого; самой истории он придал признаки научной дисциплины. Он открыл и впервые применил основные приемы исторической критики, которые во многом напоминают приемы современных исследователей². В лице Фукидида мы встречаемся с первым критическим историком, основателем традиции современной западноевропейской историографии.

Одновременно с историческими сочинениями фукидидовского образца, исследующими политические процессы современного автору общества, существовала историческая литература иного рода, которая восстанавливала историю какой-либо местности и проживающего там народа. Сочинения, посвященные отдельному городу или целому району (например, Аттике), удовлетворяли стремлениям местной публики знать свое прошлое, воплощали гражданскую гордость и потому писались до тех пор, пока был жив полис – социально-политическая система, породившая этот вид исторической литературы. О подобной литературе, существовавшей в изобилии во всех частях греческого мира, нам известно крайне мало. Но Дионисий Галикарнасский – не только историк, но и литературный критик – дает нам возможность составить представление о содержании подобных сочинений. Эти историки “имели одну цель: сделать известными традиции прошлого в том виде, в каком они нашли их в местных памятниках, религиозных и светских записях, хранящихся в различных племенных и городских центрах, ничего не добавляя к ним и ничего не исключая из них. Эти сочинения содержали некоторые рассказы, в которые верили с отдаленного прошлого, и многие драматические рас-

² Фукидид широко использовал метод обратного заключения – от настоящего к прошлому, от известного к неизвестному. См.: Бузескул В.П. Краткое введение в историю Греции. Харьков, 1910. С. 52 сл. В конце XX в. мысль о том, что исторический метод Фукидида является его изобретением повторил О. Муррей (*Murray O. Greek Historians Greece and the Hellenistic World* Ed. J. Boardman, J. Griffin, O. Murray. Oxford, 1991. P. 227).

сказы об изменении удачи..."³ Сочинениям такого рода был присущ определенный стиль – "ясный, обычный, чистый, краткий, подходящий событиям и без искусственных украшений". Современный человек вряд ли ошибся бы, назвав подобные сочинения краеведческими.

Первое, что следует отметить, это то, что источниками информации для историков-краеведов служили местные архивы и устная традиция. Дионисий также отмечает методику работы этих историков – традиционные рассказы, связанные с определенным районом, перекочевывают в их сочинения в том виде, в каком они были найдены в местных записях. Наконец, подобное содержание требует определенного стиля, который во многом воспроизводил стиль древнего документа. Повествование приобретало яркость и сочность только при добавлении драматических рассказов, содержание которых, связанное с "изменением удачи", а точнее с возмездием, неизбежно постигавшим человека за чрезмерную гордыню и самодовольство, несомненно, восходило к местной фольклорной традиции⁴. Работы этих историков отличались устойчивым интересом к местным мифам и вопросам хронологии: все события приводились в соответствие со списком городских магистратов⁵.

³ *Dionys. Thuc. 5: ... ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν φυλάττοντες σκοπόν, ὅσαι διεσώζοντο παρὰ τοῖς ἐπιχωρίοις μνήμαι κατὰ ἔθνη τε καὶ κατὰ πόλεις, εἴ τ' ἐν ἱεροῖς εἴ τ' ἐν βεβήλοις ἀποκείμεναι γραφαί, ταύτας εἰς τὴν κοινὴν ἀπάντων γνῶσιν ἐξενεγκαῖν, οἷας παρέλαβον, μήτε προστιθέντεα αὐταῖς τι μήτε ἀφαιρούντες· ἐν αἷς καὶ μῦθοι τινες ἐνῆσαν ἀπὸ τοῦ πολλοῦ πεπιστευμένοι χρόνου καὶ θεατρικαὶ τινεὲ περιπέτεια πολὺ τὸ ἡλίθιον ἔχειν τοῖς νῦν δοκοῦσαι.*

⁴ Подобные рассказы в изобилии использовались Геродотом. Самые известные из них – рассказ о судьбе Креза или о перстне Поликрата, как и вообще о ранних греческих тиранах, представляли местную фольклорную традицию. См.: *Скржинская М. В.* Образ коринфского тирана в устной традиции // *Античность и современность.* М., 1972; *Она же.* Фольклорные мотивы в традиции о Кипселе // *ВДИ.* 1967. № 3; *Она же.* Устная традиция о Писистрате // *ВДИ.* 1963. № 4.

⁵ *Murray O.* Op. cit. P. 224.

Наиболее известными сочинениями такого рода были произведения по истории Аттики – Аттиды. Найденный в 1891 г. в песках Египта текст “Афинской политики” Аристотеля дает представление об источниках сочинений, повествующих об истории одного города – в данном случае Афин, и о развитии этого жанра. К числу источников, в первую очередь, относились местные предания, культы и верования, что объяснялось статусом аттидографов: все они были экзегетами – уполномоченными государством толкователями оракулов и прорицаний – и занимали религиозные должности⁶. Подобного рода “краеведческая”, или “малая”, историография развивалась параллельно с “большой” историографией, представленной сочинениями Фукидида и его последователей. Если последняя выражала политические взгляды автора, его риторические вкусы, то в первой в полной мере проявлялась эрудиция автора. Таковой в общих чертах была историографическая ситуация в грекоязычном мире. А как обстояло дело в Риме, где, как уже было сказано, запись событий восходила к древнейшему времени, но первые исторические сочинения появились только в конце III в. до н.э., причем под влиянием греческой историографии.

Римская историография находилась в поле зрения исследователей со времени появления первых научных изданий текстов римских авторов. Прежде всего стала изучаться анналистическая традиция, которая нашла свое завершение в сочинении Тита Ливия, увидевшем свет в век Августа. А так как от работ первых римских историков, получивших название анналистов, сохранились лишь отдельные небольшие фрагменты, то все внимание исследователей сосредоточилось на анализе сочинения Ливия. Именно на основе его труда создавалось представление о произведениях анналистов, о методах их работы и об их вкладе в создание истории своего Города. Поэтому крити-

⁶ Суриков И.Е. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых европейских историков – Проблемы исторического познания. М., 2002. С. 233.

ческое изучение римской истории, переросшее на рубеже XIX–XX вв. в гиперкритическое, не могло не сказаться на определении степени достоверности сочинения Т. Ливия.

Еще во второй половине XIX в. в науке прочно утвердилось мнение, что Ливий для рассказа об определенном историческом периоде выбирает какого-то одного историка, сочинением которого он пользуется, несмотря на то, что по ходу изложения называет и других авторов. Поэтому упоминание Ливием большого количества имен своих предшественников вовсе не предполагает его знакомства со всеми упомянутыми писателями. Эта позиция оформилась в так называемую теорию единого источника. Ее отголоски встречаются и в источниковедческих исследованиях XX в.⁷ Отсюда, как правило, делалось два вывода: труд Ливия неоригинален; качество его информации зависит от того, сочинением какого автора он пользовался. Если можно было установить, что его сведения восходят к Фабию Пиктору — первому римскому историку, писавшему в конце III в. до н.э., то уже этот факт являлся залогом достоверности сообщений Ливия. Но обычно исследователи сходились во мнении, что повествование Ливия по большей части воспроизводит сочинения историков-анналистов I в. до н.э. — Лициния Макра и Валерия Анциата, которые, находясь под влиянием перипетий политической борьбы своего времени, перенесли ее атмосферу в отдаленное прошлое⁸. Борьба за власть между политическими лидерами, ведущая к гражданским конфликтам, которые заканчивались кровопролитными войнами, включение в эту борьбу городского плебса во главе с мятежными плебейскими трибунами — все это сказалось на истории римского общества начала Республики, искаженной младшими анналистами — предшественниками Ливия.

⁷ Walsh P. G. *Livy. His Historical Aims and Methods*. Cambridge, 1961. P. 45.

⁸ Fritz K. von. The Reorganization of the Roman Government in 366 B.C. *Historia*. 1950. Bd. 1; Rawson E. Forerunners of the Gracchi *JRS*. 1962. Vol. 52.

Таким образом, исследователи сочинения Ливия выделяют в его труде два пласта римской традиции: дограковский и послеграковский с преобладанием последнего⁹. К тому же историкам I в. до н.э. ставилось в вину чрезмерное увлечение риторикой, что неизбежно влекло за собой увеличение объема их сочинений и окончательно исказило картину архаического Рима. Все это пагубно сказалось на сочинении Ливия, а современных исследователей навсегда лишило возможности прикоснуться к истине. Итак, Фабий Пиктор в сравнении с Тицинием Макром и Валерием Анциатом считался более правдивым историком на том лишь основании, что еще не был испорчен влиянием риторики, а потому строго придерживался факта, не отягощая его проблемами своего времени.

Интересно отметить, что оценка достоверности сведений авторов, работавших на рубеже двух эпох — Республики и Империи — в зависимости от того, трудами каких предшественников они пользовались, распространялась не только на Ливия. Так, греческий историк Диодор Сицилийский, включивший в свое сочинение наряду с историей других стран Средиземноморья историю Рима, передает версии традиционных событий, отличающиеся от рассказов, которые можно встретить у других авторов. Расхождения Диодора с версиями Ливия объясняются, как правило, тем, что он черпал свою информацию о Риме у писавшего по-гречески Фабия Пиктора, а значит, многие эпизоды римской истории переданы Диодором достовернее, чем Ливием, который отдавал предпочтение более поздним историкам¹⁰. Тем самым древность автора, в дан-

⁹ Fritz K. *con. Op. cit.* P. 42.

¹⁰ Meyer Ed. Untersuchungen über Diodors römische Geschichte Rh. Mus. f. Ph. 1882. Bd. 37. S. 612; Sigwart G. Römische Fasten und Annalen bei Diodor Klio. 1906. Bd. 6. S. 379. Однако К.Ю. Белох не без оснований считал, что раздел римской истории в сочинении Диодора восходит к латинскому оригиналу, а именно, к сочинениям Клавдия Квадригания или Тициния Макра (Beloch K.J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. B. 1926 S. 126, 132).

ном случае Фабия Пиктора, становилась залогом достоверности сообщаемых им сведений. Чтобы подтвердить это или опровергнуть, следует, хотя бы вкратце, остановиться на том, кто такие историки-анналисты и какие сочинения они писали.

Исторические сочинения, создававшиеся в Риме во II—I вв. до н.э., можно отнести либо к анналам (*annales*), либо к историям (*historiae*). На то, что анналы и история представляют собой разные жанры, было обращено внимание уже в античности. Авл Геллий сохранил в своем произведении древнее определение анналов и истории: «Некоторые считают, что история от анналов отличается тем, что, хотя и то, и другое есть рассказ о прошедших событиях, тем не менее, история есть повествование именно о тех событиях, при непосредственном совершении которых присутствовал тот, кто ведет рассказ»¹¹. Это мнение Авл Геллий приводит со ссылкой на Веррия Флакка, которому, правда, такая формулировка кажется сомнительной. Сам Флакк в этом вопросе апеллировал к греческим понятиям: для греков *ιστορία* означала исследование современных автору событий¹². Истории излагают ход отдельных событий, а анналы фиксируют события в течение многих лет, и складывается это изложение из обзоров событий каждого года. Отличие между анналами и историей также интересовало Семпрония Азеллиона, который, как и Флакк, обращался за разъяснением к грекам. Авл Геллий цитирует его дословно: «Анналы показывают, что и в каком году происходило, причем так, как будто кто-то писал дневник... Думаю, нам не достаточно просто продекларировать, что

¹¹ Gell. N.A. 5.18.1: «...“historiam” ab “annalibus” quidam differre eo putant, quod, cum utrumque sit rerum gestarum narratio, earum tamen propterea rerum sit “historia”, quibus rebus gerendis interfuit is qui narret».

¹² Gell. N.A. 5.18.2: «...graece significet rerum cognitionem praesentium». О значении термина «история» у греков см.: Таво-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним. Вопросы классической филологии. М., 1969. Вып. 2.

такое-то событие имело место тогда-то, нужно показать, по чьему замыслу и каким образом это произошло”¹³ (курсив мой. – О. С.). Последнее, по утверждению Азеллиона, задача истории (Gell. N.A. 5.18.9). Подобное представление Семпрония Азеллиона об истории, несомненно, восходит к Полибию, который настаивал на важности раскрытия причин событий. Азеллион же был первым истинным последователем Полибия в римской историографии¹⁴. Главное, на что надо обратить внимание: попытки распределить историю и анналы по разным жанрам – позднего происхождения; они относятся ко второй половине I в. до н.э. Далее – технически разграничить эти два вида исторических сочинений крайне сложно, поэтому можно предположить, что история и анналы были в римской литературе взаимозаменяемыми понятиями¹⁵. Исидор Севильский на рубеже VI–VII вв., подводя итог накопленным в античности знаниям, с большей определенностью указывал на различие между анналами и историей: “...история – это события тех лет, которые мы сами видели, анналы – события тех лет, которые не помнит наше поколение...; к жанру истории принадлежат достоверные, имевшие место события...”¹⁶. Обращает на себя внимание последнее замечание Исидора: оба жанра – история и анналы – отличаются достоверностью сообщаемых сведений, а достоверность определяется степенью приближенности события во време-

¹³ Gell. N.A. 5.18.8: “...annales libri tantum modo, quod factum quoque anno gestum sit, ea demonstrabant id est quasi qui diarium scribunt... nobis non modo satis esse video, quod factum est, id pronuntiare, sed etiam, quo consilio quaque ratione gesta essent, demonstrare”.

¹⁴ Walbank F.W. Polybius, Philinus, and the First Punic War CQ. 1945. Vol. 39. P. 15.

¹⁵ Verbrugghe G.P. On the Meaning of Annales, on the Meaning of Annalist // Philologus. 1989. Bd. 133. P. 218.

¹⁶ Isid. Orig. 1.44.4. “...historia est eorum temporum quae vidimus, annales verum sunt eorum annorum quos aetas non movit... (5) item inter historiam sunt res verae quae factae sunt”.

ни к передающему его автору. Как в таком случае относиться к самому излюбленному римскими историками жанру — анналам, которые создавались в Риме на протяжении двух последних веков существования Республики, и к тем сведениям, которые сообщались в этих сочинениях? Так как они легли в основу произведений Ливия и Дионисия Галикарнасского — двух самых крупных историков эпохи Августа, — то сформулированный вопрос приобретает особое значение. Проблема содержания работ историков-анналистов и достоверности сообщаемой ими информации является центральной для реконструкции ранней римской истории и для оценки римской историографии в целом. Правда, решение этой проблемы затрудняется тем, что от сочинений анналистов остались лишь небольшие фрагменты, которые дополняются цитатами, сохранившимися в работах авторов более позднего времени.

Римские историки, писавшие в конце III—I вв. до н.э., называются анналистами из-за избранной ими для своих сочинений формы — погодного изложения событий — и традиционно делятся на три поколения. Старшие анналисты представлены именами Квинта Фабия Пиктора, Луция Цинция Алимента, Гая Ацилия и Авла Постумия Альбина. К ним обычно причисляется Катон Старший. Их творчество приходится на конец III — первую половину II в. до н.э. К среднему поколению анналистов относится Гай Фанний, Луций Кальпурний Пизон, Луций Кассий Гемина, Квинт Фабий Максим Сервиллан, Гай Семпроний Тудитан, Гней Геллий и Венноний. Иногда их называют анналистами “гракханской” эпохи, так как они работали в последней трети II в. до н.э., отмеченной политической деятельностью братьев Гракхов и тем глубоким воздействием, которое она оказала на состояние римского общества, положив начало гражданским смутам. Младшими анналистами называют историков первой половины I в. до н.э., которые начали свою творческую деятельность в постсулланскую эпоху, когда общество пережило ужасы первой гражданской войны и диктаторского режима. К ним причисляют Квинта Клавдия Квадригария, Валерия Анциата, Гая Ли-

циния Макра и Элия Туберона. Таково традиционное деление римских историков эпохи Республики, утвердившееся в науке с конца XIX в.¹⁷ В его основу положен хронологический принцип. Кроме того, утверждается, что все эти историки писали историю Рима от основания Города, причем объем сочинений младших анналистов во много раз превышал произведения их предшественников¹⁸. Причина этого виделась в изменении методов работы младших анналистов: именно на них лежит ответственность за изобретение большого количества вымышленного материала, сохранявшего некоторое правдоподобие. Впоследствии этот материал лег в основу сочинений Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского¹⁹. М. Финли даже предостерегает современного человека от излишнего доверия древним авторам: их возможность изобретать и способность верить в это, с его точки зрения, постоянно недооценивается²⁰. Нам еще предстоит оценить эти утверждения. Сейчас же необходимо отметить еще одно положение, широко утвердившееся в научной литературе.

Все исследователи римской историографии отмечают тот факт, что старшие анналисты, кроме Катона, писали по-гречески. Среди старших анналистов в первую очередь привлекает к себе внимание Фабий Пиктор как родоначальник римского исторического писания. Поэтому использование первыми римскими историками греческого языка иллюстрируется обычно примером его сочинения, но объяс-

¹⁷ *Cichorius C. Annales* — PWRE. Stuttgart, 1894. Bd. 1. S. 2256. Разделение историков-анналистов на три поколения используется и в учебных целях. См.: *Бокщанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима*. М., 1981. С. 47 сл.

¹⁸ Если "Анналы" Лизона состояли из 7 книг, то сочинение Валерия Анциата насчитывало 75 книг.

¹⁹ *Wiseman T.P. Practice and Theory in Roman Historiography*. History. The Journal of the Historical Association. 1981. Vol. 66 (218). P. 382, 389.

²⁰ *Finley M.I. The Ancient Historian and his Sources* — Finley M.I. Ancient History. Evidence and Models. L., 1985. P. 9.

няется это по-разному. П. Уолш и А. Альфельди предполагают, что выбор языка Фабием Пиктором определялся пропагандистской направленностью его сочинения: историк стремился произвести впечатление на грекоязычный мир ростом римской власти и влияния. Уже этот факт позволил им говорить о тенденциозности, а точнее о лживости, Фабия Пиктора²¹. Д. Флах несколько смягчает этот тезис. Фабий, действительно, был заинтересован в том, чтобы найти путь к греческому читателю, но преследовал он вовсе не пропагандистские цели. Он стремился противостоять враждебной Риму сицилийской историографии в лице Филина из Агригента и изменить неблагоприятный для Рима взгляд на I Пуническую войну²². А. Момильяно объясняет выбор в пользу греческого языка тем, что Фабий предпочитал "греческую историографию перемен" традиционной латинской практике простой регистрации событий²³. Фабием двигала неудовлетворенность римской исторической традицией, так как то, что было написано поллатыни, не шло в сравнение с работами греческих историков²⁴. Итак, либо Фабий рассчитывал на греческую ауди-

²¹ Walsh P.G. Op. cit. P. 29; О лживости Фабия Пиктора А. Альфельди говорит, основываясь на примере формирования в традиции отрицательного отношения к роду Клавдиев (*Alföldi A. Early Rome and the Latins* // Ann Arbor. 1965. P. 161–164). В более смягченном виде эта точка зрения представлена в работе М. Лайстнера (*Laistner M.L.W. The Greater Roman Historians*. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 26).

²² Flach D. Einführungen in die römische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1985. S. 63. Ориентация Фабия на греческого читателя признается и в отечественной историографии как причина выбора им греческого языка для своего сочинения. См.: Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 89.

²³ Momigliano A. Tradition and the Classical Historian // Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 170.

²⁴ Momigliano A. The Classical Foundations... P. 97.

торию, либо возможности латинского языка, на котором велись понтификальные таблицы, не соответствовали грандиозному замыслу историка. Но ориентация на греческого читателя предполагает высокие технические возможности размножения рукописей, которых античное общество еще не знало²⁵, а латинский язык уже использовался для создания эпических произведений. Фабий Пиктор – современник II Пунической войны и член римского сената (*Polyb.* 3.9.4) – написал свое сочинение около 210–200 г. до н.э.²⁶ Спустя 13 лет начал работать над “Анналами” римский поэт родом из мессанского города Рудии Квинт Энний²⁷. Его сочинение было написано гекзаметром на латинском языке, причем по-латыни писал человек, для которого этот язык не был родным и который с детства воспитывался на образцах греческой культуры²⁸. Значит, ограниченные возможности латинского языка для литературного творчества не подтверждаются. Почему же тогда римлянин Фабий Пиктор предпочел греческий язык? Ясно одно: римляне уже были готовы к созданию исторических сочинений, но для этого необходимо было выбрать образец. Выбирать же можно было только из того, что предоставляла греческая историография. Поэтому выбор языка был не случаен и неизбежно должен был повлечь за собой следование определенному образцу. Вопрос – какому?

²⁵ На это обратил внимание А.И. Немировский (*Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 183).

²⁶ *Momigliano A.* Did Fabius Pictor Lie? // *Momigliano A.* Essays... P. 100. К.Ю. Белох считал, что его работа была написана только после конца II Пунической войны, то есть после 201 г. (*Beloch K.J.* Op. cit. S. 96).

²⁷ Г. Джослин относит начало работы Энния над “Анналами” к 187 г. до н.э. (*Jocelyn A.D.* The Poems of Quintus Ennius ANRW. В.; N.Y., 1972. Bd. 1/2. P. 997).

²⁸ О греческом образовании Энния см.: *Бобровникова Т.А.* Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния *Ius antiquum. Древнее право.* 1997. № 1(2). С. 40 со ссылкой на источники.

РИМСКАЯ
ГРЕКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

То, что представляла собой греческая историография ко времени Фабия Пиктора, можно узнать из сочинения Полибия. Стремясь обозначить свое место в череде предшественников и определить характер своего произведения, Полибий (9.1.3–4) перечисляет различные виды исторических сочинений, известные грекоязычной историографии: это – генеалогическая история (ὁ γενεαλογικὸς τρόπος, рассказы о колониях (ὁ περὶ τὰς ἀποικίας), об основании городов (κτίσεις), о родстве племен (συγγενείας). Примером подобного рода литературы Полибий называет труд Эфора. Но есть и такие работы, авторы которых повествуют о судьбах народов, городов и их правителей, и они предназначаются для государственных мужей. К числу таких авторов мы можем отнести Фукидида, которого Полибий почему-то не упоминает в этой связи. Судя по перечню Полибия, выбор у Фабия Пиктора был богатый. На самом же деле он сводился к двум вариантам: либо излагать мифы, либо писать политическую историю. Выяснение того, что же предпочел Фабий Пиктор, поможет нам представить содержание его сочинения, а следовательно, определить характер первых исторических сочинений в Риме.

Дионисий Галикарнасский, перечисляя тех авторов, сочинения которых он использовал, работая над “Римскими древностями”, говорит, что писавшие по-гречески римские авторы, такие как Фабий Пиктор и Л. Цинций, “передавали с большой точностью события, при которых каждый сам присутствовал, но только кратко касались ранних событий, которые последовали за основанием Города”. Более того, Дионисий отмечает, что сочинения этих авторов подобны во всех отношениях работам греков, писавших о раннем периоде римской истории: Иерониму из Кардии, Тимею Сциллийскому, Антигону, Полибию, Силену. Общее между этими авторами то, что каждый из них записывал **отдельные сюжеты**, составленные без тщательного исследования с их сто-

роны²⁹. Совершенно очевидно, что выбор греческого языка определил ориентацию на тех греческих авторов, сочинения которых состояли из отдельных сюжетов, не объединенных, с точки зрения Дионисия, в целостное произведение анналистической структурой изложения. Подобное замечание грека, принявшего на вооружение излюбленную форму римской историографии – анналистическое повествование, заставляет усомниться в возможности причислить Фабия и Цинция к историкам-анналистам.

Выбор языка определил и круг возможных источников для этих авторов. Это не документальные свидетельства, а сочинения греческих историков, у которых можно было получить информацию о Риме. Но сочинения такого уровня, как “История” Фукидида, были редки в греческой историографии. Гораздо лучше была представлена так называемая локальная история (хорография), хорошо известная в Балканской Греции на примере таких сочинений, как “Аттиды”. Внимание авторов этих сочинений было сконцентрировано вокруг отдельных городов и легенд, связанных с их основанием³⁰. Подобная литература в изобилии существовала и в Великой Греции, причем основание даже иноземных городов приписывалось греческим героям. “Основание городов” (κτίσις) было излюбленным жанром для многих историков³¹ и стало, по выражению Э. Грюэна, распространенной формой эллинского интеллектуального империализма³².

²⁹ *Dionys.* 1.6.1.: “ὧν ἕκαστος ὀλίγα καὶ οὐδὲ ἀκριβῶς αὐτῷ διεσπουδασμένα, ἀλλ’ ἐκ τῶν ἐπιτυχόντων ἀκουσμάτων συνθεὶς ἀνέγραψεν” (каждый из них записал немного, [при этом] не исследовав тщательно, но составил [свой рассказ] из первых попавшихся слухов)

³⁰ Об “Аттидах” и разновидностях сочинений этого жанра см.: *Soltau W.* Orientalische und Griechische Geschichte. Breslau, 1913. S. 157.

³¹ *Liv.* 1. Praef. 7: “...datur haec venia antiquitati... primordia urbium augustiora faciat” (древности простительно возвеличивать начала городов).

³² Подробнее об этом: *Gruen E.S.* The Making of the Trojan Legend. – *Gruen E.S.* Culture and National Identity in Republican Rome. N.Y., 1992. P. 12 ff.

Из перечисленных Дионисием греческих авторов, которые могли бы служить образцами для Фабия Пиктора, особое внимание привлекает Тимей Сицилийский (356–260 гг. до н.э.). Тимей пользовался большим доверием у читателей; он был серьезным и авторитетным историком и имел обширную аудиторию³³. А. Момильяно предполагает, что Фабий наследовал от Тимея интерес к местным обычаям и религиозным церемониям. Более того, именно Тимей привил Фабию вкус к антикварным и, возможно, автобиографическим деталям³⁴.

На рубеже IV–III вв. до н.э. южноиталийский мир был буквально наводнен литературой об основании городов, в которой Рим уже занял заметное место. Легенды об основании Рима разнились в деталях, но основные персонажи уже были определены³⁵. Сицилийские греки поддерживали контакты со своими соотечественниками в Италии и были в курсе событий, происходивших на полуострове. В жизнь южноиталийских греков постепенно включался Рим. Но, когда в IV в. до н.э. Рим стал распространять свое влияние на греческие области Италии, у римлян появился стимул для создания легенды об основании Города, которая напоминала бы сложные хитросплетения греческих легенд.

Выбор греческого языка означал для Фабия поиск информации в сочинениях такого рода, именно поэтому он

³³ *Polyb.* 12.25c.1; 26d.1. Однако Полибий (12.7.1, 12.6–7) беспоощадно критикует Тимея. О причинах критики см.: *Walbank F.W. Polemic in Polybius*, in: Walbank F.W. *Selected Papers*. P. 278; *Судорович О.В. Pax Romana* во “Всеобщей истории” Полибия // Новый исторический вестник. М., 2001. № 2. С. 31.

³⁴ *Momigliano A. The Classical Foundations...* P. 100 f.

³⁵ Об авторах этих сочинений и о вариантах легенды об основании Рима см.: *Gruen E.S. Op. cit.* P. 15 f. Легенды об основании Рима, в которых присутствовали разные основатели, перечислял Плутарх (*Rom.* 2). Кроме того, существовала многочисленная греческая литература о времени царей (*Gabba E. Considerazioni sulla tradizione litterari sulle origini della Repubblica* // *Entretiens sur l'antiquite classique*. Genève, 1966. Vol. 13. P. 135 ff).

уделял так много внимания древнейшей истории Рима и так подробно писал об основании Города. История царского Рима, которая занимает в сочинении Ливия одну книгу, у Фабия излагалась в первых двух книгах, как и у Эния³⁶. По свидетельству Плутарха (Rom. 3), ту часть легенды, которая повествовала о событиях, происшедших в Альбе и приведших, в конце концов, к основанию Рима Ромулом, Фабий заимствовал у Диокла с Пенарефоса. Дионисий, живший за два века до Плутарха, не называет точного источника информации Фабия Пиктора, но отмечает, что он именовал мать близнецов Ромула и Рема не Реей Сильвией, как это делали Ливий и, очевидно, его ближайшие предшественники, но греческим именем Илия. Интересно, что греческая версия легенды, по свидетельству Дионисия (1.79.4), была воспринята не только Луцием Цинцием, писавшим, как и Пиктор, по-гречески, но и основателем латинской прозы Порцием Катонем и историком эпохи Гракхов Кальпурнием Пизоном, а значит, бывала в Риме вплоть до конца II в. до н.э. Иной ситуации, по-видимому, не могло быть, так как основание городов, как отмечал Полибий (9.2.1–2), излагалось “многими и на разные лады”, а потому человеку, желающему писать на эти же темы, не оставалось ничего иного, как следовать за своими предшественниками.

Таким образом, в сочинении Фабия Пиктора был представлен полный вариант легенды об основании Рима с некоторыми отступлениями от греческих образцов³⁷, но в том виде, в каком она была воспринята впоследствии римскими писателями³⁸. Следование греческому образцу сказалось также на системе летосчисления – по Олимпиадам,

³⁶ *Beloch K.J.* Op. cit. S. 100.

³⁷ *Plut.* Rom. 3. Между версиями Диокла и Фабия имеются некоторые расхождения. О Фабиевой датировке основания Рима см.: *Gruen E.S.* Op. cit. P. 32.

³⁸ Легенда об основании Рима, изложенная Катонем в “Началах”, с точки зрения Э. Грюэна, должна быть очень похожей на реконструкцию Фабия (*Gruen E.S.* Op. cit. P. 33).

которую Фабий Пиктор и Цинций Алимент непосредственно переняли у Тимея (*Dionys.* 1.74.1).

По свидетельству Дионисия, промежуток времени от основания Города до современных Фабию событий представлен только краткими рассказами. В их числе были миф о Тарнее (*Dionys.* 2.38.3), рассказ об установлении ценза в царствование Сервия Туллия (*Liv.* 1.44.2)³⁹, легенда о Корнолане, которая отличалась от более позднего варианта⁴⁰, рассказ о пророческом сне римского крестьянина (Ливий называет его Титом Латиннием), из-за которого сенату пришлось принять решение о повторном проведении Великих игр⁴¹. Интересно отметить, что Цицерон, который приводит этот эпизод со ссылкой на Фабия, вписывает его в череду подобных рассказов, существовавших в греческой литературе. Среди грекоязычных авторов, включавших сны в свои произведения, Цицерон приводит внушительный перечень как поэтов, историков и философов Балканской Греции, так и сицилийских писателей, что также позволяет говорить о следовании греческим образцам. Из того же произведения Цицерона (*De div.* 1.43) выясняется, что сон крестьянина в сочинении Фабия Пиктора был не единственным. Фабий передал также сон Энея, “в котором было в точности показано все, что позже совершил Эней и что с ним приключилось”. Сон Энея, извлеченный из сочинения Фабия, Цицерон (*De div.* 1.40–44) помещает в своем произведении попеременно с рассказами о снах, заимствованными им у

³⁹ За 50 лет до Фабия сицилийский историк Тимей рассказал о реформе Сервия Туллия: *Plin.* N.H. 33.43: “*Servius rex primus signavit aes. Antea rudi usos Romae Timaeus tradit*” (царь Сервий первым отчеканил монету. Тимей сообщает, что прежде в Риме использовали медь в слитках). Это соответствует тому, что мы находим в римских источниках (*Momigliano A. Did Fabius Pictor Lie? P. 102 f.*).

⁴⁰ Возможно, здесь Фабий передал один из вариантов застольных песен (*carmina*). Во всяком случае, Дионисий (1.79.10; 8.6.2) указал, что Корнолан, как и Ромул, мог быть героем подобных песен.

⁴¹ *Cic.* *De div.* 1.55; *Liv.* 2.36.1–8; *Val. Max.* 1.7.4; *Plut.* *Cor.* 24.

поэтов Энния и Акция, а поэты, с точки зрения Цицерона, отличаются от историков, так как не связаны необходимостью говорить правду⁴². Подобным приемом Цицерон пользуется, чтобы отнести сочинение Фабия Пиктора к категории исторически малодостоверных. Дионисий, для которого сочинение Фабия было одним из основных источников, охотно цитировал этого автора как авторитетного, когда речь шла о современных Фабия событиях (*Dionys.* 7.71.1), но сомневался в надежности его сведений о древнейшем периоде римской истории (*Dionys.* 4.15.1).

Войны римлян с самнитами, по-видимому, занимали уже больше места в сочинении Фабия⁴³. Примечательно, что Фабий в духе авторов эллинистического времени обращает внимание на курьезный случай, связанный с конфликтом диктатора Папирия и его начальника конницы Кв. Фабия во время военной кампании 325 г. до н.э.⁴⁴ Этот эпизод, несомненно, был заимствован из семейных преданий рода Фабиев и указывает на то, что Пиктор обращался к источникам римского происхождения.

В 30-х годах XX в. М. Гельцер впервые высказал предположение, что Фабий Пиктор, как и все римские историки, писавшие по-гречески, должен быть отделен от более поздних анналистов, которые писали по-латыни. Первые представляли собой "сенаторских" историков, которые желали изобразить свое сословие в наиболее привлекательном для него свете, тогда как вторые составляли скудные записи в духе жреческой традиции, предназначенные для римской политической элиты⁴⁵.

⁴² О различии историков и поэтов см.: *Cic.* *De leg.* 1.5; *De orat.* 2.51, 62.

⁴³ *Liv.* 8.30.9; 10.37.13.

⁴⁴ А. Моммляно считает, что интерес к курьезным случаям Фабий воспринял от Тимея (*Momigliano A. The Classical Foundations...* P. 100).

⁴⁵ *Gelzer M. Der Anfang römischer Geschichtsschreibung* *Hermes.* 1934. Bd. 69. S. 46–55.

В споре о жанровой принадлежности сочинения Фабия Пиктора, который не утихает в научной литературе начиная с выхода в свет работы М. Гельцера, Ф. Уолбенк безоговорочно причислял Фабия к историкам-анналистам. По его убеждению, Фабий писал, следуя погодной хронологической системе, иногда, правда, менял схему изложения, но сопровождал рассказ о каждом годе деталями магистратских выборов, пророчеств, жреческих назначений; напротив, греческое наследие Фабия проявилось в следовании эллинистическим моделям “трагической” историографии⁴⁶. Свою точку зрения Ф. Уолбенк аргументирует наличием в сочинении Полибия при описании кампаний I Пунической войны двух способов датировки событий, которые восходят к его основным источникам — Фабия Пиктору и Филину: датировка “по годам войны” заимствована у Филина, тогда как появление консульских имен обязано Пиктору. Имена консулов, по мысли Ф. Уолбенка, служат Полибию для обозначения года, но не таким строгим анналистическим способом, как у Ливия и Диодора.

Однако следует обратить внимание на то, как Полибий использует имена консулов. Описывая, например, отставку римского флота в Ливию, Полибий (1.26.11) отмечает, что на двух шестипалубниках находились консулы Марк Атилий и Луций Манлий. Прибытие новых римских войск в Ливию в 254 г. до н.э. произошло уже под командованием консулов Марка Эмилия и Сервия Фульвия (*Polyb.* 1.36.10). Эти примеры важны для нас тем, что весь рассказ о военном присутствии римлян в Ливии Полибий, по утверждению Ф. Уолбенка, взял у Фабия Пиктора⁴⁷. При описании войн римлян с галлами-сенонами Полибий также поименно называет консулов,

⁴⁶ *Walbank F.W.* Polybius, Philinus... P. 17 f. Подобные взгляды также разделяет П. Уолш, который считает, что начало римской традиции анналистического рассказа связано с именем Фабия Пиктора (*Walsh P.G.* Op. cit. P. 118).

⁴⁷ *Walbank F.W.* Op. cit. P. 3. Note 2.

если с ними связаны изменения в состоянии римского войска, как, например, смена командования⁴⁸. Можно утверждать, что включение Полибием имен консулов в свое повествование зависит от характера описываемых событий: имена консулов упоминались, если они были активными участниками военных кампаний, если же их участие было незаметным, их имена выпадали из рассказа (*Polyb.* 2.24.8).

Этот вывод мы вправе распространить и на сочинение Фабия Пиктора, тем более что Ливий (10.37.13) отмечает такую же особенность использования Фабием консульских имен: "Фабий пишет, что оба консула вели войну..., что войско совершило переход в Этрурию, но **какой из консулов его при этом вел, не уточняет...**" (*Пер. Н.В. Брагинской*). Последнее обстоятельство как раз является необходимым условием анналистического повествования с точки зрения Семпрония Азеллиона. Поэтому нельзя согласиться с предположением Д. Флаха, что I Пуническую войну Фабий передавал в анналистическом манере⁴⁹.

Таким образом, все, что мы знаем о сочинении Фабия Пиктора, свидетельствует не только об использовании им приемов, свойственных эллинистической технике повествования, но и о передаче тех воззрений на мир, которые наполняли эллинистическую литературу⁵⁰. Это не позволяет отнести сочинение Фабия Пиктора к числу анналистических произведений. Его труд, с одной стороны, был написан в духе распространенного у греков истори-

⁴⁸ *Polyb.* 2.19.8: "...так как в этом сражении пал консул Луций, то на его место римляне назначили Манния Курия".

⁴⁹ *Flach D.* Op. cit. S. 66. М. Грант распространяет использование двух способов датировки — по Олимпиадам и консульским парам — на все сочинение Фабия, объясняя это тем, что Фабий занял промежуточную позицию между двумя культурами (*Grant M.* The ancient Historians. N.Y., 1970. P. 169).

⁵⁰ *Timpe D.* Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie. ANRW. B; N.Y., 1972. Bd. 2. S. 944. Anm. 42

ко-литературного жанра, разрабатывавшего тему основания городов, а с другой – обращен к современным автору проблемам, что представляло интерес для политической или, по определению Полибия, прагматической истории. В его сочинении отсутствовало исследование **исторического** прошлого в противоположность **мифическому**, для воссоздания которого историк уже имел в своем распоряжении некоторые документы, в том числе и таблицы великого понтифика.

Систематическое изложение истории своего города Фабий заменил отдельными рассказами, которые походили на творения авторов “Аттид” и располагались в хронологической последовательности⁵¹. Но назвать его произведение в полном смысле анналистическим нельзя. Оно больше походит на хорографическое или хронографическое сочинение, связанное с каким-либо городом и историей того района, где он был основан, или с описанием отдельных событий, чаще всего войн. Подобный вид литературы издревле широко был распространен в греческом мире. Становление римской историографии проходило не в форме анналистического повествования, но в форме хорографии (местной истории) и хронографии (описании событий определенного периода). Ей еще только предстояло освоить анналистическую структуру, которая требовала подлинно исторического содержания.

Фабий Пиктор ориентировался на греческие историографические модели, но его труд был больше, чем просто подражание грекам. Даже если Фабий перенял какую-то определенную схему изложения, он должен был сам позаботиться о ее наполнении. Для этого надо было обратиться к записям, которые вела коллегия понтификов. Авл

⁵¹ О подобных рассказах упоминает Дионисий с тем, чтобы дистанцироваться от них. *Dionys.* 1.8.3: “σχήμα δὲ ἀποδίδωμι τῇ πραγμатеῖα... οὕτε ταῖς χρονικαῖς παραπλήσιον, ἅς ἐξέδωκαν οἱ τὰς Ἀτθίδας πραγματούσασμενοι” (форму своего повествования я создаю такой манерой исторического исследования, которая не имеет ничего общего с анналами, которые писали авторы Аттид...).

Геллий сообщает, что в первой книге Фабия Пиктора приводится формула, которую должен использовать великий понтифик при выборе весталки³². Тот же автор говорит о многочисленных церемониях, за которые отвечал фламмин Юпитера, также ссылаясь на первую книгу сочинения Фабия Пиктора (*Gell. N.A. 10.15.1*). Ссылка Геллия на первую книгу позволяет сделать предположение о ее содержании: новеллистические рассказы о прибытии Энея в Италию, об Альбе-Лонге и ее царях³³, об основании Рима Ромулом перемежались сакрально-правовыми реалиями, которые можно было позаимствовать только из римской специальной литературы. По словам Геллия, Фабий процитировал понтификальную формулу, которая сопровождала выбор весталки. Сам Геллий передает ее через косвенную речь, однако, сохраняет технический термин – *virginem capere* (захватить девицу), который означал выход весталки из-под отеческой власти³⁴. Этот пример позволяет утверждать, что Фабий обращался непосредственно к документам коллегии понтификов, по всей видимости, к понтификальным книгам, которые хранили сакральные формулы и обрядовые предписания (*caerimoniae*), как и в случае с фламинном Юпитера³⁵.

Все сказанное свидетельствует о том, что Фабий Пиктор прилагал греческие образцы к римским культурно-историческим традициям, наполняя свое сочинение деталями антикварного характера, ничуть не уступавшими “ди-

³² *Gell. N.A. 1.12.14*: “...in libro primo Fabii Pictoris, quae verba pontificem maximum dicere oporteat, cum virginem capiat, scriptum est” (в первой книге Фабия Пиктора записано, какие слова должен произносить великий понтифик, когда захватывал девицу).

³³ Диодор (7.5.4) сообщает, что Фабий предлагает другой рассказ о происхождении имени Альбы-Лонги.

³⁴ Подробнее об этом: Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2001. С. 292.

³⁵ Об этом см. главу 1 данной работы.

ковинкам", которыми изобиловала эллинистическая литература. Включение в историческое сочинение жреческого материала придавало повествованию сугубо римский колорит и предвосхитило зарождение в римском обществе антикварного интереса, что способствовало впоследствии оформлению антикварианизма в особое историографическое направление. Литературная деятельность Фабия дала толчок римской историографии, указав на тот материал, которым она может воспользоваться в дополнение к сюжетам, хорошо разработанным в сочинениях греческих историков⁵⁶. Это туземный материал: календарные таблицы понтификов, на основе которых выросла понтификальная историография, список магистратов и семейная традиция. К числу сюжетов, занявших прочное место в сочинениях греческих авторов, относилось мифическое прошлое Города. С него начиналось повествование Фабия, и римские историки раз и навсегда усвоили практику изложения своей истории *ab Urbe condita*.

Подобно Фабия Пиктору, по-гречески написал историю Рима Л. Цинций Алимент. Он довел изложение до конца II Пунической войны⁵⁷. Во время этой войны Цинций был в плену у Ганнибала (*Liv.* 21.38.3), но в в 210 г. уже занимал должность претора в Риме (*Liv.* 26.23.1). Поэтому можно сказать, что Ганнибалову войну будущий историк видел глазами как военнопленного, так и римского командира. Как и Фабий Пиктор, Цинций уделил большое внимание основанию Рима. Он также использовал греческий способ счета лет по Олимпиадам, но в отличие от Фабия, дал иной год основания

⁵⁶ Фабий Пиктор приспособил римскую историографию к образцам греческой литературы, как это сделали ранее египетский жрец Манефон и вавилонский жрец Берозс. См.: *Grant M.* Op. cit. P. 169.

⁵⁷ *Balsdon J.P.V.D.* Some Questions about Historical Writing in the Second Century B.C. — CQ. 1953. Vol. 3. P. 161; *Verbrugghe G.P.* L. Cincius Alimentus — His Place in Roman Historiography // *Philologus*. 1982. Bd. 126. P. 317.

Рима – 729 г. до н.э. Этот факт может свидетельствовать о том, что Цинций использовал другие источники для этого сюжета. Встречаются, правда, иные объяснения. То, что разные историки оперировали разными датами для основания Рима, объясняет их стремление обозначить число лет, прошедших от основания Города, и временем, когда, с их точки зрения, начинался достоверный консульский список⁵⁸.

Авторы более позднего времени редко ссылались на сочинение Цинция, но когда обращались к нему, то отзывались с большой похвалой. Именно этому историку склонен верить Ливий (21.38.3) в вопросе о численности пунийского войска, пришедшего в Италию вместе с Ганнибалом. Ливий назвал Цинция “прилежным исследователем памятников”⁵⁹, ссылаясь на него в связи с упоминанием древнего обычая, закрепленного законом о том, что верховный предводитель в сентябрьские иды должен вбивать гвоздь (*Liv.* 7.3.5). Благодаря Цинцию мы узнаем о существовании такого обычая в этрусском городе Вольсинии. То есть речь идет об исследовании текстов древних законов, что дало основание современным комментаторам Ливия видеть в этом Цинции позднейшего юриста, писавшего сочинения по древнему государственному праву⁶⁰, или отождествлять его с автором путеводителя по Риму или, по крайней мере, по Капитолию под названием *Mystagogica* (или *Mystagogon*)⁶¹ (Путеводитель по священным местам). Иногда считается, что автором всех этих сочинений был один и тот же Цинций – грамматик, живший в середине I в. до н.э. или в век Авгус-

⁵⁸ *Briscoe J.* The First Decade // *Livy*. Ed. T.A. Dorey. London; Toronto, 1971. P. 5.

⁵⁹ *Liv.* 7.3.7: “...comparere diligens talium monumentorum auctor Cincius adfirmat”.

⁶⁰ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Пер. с нем. М., 2001. Т. 1. С. 334.

⁶¹ *Heurgon J. L.* Cincius e la loi du *clavus annalis*. Athenacum. 1964. Vol. 42. P. 432–437; *Gabba E.* True History and False History in Classical Antiquity. JRS. 1981. Vol. 71. P. 61.

та⁶². Тем не менее приведенные Ливием сведения можно рассматривать как принадлежавшие Цинцию Алименту. Обычай использования гвоздя для отметки прошедших лет, характерный для дописьменной эпохи, мог привлечь к себе внимание историка, интересовавшегося различными системами счета лет, что мы видели на примере предлагаемой им даты основания Рима. Сказанное позволяет увидеть много общего в произведениях двух авторов – Фабия и Цинция⁶³. Несмотря на то, что Цинций иногда передавал отличные от фавиевых версии событий, обоих авторов объединял интерес к деталям антикварного содержания.

Об Авле Постумии Альбине нам известно больше. Полибий сообщает, что он написал прагматическую историю (πραγματικὴ ἱστορία) на греческом языке⁶⁴. Термин πραγματικὴ, употребленный Полибием применительно к сочинению Постумия Альбина, относится к его содержанию и означает “историю, имеющую дело с политическими и военными событиями”, а не “историю, основанную на исследовании причин событий”⁶⁵. Во вступлении к своему сочинению Постумий Альбин просил у читателей снисхождения за возможные ошибки в греческом языке, за что не избежал язвительной насмешки Марка Порция Катона

⁶² Klotz A. Livius und seine Vorgänger. Amsterdam, 1964. S. 202; Walsh P.G. Op. cit. P. 117. О разных версиях времени жизни Цинция-грамматика см.: Verbrugghe G.P. L. Cincius Alimentus. P. 321. Note. 12. Авл Геллий (N.A. 16.4.1) сообщает, что Цинций написал сочинение “О военной науке” (*De re militari*), где привел формулу объявления войны, которую произносили фешалы. Так как, по словам Геллия, это сочинение было написано на латинском языке, его автором можно считать Цинция – грамматика и антиквара.

⁶³ Г. Вербрюгге больше внимания обращает на различия между работами Фабия и Цинция (Verbrugghe G.P. L. Cincius Alimentus... P. 323).

⁶⁴ Polyb. 39.12.4: “...πραγματικὴν ἱστορίαν ἐνέχειρῃσεν...” (взялся за прагматическую историю).

⁶⁵ Об использовании этого термина Полибием см.: Walbank F.W. Polybius, Philinus... P. 16.

(*Plut. Cato. 12*). Этот курьезный случай впоследствии переключался в сочинение Корнелия Непота, а оттуда, вероятно, был заимствован Авлом Геллием (*N.A. 11.8.1–5*)⁶⁶. Зачем Постумию потребовалось совершать над собой усилие и писать на чужом языке? Ответ может быть только один. Выбор греческого языка неизбежно влек за собой следование определенной модели изложения. Ведь содержание и изложение – составные части любого сочинения, на что обратил внимание Цицерон, причем определенное содержание требует определенного изложения⁶⁷. Жанр “политической истории” уже был хорошо освоен греками. В отличие от своего современника Катона, Цицерон достаточно высоко оценил литературные возможности Авла Альбина, назвав его “образованным и речистым”⁶⁸. Так что, по всей видимости, Постумий Альбин лукавил, говоря о недостаточном знании греческого языка.

Грекоязычные римские историки принадлежали к древнейшим авторам, которые могли бы стать источником знаний для последующих поколений римлян. Но как показывает специальное исследование этой проблемы в современной исторической науке, Цицерон, большой знаток римской литературы, едва ли пользовался ими, а в сомнительных случаях часто прибегал к сочинениям более авторитетных историков, например Полибия. Кроме того, в глазах Цицерона авторитет историка никоим образом не зависел от его древности⁶⁹.

⁶⁶ Извинения Альбина и резкая реакция на них Катона повторены Макробием (*Sat. 1. Praef. 14–15*), причем слова обоих приведены в цитатах.

⁶⁷ *Cic. De orat. 2.63*: “...ipsa autem exaedicatio posita est in rebus et verbis: rerum ratio ordinem temporum desiderat” (содержание и изложение; характер содержания требует держаться последовательности времени). Пер. Ф.А. Петровского.

⁶⁸ *Cic. Brut. 81*: “Albinus is, qui Graece scripsit historiam, et litteratus et doctus fuit”.

⁶⁹ *Fleck M. Cicero als Historiker*. Stuttgart, 1993. S. 101, 109.

НАЧАЛО ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Еще какое-то время римляне обращались к греческому языку, чтобы описать свою историю. Со слов Цицерона (*Brut.* 77) известно, что старший сын Сципиона Африканского написал римскую историю по-гречески. Этим же языком воспользовался и Гай Ацилий – автор второй половины II в. до н.э.: написанная им история Рима впоследствии была переведена на латинский язык⁷⁰. Но еще раньше эта “мода” начала сходить на нет, и уже в 80-х годах II в. до н.э. Катон Цензор написал сочинение “Начала” (*Origines*) в семи книгах – первую римскую историю на латинском языке⁷¹. Сочинение охватывало период от ранней истории Рима и италийских племен до времени автора⁷². В первую очередь Катон отказался от датировки событий римской истории по Олимпиадам. При вычислении года основания Рима он использует в качестве точки отсчета окончание Троянской войны⁷³. Это событие для римлян его времени имело гораздо более тесную связь с историей Рима, нежели общегреческие спортивные состязания. Бегство Энея из горящей Трои воспринималось римлянами как начало их собственной истории. Плиний Старший передает, что Катон сохранил рассказ о том, что в 535 г. от основания Города (то есть в 219 г. до н.э.), когда консулами были Л. Эмилиий и М. Ливий, в Рим впервые

⁷⁰ *Cic.* *De off.* 3.115; *Liv.* 25.39.12; 35.14.5.

⁷¹ Трухина Н.Н. Политика и политики “золотого века” римской Республики. МГУ, 1986. С. 102. О времени написания Катонем своих сочинений можно говорить только предположительно. Термин *Origo* использовался в общем значении истории. См.: *Momigliano A. Some Observations on the “Origo Gentis Romanae”* // *JRS.* 1958. Vol. 48. P. 58.

⁷² Дж. Болдсон считает, что “Начала” Катона заканчивались 150 г. (*Balsdon J.P.V.D. Op. cit.* P. 161). Д. Флах называет 149 г. – год смерти Катона (*Flach D. Op. cit.* S. 73).

⁷³ Катон помещает основание Рима через 432 г. после Троянской войны, что соответствует 751 г. до н.э. (*Dionys.* 1.74.2).

прибыл врач греческого происхождения. Впоследствии эти сведения были заимствованы Кассием Геминией⁷⁴, который датирует это событие таким же, как у Катона, способом.

Трудно сказать, встретил ли Плиний подобную датировку у Катона, появилась ли она позже у Геминия, или она принадлежит самому Плинию. Поэтому нельзя с уверенностью говорить о том, что при описании современных ему событий, относившихся, в частности, к внутренней истории Рима, Катон использовал датировку по консульским парам, обозначая время их пребывания в должности годом от основания Рима. Катон вообще очень тщательно занимался древнейшей историей Рима. Дионисий отмечает, что он внимательнее других относился к датировке событий древней истории (*Dionys.* 1.74.2), а те сведения, которые Дионисий извлекал из его сочинения, достойны доверия больше, чем те, которые он находил у грекоязычного Фабия (*Dionys.* 4.15.1). Плиний также высоко ценил авторитет Катона, который, по его словам, проистекал не от триумфов и занятия цензорской должности, но поддерживался его личностью⁷⁵.

Катона, обычно с оговорками, причисляют к писателям-анналистам. Но даже немногие сохранившиеся фрагменты позволяют утверждать, что он не следовал погодному изложению событий, а знакомство с таблицами понтифика, как мы видели, не впечатлило его. И хотя Катона можно считать родоначальником латинской историогра-

⁷⁴ *Plin.* N.H. 29.12: "Cassius Hemina... auctor est primum e medicis venisse Romam Peloponneso Archagathum Lysaniae filium L. Aemilio M. Livio cos. anno urbis DXXXV... (13) ... quod clarissime intellegi potest ex M. Catone..." (Кассий Геминия... утверждает, что Архагат, сын Лисания, первым из врачей прибыл в Рим из Пелопоннеса в 535 году от основания Города в консульство Л. Эмилia и М. Ливия ... (13) ... об этом точнее всего можно узнать от М. Катона ...).

⁷⁵ *Plin.* N.H. 29.13: "...ex M. Catone, cuius auctoritati triumphus atque censura minimum conferunt, tanto plus in ipso est" (...от М. Катона, авторитету которого меньше всего способствовали триумф и цензура, гораздо больше этому способствовала его личность).

фини, стремившимся отойти от греческих образцов, его сочинение, как справедливо отметил А. Моммляно, было латинским только по языку, но греческим по духу⁷⁶. От работ предшественников оно отличалось не только языком, но и тем, что впервые в римскую историю на равных правах с римлянами вошли италийские народы. Однако этот шаг не привел к полному изменению первоначальной греческой модели. Корнелий Непот оставил нам подробное описание структуры произведения Катона, из которого следует, что «первая книга содержит деяния римских царей, вторая и третья книги рассказывают о происхождении всех италийских городов, и от этого, по-видимому, все книги называются "Началами". В четвертой говорится о Первой Пунической войне, в пятой – о Второй, но все их события изложены в общих чертах». Катон даже не включил консульские имена в свое повествование, но «пересказал войны, не называя участвовавших в них полководцев и отмечая сражения без имен» (*Пер. Н.Н. Трухиной*)⁷⁷. Этот краткий перечень тем катоновского сочинения дополняется сведениями Ливия (34.5.8–9), которые позволяют нам конкретизировать содержание некоторых книг. Так, в сочинении Катона наряду с рассказом о сражении римлян и сабинян в царствование Ромула, передавалась легенда о Марции Корнелане, повествовалось о взятии Рима галлами. Сопоставление этих сведений с тем описанием сочинения, которое встречается у Непота, позволяет считать, что перечисленные Ливием события римской истории заполнили первую книгу "Начал" Катона. Во всяком случае, изложение в ней доходило, по крайней мере, до 458 г. до н.э., а по мнению Д. Флаха, заканчивалось децемвиратом, как и у

⁷⁶ Momigliano A. The Classical Foundations... P. 106.

⁷⁷ *Nepos. Cato* 3. 3-4: primus continet res gestas regum populi Romani, secundus und tertius unde quaeque civitas orta sit Italica, ob quam rem omnes Origines videtur appellasse. In quarto autem bellum Poenicum est primum, in quinto secundum. Atque haec omnia capitulatim sunt dicta. ... horum bellorum duces non nominavit, sed sine nominibus res notavit.

Фабия Пиктора⁷⁸. Значит, в первых книгах содержалось гораздо больше материала, чем это засвидетельствовано Непотом. Само название сочинения – *Origines* – позволяет отнести его к разряду повествований об основании (то есть о “началах”) городов. Очень вероятно, что Катон, как и Фабий Пиктор, пользовался сочинением Тимея. Во всяком случае Р. Лаквер высказал предположение, что Полибий (12.26d 1–2), когда критиковал Тимея за то, что тот сбивал других авторов с пути своими легендами об основании городов, имел в виду *Origines* Катона⁷⁹. Но история одного города в сочинении Катона дополнилась традиционными рассказами, связанными с другими городами и их обитателями, превратившись в историю доримской Италии. Непот особо подчеркивает то, что описание войны дается “в общих чертах” (*capitulatim*). А это значит, что временными ориентирами для Катона служили не смена консульских пар, а главные события военных кампаний. И в этом также можно усмотреть следование Фабию Пиктору.

Цицерон сообщает, что Катон включил в свое сочинение произнесенные им самим речи: против Гальбы в 149 г. (*Brut.* 89) и перед народом (*De orat.* 1.227), а Авл Геллий (*N.A.* 6.3.7) добавляет к этому списку произнесенную в 167 г. речь за родосцев. В этом, несомненно, сказалось следование традиции греческой историографии, однако она подверглась изменению. Греческие историки со времен Геродота и Фукидида сами составляли речи для своих героев, заставляя их говорить то, что могло быть ими сказано в соответствующей ситуации. Катон же включил в свое сочинение собственные речи, так как он сам был активным участником судебных процессов. Поэтому можно предположить, что традиция соединения ораторского искусства и права зародилась именно в составленных им речах. Произнесенные в связи с конкретными обстоятельствами, они тем самым гарантировали достоверность изложения мате-

⁷⁸ Flach D. Op. cit. S. 69 f.

⁷⁹ Laquer R. *Timaioi* PWRE. Stuttgart, 1936. Reihe 2. Hlbd. 11. S. 1203.

риала, освятив его авторитетом автора – участника описываемых событий – и отделив вымысел от реальности. Можно только предположить, что Катон не прибегал к риторическим приемам при описании отдаленного прошлого⁸⁰. Роль Катона в развитии латинской историографии действительно велика. Ее можно сравнить только с тем вкладом, который внес Энний в становление латинской поэзии, приспособив созданный греками стихотворный размер к латинскому языку.

Таким образом, первые римские историки, писавшие по-гречески, (к ним примыкает и Катон⁸¹), неизбежно ориентировались на образцы греческой хорографической литературы, что не исключало их знакомства с политической историографией и использования выработанных ею приемов (включение речей в историческое повествование). Но главным образом преобладало внимание к истории своего города и тех районов, которые впоследствии были включены в состав римского государства. В этих сочинениях передавались сведения легендарного характера и современные автору события. Но выработанная греческой хорографической литературой и принятая римскими историками схема стала дополняться новыми элементами – в первую очередь деталями антикварного содержания, что проявилось уже в сочинении Фабия Пиктора.

РОЖДЕНИЕ АННАЛИСТИКИ

После Катона латинский язык окончательно стал языком римской прозы. Историки, писавшие на латинском языке, по традиционной схеме распределяются на две возрастные группы: средние (последняя треть II в. до н.э.)

⁸⁰ М. Грант считает, что речи находились в последних книгах сочинения Катона (*Grant M. Op. cit. P. 171*).

⁸¹ Вряд ли, вслед за С.Л. Утченко, можно охарактеризовать Катона как своеобразную и одиноко стоящую фигуру в ранней римской историографии (*Утченко С.Л. Римская историография и римские историки. Историки Рима. М., 1970. С. 14*).

и младшие (I в. до н.э.) анналисты. Современные исследователи, как правило, сдержанно относятся к историкам последней трети II в. Но сохранившиеся о них высказывания Цицерона если и содержат упрек этим авторам, то только за недостаточно художественную форму изложения, что никак не может быть доказательством недостоверности сообщаемых ими сведений. Но прежде чем оценить достоверность того материала, который вошел в произведения этих историков, необходимо представить себе содержание их сочинений. Среди историков эпохи Гракхов наиболее яркими фигурами были Л. Кассий Гемина и Л. Кальпурний Пизон.

Л. Кассий Гемина был первым латинским автором после Катона и его младшим современником. Время его работы над своим сочинением приходится, по-видимому, на третью четверть II в. до н.э., точнее между 130–120 гг.⁸² У. Шольц предположил, что сочинение Гемины охватывало историю Рима до 146 г. – года окончания III Пунической войны – и состояло из семи книг⁸³.

В научной литературе по-разному оценивается значение этого автора в развитии римской историографии. Э. Бэдиен вычеркивает Гемину из числа римских историков⁸⁴, а Э. Роусон называет его в числе первых латиноязычных анналистов⁸⁵. Ее точка зрения нашла дальнейшее развитие в историографии, и имя Кассия Гемины стало связываться с установлением анналистической формы изложения как характерного для римлян способа написания истории⁸⁶. Однако М. Флек обратил внимание на то, что ни

⁸² Forsythe G. Some Notes of the History of Cassius Hemina Phoenix. 1990. Vol. 44. P. 333.

⁸³ Scholz U. W. Zu L. Cassius Hemina // Hermes. 1989. Bd. 117(2). S. 172.

⁸⁴ Badian E. The Early Historians // Latin Historians. Ed. T.A. Dorey. L., 1966. P. 31. Note 49.

⁸⁵ Rawson E. The First Latin Annalists // Rawson E. Roman Culture and Society. Collected Papers. Oxford, 1991. P. 245 ff.

⁸⁶ Toher M. Augustus and the Evolution of Roman Historiography Between Republic and Empire. Oxford, 1990. P. 146. Note 24.

Цицерон, ни Ливий, ни даже Дионисий не только не заимствовали информацию из сочинения Кассия Геминны, но даже не упоминали этого автора⁸⁷. Первым, кто стал его цитировать, был Плиний Старший, живший через два века после Кассия Геминны. Плиний назвал Кассия “древнейшим автором annalов”⁸⁸. Он извлекал из его сочинения разнообразные “дикувинки”, как, например, рассказ о находке на Яникуле ящика с телом Нумы – второго римского царя – и его книгами философского содержания. Можно с уверенностью говорить о том, что Кассий Геминна подробно описал религиозные нововведения Нумы, в частности регламентирование жертвенной пищи⁸⁹. Очевидно, он заимствовал из сочинения Катона Старшего рассказ о первом в Риме враче-греке. Но все это, по мнению М. Флека, не дает основания говорить о том, что Геминна написал историческое сочинение⁹⁰.

Подобное утверждение кажется слишком категоричным. Плиний ссылается на “Annalы” Кассия Геминны с указанием номера книг этого сочинения. Так, рассказ о находке тела Нумы помещен в четвертой книге его “Annalов”, причем произошло это, по датировке Кассия, в консульство П. Корнелия Цетега, сына Луция, и М. Бебия Памфила, сына Квинта, 535 лет спустя после вступления на царство Нумы (*Plin.* N.H. 13.85), то есть в 181 г. до н.э. Судя по способу датировки этого события, которую полно-

⁸⁷ *Fleck M.* Op. cit. S. 116.

⁸⁸ *Plin.* N.H. 13.84: “...Cassius Hemina, vetustissimus auctor annalium...”; *Plin.* N.H. 29.12: “Cassius Hemina ex antiquissimis auctor est...”

⁸⁹ *Plin.* N.H. 18.7: “Numa instituit deos fruge colere et mola salsa supplicare atque, ut auctor est Hemina, far torrere, quoniam tostum cibo salubrius esset” (Нума установил почитать богов плодами и проявлять поклонение соленой мукой, а также, как передает Геминна, печь пирог из полбы, так как полезнее принимать в пищу жареное); *Plin.* N.H. 32.20: “Numa constituit, ut pisces, qui squamosi non essent, ni polluerent...” (Нума установил, что нельзя обещать [богам] рыбу без чешуи...).

⁹⁰ *Fleck M.* Op. cit.

стью приводит Плиний, Кассий вел счет лет по консульским парам, но для уточнения года точкой отсчета для него служило не основание Города, как это было принято позже, а некоторые даты надежно зафиксированных событий римской истории, таких, как воцарение Нумы, установление Республики или взятие Рима галлами⁹¹. Иногда в роли такого события по-прежнему выступала Троянская война⁹².

Обращает на себя внимание также то, что история о Нуме и его книгах, по словам Плиния, "записана Пизоном, бывшим цензором, в первой книге его комментариев"⁹³. Пизон, о котором речь пойдет ниже, хорошо известен как автор исторического сочинения под названием "Анналы". Но здесь речь явно идет о какой-то иной его работе, которую Плиний, известный точностью и тщательностью ссылок, назвал комментарием, то есть записками. Мы уже говорили о том, что римские аристократические семьи вели записи, связанные главным образом с пребыванием их представителей в должности консулов или цензоров. О цензорских записях (*циркулы* *управления*) рассказывает

⁹¹ Дионисий (1.74.4), говоря о соотношении римской хронологии и греческой, приводит пример способа счета лет, которым пользовались в Риме историки Фабий и Луций Цинций и который отличался от греческого летосчисления по Олимпиадам: "обычно принимается, что вторжение галлов, во время которого Рим был взят, случилось во время архонства Пиргия в Афинах, в первый год 98-й Олимпиады. Теперь, если от времени до взятия Города отсчитать назад к Л. Юнию Бруту и Л. Тарквинию Коллатину, первым консулам в Риме после изгнания царей, это составляет 120 лет".

⁹² *Gell.* N.A. 17.21.3: "...utrumque tamen ante Romam conditam vixisse, Silviis Albae regnantibus, annis post bellum Troianum, ut Cassius in primo Annalium de Homero atque Hesiodo scriptum reliquit, plus centum atque sexaginta..." (оба жили до основания Рима, когда в Альбе правили Сильвии, более чем 160 лет спустя после Троянской войны, как Кассий написал о Гомере и Гесиоде в первой книге своих *Анналов*).

⁹³ *Plin.* N.H. 13.87: "...hoc idem tradit Piso censorius primo commentariorum..."

Дионисий (1.74.5), который отмечает существование в Риме среди цензорских семей обычая передавать заботу об этих записях от отца к сыну. Подобные записи, по словам Дионисия, сохранили многие выдающиеся люди из цензорских семей, и сам Дионисий пользовался ими. Поэтому с полным основанием мы можем предположить, что у Плиния речь идет не об “Анналах”, а именно о цензорских записях, которые вел Пизон, занимая эту ответственную должность. Интересно, что, ссылаясь на цензорские записи, из которых Дионисий заимствовал информацию о проведении ценза в 389/8 г. до н.э., он обращает внимание на способ применявшейся в них датировки: “во второй год до взятия Города” (галлами. – О. С.). Однако для большей точности тут же добавляется другой способ датировки – по консульствам, а отсчет ведется от времени изгнания царей⁹⁴.

Эти замечания позволяют по-другому взглянуть на работу Кассия Гемини и предположить, что его сочинение не представляло собой систематическое погодное изложение событий, а было сборником интересных и увлекательных рассказов, тяготеющих по своему жанру к сочинениям грекоязычных римских историков.

По свидетельству Макробия, Кассий уделил в своем сочинении характерное для антикварной литературы последующего времени внимание к распределению дней на благоприятные и неблагоприятные⁹⁵. По подсчетам исследователей, треть сохранившихся фрагментов сочинения

⁹⁴ *Dionys.* 1.74.5: “...в консульство Л. Валерия Потита и Т. Манлия Капитолина в 119 г. после изгнания царей”.

⁹⁵ *Macrobi.* Sat. 1.16.21: “Dies autem postridianos ad omnia maiores nostri cavendos putarunt, quos etiam atros velut infausta appellatione damnarunt. Eisdem tamen non nulli communes velut ad emendationem nominis vocitaverunt. Horum causam Gellius Annalium libro quinto decimo et Cassius Hemina Historiarum libro secundo referunt” (Однако наши предки полагали, что завтрашних дней надо опасаться во всех отношениях, они даже клеймили их, называя черными и несчастными. Однако некоторые называли эти же дни обыкновенными, словно для оправдания названия. Геллий в пятнадцатой книге анналов и Кассий Гемини во второй книге истории говорят на эту тему).

Кассия Гемины относится к религиозным вопросам⁹⁶. Повышенный интерес Гемины к подобным сюжетам может объясняться тем, что он работал в то время, когда активизировалась деятельность понтификов по оформлению таблиц, издревле создававшихся в этой коллегии, в сочинение историко-антикварного содержания. Отсюда Гемина черпал свою информацию, которая, как мы уже убедились, мало интересовала Цицерона. Тем не менее это не должно служить основанием для исключения Кассия из числа римских историков II в. до н.э. Э. Роусон высказала предположение, что сочинение Кассия Гемины отражало начало сильного интереса в Риме к антикварным деталям⁹⁷. Однако, как мы видели, этот интерес был присущ римской историографии изначально. Он основывался на существовании документов, создававшихся в жреческих коллегиях, и не был чужд уже ни Фабию Пиктору, ни Цинцию Алименту. Однако отличие сочинения Гемины от произведений этих авторов велико: Гемина первым начал систематически заполнять существовавший в сочинениях его предшественников пробел между царским временем и современностью, то есть обратил внимание на время ранней Республики. Включение в сочинение сведений из annales понтифика влекло за собой появление рациональных толкований, которые меняли дух римской историографии: из собрания легенд и политических памфлетов она превращалась для римского народа в акт самоосознания⁹⁸, который протекал в свойственных римскому историческому сознанию категориях *exempla* (примеров)⁹⁹.

⁹⁶ Forsythe G. Op. cit. P. 343.

⁹⁷ Rawson E. The First Latin Annalists. P. 245.

⁹⁸ На это первым обратил внимание У. Шольц (Scholz U.W. Op. cit. P. 181).

⁹⁹ Появление и развитие *exempla* в исторической прозе было обусловлено риторическим образованием (Maslakov G. Valerius Maximus and Roman Historiography. A Study of the *exempla* Tradition ANRW. B.; N.Y., 1984. Bd. 32.1. P. 445). Об исторических рассказах как образцах гражданской и религиозной морали в сочинении Ливия см.: Liebeschuetz W. The Religious Position of Livy's

О творчестве Луция Кальпурния Пизона можно составить более полное представление. Нам хорошо известен его *cursus honorum*: в 149 г. до н.э. Пизон был избран народным трибуном (*Cic. Brut.* 106), а в 133 г. стал консулом. Его политическая карьера завершилась цензурой в 120 г. до н.э. По свидетельству Цицерона, он “сам вел дела в суде, был защитником и противником многих законопроектов”. В частности, он был последовательным противником закона Гая Гракха о хлебных раздачах (*Cic. Tusc.* 3.48) на том основании, что это требовало расхода общественных средств¹⁰⁰. За свою честность и моральные качества он получил когномен *Frugi* – честный¹⁰¹. Судебная деятельность требовала умения произносить речи. Однако Пизон не отличался красноречием, и ко времени Цицерона его речи оказались уже забытыми. Цицерон при характеристике литературных трудов Пизона обращает внимание на язык и стиль его сочинений. Исторический труд Пизона “Анналы”, с точки зрения Цицерона, написан очень сухо¹⁰². В диалоге “О законах” Аттик причисляет Пизона к самым скучным авторам¹⁰³. Действующие лица другого

History — JRS. 1967. Vol. 57. P. 45. Новейшей работой по данной проблеме является кн.: *Chaplin J.D. Livy's Exemplary History*. Oxford, 2000. В отечественной историографии аналогичной позиции придерживается Г.С. Кнабе (*Кнабе Г.С. Образ Рима в сочинении Тита Ливия* — Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 449).

¹⁰⁰ *Earl D.C. Calpurnii Pisones in the Second Century B.C.* — Athenaeum. 1960. Vol. 38 P. 291.

¹⁰¹ *Cic. Tusc. Disp.* 3.8.16, 20.48; *de fin.* 2.28.90; *Val. Max.* 2.7.9. Слово подразумевает моральные качества, как и практическую компетенцию. См.: *Raouen E. The First Latin Annalists*. P. 260. Note 77 со ссылкой на К. Латте (К. Latte).

¹⁰² *Cic. Brut.* 106: “Piso...annales sane exiliter scriptos” (Пизон...анналы, написанные очень сухо).

¹⁰³ *Cic. De leg.* 1.6: “...nam... si aut ad Fabium aut ad Catonem aut ad Pisonem... venias, ...quid tam exile quum isti omnes?” (ибо, если... обратиться или к Фабия, или к Катону, или к Пизону, ... то, кто может быть скучнее всех этих людей?).

цицероновского диалога пытаются объяснить это тем, что Пизон, как и остальные древние авторы, единственным достоинством речи считал краткость (*brevitas*) и хотел быть понятным своим читателям¹⁰⁴. Упомянутая Цицероном краткость (*brevitas*) является в этом контексте синонимом бесцветности (*exilitas*). Эти характеристики говорят о том, что Цицерон обсуждает произведение Пизона как оратор. Однако последующие поколения по-другому оценили стиль Пизона. Авл Геллий, хотя и не был столь чуток к стиливым особенностям речи, не преминул отметить, что Л. Пизон передал рассказ о курульном эдиле Гнее Флавии очень чистым и чарующим стилем¹⁰⁵. Возможно, простота стиля древних авторов казалась Авлу Геллию чарующей по сравнению с перегруженными риторическими фигурами произведениями писателей императорского времени.

“Анналы” Пизона (в семи книгах), охватывавшие период римской истории от прибытия Энея до современных автору событий, стали одним из источников для Тита Ливия. Погодно излагая историю Рима, начиная с установления Республики, Ливий в трудных случаях из всех древних авторов опирается на авторитет Пизона. Уже в древности не существовало единого мнения о том, куда ушли из Рима плебеи во время первой сепессии: одни называли Священную гору (и это мнение, по утверждению Ливия (2.32.3), встречается чаще), другие (и в их числе был Пизон) считали, что это был Авентин. Пизон даже перечисляет имена народных трибунов 471 г. до н.э. и говорит об их последующем увеличении с двух до пяти (*Liv.* 2.58.2). Ливий даже упрекает Пизона в том, что он

¹⁰⁴ *Cic.* De orat. 2.53: “...noster Cato et Pictor et Piso dum intellegatur, quid dicant, unam dicendi laudem putant esse brevitatem” (наши Катон, Пиктор и Пизон пока не знают, как они могли бы выразиться, и считают, что краткость является единственным украшением речи).

¹⁰⁵ *Gell.* N.A. 7.9.1: “...eaeque res perquam pure et venuste narrata a Pisone”

опустил одну консульскую пару в конце IV в. до н.э. Эти сведения позволяют присоединиться к выводу Э Роусон, что Пизон был первым историком, который создал анналистическую структуру изложения¹⁰⁶. Подобный взгляд хорошо согласуется с тем, что уже говорилось об оформлении анналов понтифика в последней трети II в. до н.э.

Анналистическая схема изложения заполнялась в сочинении Пизона разнообразными рассказами, как, например, о карьере безродного Гнея Флавия, который из писца стал курульным эдилом (*Gell. N.A. 7.9.1*). Но там были и рассказы иного содержания. Варрон в сочинении "О латинском языке" подробно пересказывает версию Пизона о происхождении названия Курциева озера на Форуме: «Пизон в "Анналах" пишет, что во время сабинской войны, которая была между Ромулом и Тацием, храбрейший сабинский муж Меттий Курций, когда Ромул со своими людьми напал с возвышенности, отступил в болотистое место, которое в то время было на Форуме, до того, как были сооружены клоаки, и вернулся к своим на Капитолий. От него озеро получило свое имя»¹⁰⁷. Из трех версий происхождения названия Курциева озера, которые передает Варрон, версия Пизона предлагает самую древнюю датировку, помещая рассказ о Курции во времена Ромула. Кроме того, рассказ о битве Ромула и Тация выдает хорошее знание Пизоном топографии древнейшего Рима, что свидетельствует о явном интересе этого автора к деталям антикварного содержания. Г. Форсайт убежден в том, что Варрон из всех ранних авторов широко пользовался сочинением Пизона, особенно для древнейшей истории Рима¹⁰⁸. Устой-

¹⁰⁶ *Rawson E.* The First Latin Annalists. P. 259.

¹⁰⁷ *Varro. L.L. 5.149*: "Piso in Annalibus scribit Sabino bello, quod fuit Romulo et Tatío, virum fortissimum Mettium Curtium Sabinum, cum Romulus cum suis ex superiore parte impressionem fecisset, Curtium in locum palustrem, qui tum fuit in Foro antequam cloacae sunt factae, secessisse atque ad suos in Capitolium recepisse; ab eo lacum invenisse nomen".

¹⁰⁸ *Forsythe G.* The Historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman Annalistic Tradition N.Y.; L., 1994. P. 75.

чивый интерес Пизона к монументам Рима и его памятным местам характерен для его сочинения. Он пишет не только о Курциевом озере, но и о Капитолийском храме, статуях Клелии, Спурия Кассия, Спурия Мелня и о связанном с именем последнего Эквимелии¹⁰⁹. В составлении подобных рассказов ему могла помочь занимаемая им должность цензора, которая открывала доступ к информации о постройках и монументах Рима¹¹⁰.

Еще один сюжет из сочинения Пизона заслуживает особого внимания. Плиний Старший (N.H. 28.14) со ссылкой на первую книгу "Анналов" Л. Пизона рассказывает, что царь Тулл Гостилий прибег к установленному царем Нумой жертвоприношению, чтобы позвать Юпитера с небес, но, допустив в ритуале ошибку, был поражен молнией. Известно, что Нума Помпилий сделал наблюдение за молниями государственным делом, предписал необходимый для их искупления ритуал и даже установил определенные обряды и молитвы, с помощью которых можно вызвать молнию¹¹¹. Поэтому приведенный Пизоном рассказ о Тулле Гостилии должен был наглядно продемонстрировать последствия пренебрежительного отношения к сакральным церемониям. Пизон мог заимствовать подобный сюжет из жреческих книг, возможно из книг авгуров, в ведении которых находилось наблюдение за всеми небесными явлениями, в том числе и за молниями.

Интересно также то, что Плиний аттестует Пизона как очень надежного автора (*gravis auctor*). Вопрос в том, приложима ли эта характеристика вообще ко всему сочинению Пизона или распространяется только на выше приведенный сюжет. Для ответа на него необходимо определить отношение других авторов к подобной информации. Дионисий Галикарнасский (1.90.2), определив с самого начала предмет своего изложения, время от времени возвращался к нему, отмечая то, что приоритетным для него

¹⁰⁹ Peter H. Frg. 6, 16, 20, 24, 37.

¹¹⁰ Rawson E. The First Latin Annalists. P. 261.

¹¹¹ Liv. 1.20.7; Plin. N.H. 2.140.

является описание древних обычаев, законов и институтов римлян¹¹². Информацию такого рода он получает непосредственно от римлян, причем выделяет наиболее достоверную ее часть – церемонии (*τὰ γινόμενα*), связанные с почитанием божеств. То есть речь идет о сведениях сакрального характера, сохранение и передача которых находились в ведении жреческих коллегий. Поэтому, возвращаясь к характеристике Пизона, данной Плинием, можно с уверенностью говорить о том, что она относится к рассказам, которые строились на основе сведений, заимствованных из жреческих записей.

Пизон вообще любил включать подобные рассказы в свое сочинение. К их числу, например, относится упомянутый Плинием (N.H. 28.15) рассказ о находке человеческой головы на Тарпейской горе. Этот эпизод впоследствии утвердился в римской исторической традиции. Ливий (1.55.5) относит его к царствованию Тарквиния Гордого, связывает с закладкой храма Юпитера Капитолийского и с предвещанием величия государства. В сочинении Ливия (1.55.3) он также связан с церемонией птицегадания, которая должна была подготовить территорию Тарпейской горы для постройки нового храма, очистив ее от имевшихся там более древних святилищ. Инаугурация пространства – определение границ священной территории, как и его десакрализация, сопровождалась определенными религиозными формулами, которые хранились и интерпретировались коллегией авгуров. А потому и находка человеческой головы – божественного знаменья, связанного с освящением территории под будущий храм, могла быть зафиксирована в книгах авгуров, но и не только

¹¹² *Dionys.* 7.70.2: “ὕπεσχόμεν ... μυρίοις βεβαίωσεῖν τεκμηρίοις τὴν πρόθεσιν, ἔθῃ καὶ νόμιμα καὶ ἐπιτεδεύματα παλαιὰ παρεχόμενος αὐτῶν, ἃ μέχρι τοῦ κατ’ἐμὲ φυλάττουσι χρόνου οἷα παρὰ τῶν προγόνων ἐδέξαντο” (я пообещал... подтвердить множеством свидетельств [свое] намерение, предоставляя данные об их обычаях, законах и древних установлениях, которые они сохраняют до моего времени и которые они восприняли от предков).

в них. По Ливию (1.55.6) известно, что это знамение толковали и римские и этрусские прорицатели (*vates*). Плиний (N.H. 28.15), который, судя по всему, излагает этот рассказ, следуя за Пизоном, даже называет имя известного этрусского прорицателя – Олен Кален (*Olenus Calenus*) и передает его ответ в прямой речи. Это значит, что знамения, связанные с закладкой Капитолийского храма, несомненно, были частью не только римской, но и этрусской сакральной традиции. Поэтому появление этого эпизода в сочинении Пизона свидетельствует о его интересе к деталям сакрального антикварианизма и о хорошем знакомстве с сакральной традицией. Но это составляло одну часть сочинения Пизона. Другая была представлена иным материалом и отражала иные взгляды и интересы автора.

Несмотря на то что Цицерон, как мы видели, невысоко оценивал язык и стиль сочинения Пизона, он сам и его окружение внимательно читали и хорошо знали содержание “Анналов”. Так, в письме Л. Папирию Пету, где речь идет о том, можно ли называть вещи своими именами, Цицерон напоминает ему его же ссылку на “Летописи” Пизона Фруги, который жалуется, что молодые люди его времени “преданы разврату”¹¹³. Этот отрывок можно рассматривать как первое свидетельство того, что историки начали обращать внимание на моральный упадок юношества, который позже в исторических сочинениях I в. до н.э. превратится в картину морального упадка общества в целом. В сочинении Пизона заметно также изменение восприятия некоторых легендарных эпизодов римской истории. Рассказ о Тарнее – девушке, открывшей ворота римской крепости сабинским воинам, который занял прочное место в исторической традиции уже в сочинениях Фабия и Цинция (*Dionys.* 2.38.3), резко изменил свое звучание в “Анналах” Пизона. Если Фабий и Цинций объясняли ее поступок женской слабостью к украшениям (девушка пошла

¹¹³ Cic. Fam. 9.22.2: «At Piso ille Frugi in Annalibus suis queritur adulescentes “peni deditos” esse».

на предательство, желая получить от воинов их браслеты и кольца, которые они носили на левых запястьях), то Пизон объяснил ее поступок желанием разоружить врага, то есть получить щиты, которые воины крепили на левой руке¹¹⁴. Пизон также поместил в свое сочинение рассказ о Спурии Мелии, который во время голода, обрушившегося на Рим (по Ливию (4.12.6) в 440 г. до н.э.), устроил на свои средства для плебеев бесплатные хлебные раздачи. За это он был обвинен в стремлении к царской власти и убит.

Как и миф о Тарпее, этот эпизод уже был включен в повествование грекоязычными римскими авторами, в частности Цинцием (*Dionys.* 12.4.2). По всей видимости, Пизон в данном случае полностью воспроизвел рассказ в том виде, в каком он присутствовал в сочинении Цинция, включая и версию убийства Мелия. Дионисий, перечисляя все варианты гибели Спурия Мелия, сохранившиеся в сочинениях разных авторов, считает версию Цинция и Кальпурния Пизона наименее достоверной. Эти авторы сообщали, что Мелий был убит Сервилием, который совершил убийство по распоряжению сената как один из членов этого совещательного органа, а не как официальное должностное лицо – пачальник конницы при диктаторе Квинкции, назначенном для разрешения кризисной ситуации. Сам Дионисий (12.4.5) придерживался мнения, что Сервий – убийца Мелия – был частным человеком, а не занимал какой-либо государственный пост. Исследователи, которые анализировали рассказ о Спурии Мелии, пришли к выводу, что это и есть более ранний вариант традиции¹¹⁵. Пизон же, отстаивая неконституционную версию наказания гражданина, виновного в раз-

¹¹⁴ О различных версиях мифа и их источниках см.: Sanders H.A. The Myth about Tarpeia // Roman Historical Sources and Institutions. Ed. H.A. Sanders. N.Y.; L., 1967. P. 5–30.

¹¹⁵ Mommsen Th. Römische Forschungen. B., 1879. Bd. 2. S. 205; Lintott A.W. The Tradition of Violence in the Annals of the Early Roman Republic // Historia. 1970. Bd. 19. P. 14.

жигании смуты, находился, несомненно, под впечатлением событий 133 г. до н.э., связанных с проведением аграрных реформ Тиберия Гракха, которые закончились его убийством. В тот год Пизон был одним из консулов. Перекладывая ответственность за убийство Мелия (образ которого рисовался с Тиберия Гракха) на сенат, Пизон выразил таким способом поддержку реформам Тиберия Гракха¹¹⁶. Но Пизон не мог смириться с тем, что деятельность Тиберия влекла за собой революцию, а потому считал его убийство закономерным и оправданным¹¹⁷. Версия Пизона впоследствии была воспринята Цицероном, который стремился обосновать, что убийство без суда преступных граждан не считается незаконным¹¹⁸.

Таким образом, можно говорить о двух информационных пластах в сочинении Пизона. Один восходил к сакральной традиции, другой был представлен утвердившимися в историографии ко времени автора мифами и легендами, в которых Пизон искал отражение современных ему событий, стирая тем самым дистанцию между прошлым и настоящим.

Крайне мало сведений сохранилось о Веннонии. Цицерон то ставит его в один ряд со скучнейшими историками, то огорчается, что у него нет на руках "Истории" Веннония¹¹⁹. Версия Веннония о том, что 35 триб (римские территориальные округа) существовали уже при Сервии Туллии (середина VI в. до н.э.), упомянута Днионом (4.15.1) в ряду других – Фабия и Катона – но признается им малодостоверной. Иной информации о Веннонии не встречается.

¹¹⁶ Пизон вышел из семьи, которая традиционно была связана с Фульвиями и Клавдиями, которые поддерживали Тиберия Гракха в начале его деятельности (*Earl D.C. Op. cit. P. 293 f*).

¹¹⁷ *Vell. Pat. 2.4.4; Cic. pro Milo 8; de orat. 2.106; Val. Max. 6.2.3; Plut. Ti. Gr. 21.8.*

¹¹⁸ *Cic. Cat. 1.1.3; pro Milo 8.83.*

¹¹⁹ *Cic. De leg. 1.6; Att. 12.3.1: "... moleste fero Vennoni historiam me non habere".*

АННАЛИСТЫ I в. до н.э.

К младшим анналистам в историографии давно утвердилось отрицательное отношение. Этих авторов обычно обвиняют в изобретении большого количества вымышленного материала, особенно о политической истории ранней Римской республики¹²⁰. Они не стеснялись вставлять в анналистическую схему вымышленные детали, которые выросли из смеси патриотизма и желания прославить свою семью¹²¹. Опасность таких изобретений, по мысли исследователей, заключалась в том, что эти авторы сформировали основу сочинений Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, а следовательно, повлияли на наше представление о римской истории того времени¹²². Как отметил Т. Вайзман, Ливию даже ничего не надо было изобретать, так как за него это сделали его предшественники¹²³. Причина такого явления, по мысли Т. Вайзмана, кроется в том, что младшие анналисты следовали правилам риторики, где особое внимание обращалось на *inventio*, под которым следует понимать не столько “изобретение”, сколько “обнаружение” того, что требуется сказать в определенной ситуации. Такой подход к материалу высвобождал инициативу историка, которая реализовывалась в наполнении сочинения речами, стандартными рассказами о посольствах и битвах, примерами морального поведения, то есть всем тем, что

¹²⁰ Один из таких эпизодов – принятие законов Лициния и Секстия – исследован К. фон Фрицем. Автор обращает внимание на большое количество деталей, которые появились у младших анналистов, но отсутствовали у их предшественников (*Fritz K. von Op. cit. P. 3–44*).

¹²¹ *Walsh P.G. Op. cit. P. 31*. М. Грант вообще считает, что младшие анналисты погрязли в фальсификациях (*Grant M. Op. cit. P. 176*).

¹²² Только в первой декаде сочинения Т. Ливия по количеству сносок преобладают младшие анналисты (3.5.13; 4.7.12, 20.8, 23.2; 6.42.5; 8.19.13; 9.5.2, 46.3; 10.9.10, 37.13) против пяти сносок на сочинения Фабия Пиктора и Цизона (2.32.3, 40.11, 58.2; 8.30.9; 10.37.14).

¹²³ *Wiseman T.P. Practice and Theory... P. 388*.

придавало повествованию драматизм и волновало читателей. Т. Вайзман убежден, что историк “находил этот материал в своей голове”, но это изобретение ограничивалось рамками правдоподобия¹²⁴. Однако среди современных исследователей нашлись и такие, которые взяли младших анналистов под свою защиту¹²⁵, предостерегая от преувеличения роли *inventio* как в ораторском убеждении, так и при достижении “эффекта правды” в исторических сочинениях¹²⁶. Чтобы оценить столь противоположные точки зрения, необходимо поближе познакомиться с историками, которых принято называть младшими анналистами.

В эпоху сулланской диктатуры римская историография пополнилась новыми именами. Среди них, прежде всего, следует назвать Гая Лициния Макра и Квинта Элия Туберона. Лициний Макр в 73 г. до н.э. занимал должность народного трибуна. Как политический деятель и историк он был хорошо известен Цицерону, который участвовал в суде над ним за взятки и вымогательства во время исполнения претуры. Судебное преследование закончилось для Макра трагически: в 66 г. до н.э. он покончил с собой (*Plut. Cic.* 9). Запятнанная репутация Макра, по словам Цицерона (*Brut.* 238), подорвала уважение к его дарованию и сказалась на его авторитете адвоката.

Лициний Макр написал историческое сочинение, в котором излагалась римская история от основания Города, и, по крайней мере, до 299 г. до н.э. Этот год не был отмечен никаким заметным событием в истории Рима, поэтому избрание его в качестве рубежной даты повествования, очевидно, объясняется внезапной смертью историка¹²⁷. Одна-

¹²⁴ Ibid. P. 389.

¹²⁵ *Balsdon J.P.V.D.* Op. cit. P. 164.

¹²⁶ *Wheeldon M.J.* “True Stories”: the Reception of Historiography in Antiquity — History as Text. The Writing of Ancient History Ed. A. Cameron. L., 1989. P. 39.

¹²⁷ Д. Флах считает, что Лициний Макр намеревался довести изложение до закона Гортензия 287 г. до н.э., который знаменовал окончание сословной борьбы (*Flach D.* Op. cit. S. 89).

ко, судя по замечаниям Цицерона, эта работа не представляла большого интереса для современников. Цицерон (*De leg.* 1.7) причисляет к недостаткам Макра как историка “излишнюю многоречивость” (*loquacitas*), тогда как при характеристике Макра-оратора он более склонен к похвале¹²⁸. М. Флек убедительно показал, что, кроме этой характеристики, во всем литературном наследии Цицерона вряд ли можно найти какие-либо приметы использования им сочинения Макра¹²⁹. Но трудно согласиться с его утверждением, что Цицерон судил негативно о Макре-историке. В диалоге “Брут”, посвященном ораторскому искусству своих предшественников и современников, Цицерон обратил внимание на одну особенность построения речей у Макра: “Он находил и располагал доказательства с такой удивительной тщательностью, что вряд ли кто превосходил его в этом старании” (*Пер. И.П. Стрельниковой*)¹³⁰. Можно не сомневаться, что методика работы с материалом, которая уделяла особое внимание поиску доказательств, у Макра-оратора была такой же, как у Макра-историка.

Гораздо большее представление об историческом сочинении Лициния Макра можно получить, проанализировав ссылки на него у Тита Ливия. Прежде всего, благодаря Ливию имя Лициния Макра оказалось прочно связанным с “полотняными книгами” — одним из вариантов магистратских списков, которые велись в Риме¹³¹. Впервые Ливий упоминает о полотняных книгах под 444 г. до н.э., когда в Риме вместо консулов были избраны новые магистраты — военные трибуны с консульской властью. Показа-

¹²⁸ *Cic. Brut.* 238: “...non erat abundans, non inops tamen; non valde nitens, non plane horrida oratio” (его язык был не избыточен, но и не скуден; слог — не очень блестящ, но и не совершенно груб).

¹²⁹ *Fleck M. Op. cit.* S. 159. Anm. 516.

¹³⁰ *Cic. Brut.* 238: “...in inveniendis componendisque rebus mira accuratio, ut non facile in ullo diligentiorum maioremque cognoverim...”

¹³¹ Н. Радциг утверждал, что полотняные книги и фасты идут рука об руку, взаимно дополняя и поправляя друг друга (*Радциг Н. Начало римской летописи. Отд. отт. С. 43*).

ния источников оказались запутанными и противоречивыми. Старые книги (*annales prisci*) и списки должностных лиц (*libri magistratuum*), которые упоминает Ливий (4.7.10), называют для данного года военных трибунов с консульской властью, однако договор с жителями Арден, который был возобновлен в том же году, сохранил имена двух консулов. Имена консулов значились и в полотняных книгах за этот год¹³².

Интересно то, что с этими двумя документами связано имя Лициния Макра. Именно он ввел в научный оборот того времени не только полотняные книги, авторитета которых он придерживался неукоснительно¹³³, но и такой документ, как договор с Ардеей. Лициний Макр обосновывает свою точку зрения, апеллируя к документам, которые дополняют друг друга, что как нельзя лучше подтверждает слова Цицерона о тщательности его доказательств. Кроме того, данный случай указывает на стремление Макра руководствоваться первоисточниками. Подобное стремление, по мнению Б. Фрира, объясняется страстным желанием историка отыскать в документах свидетельства, которые смогли бы противостоять антиплебейской атаке на традицию со стороны Клавдия Квадригария¹³⁴.

Примечательно еще одно замечание Ливия, которое проливает свет на методику работы Макра и его отношение к предшественникам. Речь опять идет о неразберихе относительно избранных на 434 г. магистратов. Лициний

¹³² Liv. 4.7.12: "...nomina consulum horum Licinius Macer auctor est et in foedere Ardeatino et in linteis libris ad Monetae inventa" (Лициний Макр пишет, что имена этих консулов значатся в договоре с ардеатами и в полотняных книгах храма Монеты).

¹³³ Liv. 4.20.8: "...magistratum libri, quos linteos, ... Macer Licinius citat identidem auctores..." (книги магистратов, называемые полотняными... их свидетельства постоянно приводит Макр Лициний); Liv. 4.23.3: "Licinio libros haud dubie sequi linteos placet" (Лициний предпочитает уверенно следовать полотняным книгам).

¹³⁴ Frier B.W. Licinius Macer and the consules suffecti of 444 B.C. // TAPhA. 1975. Vol. 105. P. 79-97.

Макр со ссылкой на полотняные книги говорит об избрании консулов, но не проходит он мимо сообщений древних авторов (*scriptores antiqui*) о том, что в том году избирались военные трибуны (*Liv.* 4.23.1–2). Точно так же Лициний Макр передает перипетии избрания консулов на 299 г. до н.э. (*Liv.* 10.9.10). Обращение Ливия в спорных случаях к магистратскому перечню Лициния Макра свидетельствует прежде всего о том, что его сочинение полностью было выдержано в анналистическом жанре, а сам Макр был одним из немногих анналистов, которые занимались архивными разысканиями. Возможно, именно поэтому его работа не представляла большого интереса для широкой читающей публики, как это отметил Цицерон. В отличие от его предшественников Макра больше интересовала собственно история, нежели мифическое прошлое или проблемы современности в обличии древних легенд.

Хорошо известные римской публике эпизоды родной истории в передаче Макра часто отличались в деталях от общепринятых вариантов. Макробий сообщает, что в первой книге исторического сочинения Лициния Макра передана иная версия мифа об Акке Ларенции – женщине, которая завещала все свое имущество римскому народу. Если в общепринятой версии, которую Макробий (*Sat.* 1.10.12–13) передает, не связывая с именем какого-либо автора, Акка Ларенция изображена как проститутка при храме Геркулеса, а время ее жизни приходится на царствование Анка Марция – четвертого римского царя, то у Макра она была женой Фаустула и кормилицей Ромула и Рема (*Macrob.* *Sat.* 1.10.17)¹³⁵. Возможно, именно у Макра эту версию впоследствии позаимствовал Мазурий Сабин (*Gell.* *N.A.* 7.7.8) – юрист первой половины I в. н.э. Судя по всему, здесь мы имеем дело с “облагораживанием” более древних вариантов этого мифа, призванным соответствовать патристическим чувствам римской публики I в. до н.э.

¹³⁵ О различных вариантах этого предания см.: *Radke G.* *Acca Larentia und die fratres Arvales. Ein Stück römisch-sabinischer Frühgeschichte* ANRW. B.: N.Y., 1972. Bd. I. 2. S. 423 f.

На сочинение Лициния Макра во многом походил труд Квинта Элия Туберона, который предположительно заканчивался смертью Цезаря (Suet. Jul. 83.1). Как и Макр, Туберон также пользовался полотняными книгами, тем не менее Ливий (4.23.1–2) отметил единственный случай расхождения их магистратских списков. Круг интересов Туберона был достаточно широким: он писал не только исторические, но и антикварно-правовые сочинения. Поэтому среди исследователей утвердилось представление, что религиозные формулы, военные и гражданские процедуры Ливий воспроизводил по его работам¹³⁶. Традиция связывать публичное право с исторической памятью восходит, по-видимому, еще к Цинцию Алименту и впоследствии становится отличительной чертой анналистической историографии.

Клавдий Квадригарий написал сочинение “Анналы” около 80 г. до н.э. и охватил период от галльского вторжения до современных ему событий гражданских войн, закончившихся установлением диктатуры Суллы. Его работа насчитывала не менее 23 книг¹³⁷. В том, что Клавдий принял за точку отсчета римской истории вторжение галлов, некоторые исследователи видят свидетельство более научного подхода к традиции, чем у его предшественников¹³⁸. Однако отсутствие фрагментов из сочинения Клавдия, относящихся к событиям римской истории более раннего времени, К.Ю. Белох считает чистой случайностью¹³⁹. В то же время Ливий начинает обращаться к его сочинению только при описании войн Рима с галлами. Поэтому столь нетрадиционное для римской историографии начало истории родного города, скорее всего, можно объяснить еще не сложившимся окончательно каноном анналисти-

¹³⁶ Walsh P.G. Op. cit. P. 123.

¹³⁷ Gell. N.A. 10.13.4. Foster B.O. Introduction Livy Trans. by B.O. Foster. Loeb Class. Library. Cambridge: London, 1939. Vol. 1. P. XXX.

¹³⁸ Walsh P.G. Op. cit. P. 120.

¹³⁹ Beloch K.J. Op. cit. S. 104.

ческого историописания. Древнейшая история Рима была передана Клавдием очень сжато. По подсчетам К.Ю. Белоха, на каждую книгу сочинения Клавдия приходится четыре с половиной книги сочинения Ливия¹⁴⁰.

Ливий активно использует сочинение Квадригария, но не всегда соглашается с этим историком. В частности, битва диктатора Камилла с галлами в 367 г. до н.э. произошла не у реки Аннен, как пишет Клавдий, а в Альбанской области (*Liv.* 6.42.5–6), а Кавдинский мир 321 г. до н.э. был скреплен не договором (*foedere*), а только, как утверждает Ливий (9.5.2), клятвенным поручительством (*per sponsionem*). Ливий (10.37.13), например, усомнился в тех сведениях, которые он нашел у Клавдия, о военных предприятиях римлян в Самнии в 294 г. до н.э. В данном случае не суть важно, чья версия является более достоверной – Клавдия или других авторов, к которым обращался Ливий. Важно то, что сохранившиеся фрагменты “Анналов” Квадригария позволяют с уверенностью говорить о том, что автор из года в год, фиксируя смену магистратов, описывал деяния римлян в мирное время и на войне¹⁴¹, то есть о том, что анналистическая форма изложения окончательно закрепилась за определенным направлением в римской историографии. В этом смысле Клавдия можно считать непосредственным предшественником Ливия.

Но не менее важно еще одно обстоятельство, которое заставляло Ливия читать это сочинение, хотя он, как мы

¹⁴⁰ Ibid. S. 105.

¹⁴¹ *Liv.* 10.37.13: “...et huius anni parum constans memoria est. Postumium auctor est Claudius...” (сведения об этом годе тоже плохо между собой согласованы. Клавдий пишет...); *Gell.* N.A. 2.2.13: «posuimus igitur verba ipsa Quadrigarii ex Annali eius sexto transcripta: “Deinde facti consules Ti. Sempronius Gracchus iterum, Q. Fabius Maximus, filius eius, qui priore anno erat consul”» (я цитирую слова Квадригария, переписанные из шестой книги его “Летописи”: “консулами были выбраны Тиберий Семпроний Гракх во второй раз и Квинт Фабий Максим, сын Максима, который был консулом в предыдущем году”).

видели, невысоко оценивал надежность сведений, найденных у Клавдия. Именно у Клавдия Ливий (6.42.5) нашел рассказ о том, что Тит Манлий убил галла, вызвавшего его на единоборство, и сорвал с него ожерелье. Историю поединка Тита Манлия с галлом сохранил Авл Геллий (9.13) в изложении Клавдия Квадригария, что дает нам возможность увидеть те изменения, которые внес Ливий (7.10.1–13) в этот рассказ. У Клавдия галл сражается обнаженным, у Ливия он одет в пестрое платье; у Клавдия Манлий надевает на себя покрытое кровью ожерелье галла, отрубив у трупа голову, Ливий же сохранил только такую деталь, как обрызганное кровью ожерелье. Подобное сопоставление позволяет усмотреть здесь стремление Ливия угодить изысканным вкусам римской публики века Августа, смягчая первоначальные и, возможно, достоверные детали рассказа¹⁴². Но одно осталось неизменным – настроение этого повествования, отразившего доблесть и стойкость духа римского гражданина и воина.

Описание обстоятельств осады Приверна в 330 г. до н.э. Ливий также заимствует у Клавдия: отряд фунданцев, связанных с римлянами правами гражданства, встал на сторону Приверна; разбив отряд, консул решил рассчитаться с фунданцами. Заканчивается рассказ у Клавдия и Ливия по-разному. Клавдий (*Liv.* 8.19.13–14) со свойственной ему прямоотой пишет, что “консул наказал тех, кто верховодил у мятежников: около трехсот шестидесяти заговорщиков он отправил в Рим в цепях, но сенат не согласился видеть в этом безоговорочную сдачу, считая, что фунданцы хотят отделаться казнью низкородных бедняков” (*Пер. Н.В. Брагинской*). Ливий изображает римлян более великодушными к противнику: выяснив, что сами

¹⁴² Источниковедческие вопросы, связанные с этим эпизодом в сочинении Ливия, разбираются в кн.: *Luce T.J.* Livy. The Composition of his History. Princeton Univ. Press., 1977. P. 224 ff. По мнению С. Оэкли, эта история кажется достоверной и имеет глубокие корни в традиции (*Oakley S.P.* Single Combat in the Roman Republic. CQ. 1985. Vol. 35. P. 394).

фунданцы не враждебны римлянам, консул отказался от войны с ними. Свой рассказ Ливий (8.19.13) заканчивает так: "Консул похвалил фунданцев, отправил в Рим донесение об их верности долгу и повернул в сторону Приверна" (Пер. Н.В. Брагинской). То, что передал Клавдий, более согласуется с поведением римского полководца: выполняя свой гражданский долг, он не мог оставить безнаказанным город, породивший мятежников, даже если по-человечески жалел его жителей¹⁴³. Ливий "облагородил" рассказ своего предшественника: полководцы великого народа могут проявить великодушие по отношению к раскаявшемуся противнику.

У Клавдия это не единственный пример честного поведения римлян на войне. Как и его современник Валерий Анциат, Клавдий передает рассказ, сохраненный Авлом Геллием (3.8.5), о том, что некто Никий (у Анциата — это Тимохар из Амбракии), друг царя Пирра, с которым римляне воевали в то время в Италию, подошел к консулу Гаю Фабрицию и предложил за вознаграждение отравить царя. Римляне отказались от услуг предателя. Консулы Гай Фабриций и Квинт Эмиллий отправили Пирру письмо, текст которого приводит Клавдий и полностью воспроизводит Авл Геллий (3.8.8). Смысл его сводится к тому, что римляне будут сражаться с Пирром открыто, как с врагом¹⁴⁴. Позже к этому эпизоду обратился Цицерон (*De off.* 3.86). В его повествовании этот случай является примером того, что победа, достигнутая не доблестью, а преступлением, является

¹⁴³ Также вел себя Сципион Эмилиан во время разрушения Карфагена (*Polyb.* 39.4). См. также: Трухина Н.Н. Указ. соч. С. 130 сл.

¹⁴⁴ Справедливости ради следует сказать, что сочинение Квадригария, по-видимому, изобиловало примерами высокоморального поведения римлян и еще долго питали римскую словесность. Сенека Старший (*de benef.* 3.23.2) со ссылкой на "Аншаты" Клавдия Квадригария рассказывает о том, как два раба во время осады римлянами Грумента спасли свою хозяйку: перейдя на службу к врагу, они обманом вывели ее за ворота города, сохранив тем самым ей жизнь.

великим позором. М. Флек отрицает здесь зависимость Цицерона от Клавдия Квадригария¹⁴⁵, хотя примеры, демонстрирующие в трактате "Об обязанностях" величие духа римского народа, верность традициям и устоям предков, уважение к власти магистратской и отеческой, несомненно, заимствованы из сочинений младших анналистов¹⁴⁶. Возможно, из семейных преданий Фабиев Клавдий извлек рассказ о том, как консул Квинт Фабий Максим приказал спешить своему отцу-проконсулу, так как олицетворял собой власть, полученную от народа. Этот эпизод как нельзя лучше иллюстрировал суровые нравы предков.

Квадригарий имел в древности широкую читательскую аудиторию. Его сочинение читали ритор Антоний Юлиан (*Gell. N.A.* 15.1.1) и философ Фаворин (*Gell. N.A.* 9.13.5) – друзья Авла Геллия. Сам же Авл Геллий (9.14.3) пользовался книгами Клавдия в библиотеке в Тибуре. Возможно, популярность Клавдия была связана с изяществом его слога и особенностями языка, на что часто обращает внимание Авл Геллий¹⁴⁷.

Такие же рассказы, как у Клавдия, встречаются и у Валерия Анциата, который изложил историю Рима от основания Города до смерти Суллы в 75 книгах. Ливий при описании войн заимствует у него цифры потерь римлян и их противников, постоянно упрекая его или в выдумке, или в ошибке¹⁴⁸. Как и перечисленные выше историки, Анциат

¹⁴⁵ Fleck M. Op. cit. S. 214. Anm. 693.

¹⁴⁶ Cic. De off. 3.40, 99–100, 109, 112.

¹⁴⁷ Gell. N.A. 2.19.7–8; 9.13.4–5; 13.29.2; 17.2.1–6.

¹⁴⁸ Liv. 3.5.12–13; 30.19.11: "...quae tanta res est ut aut impudenter ficta sit aut neglegenter praetermissa" (это или бесстыдная выдумка, или ошибка, по небрежности незамеченная) (Пер. М.Е. Сергеевко); 33.10.8: "si Valerio qui credat omnium rerum immodice numerum augenti..." (если верить Валерию, безмерно преувеличивающему все на свете числа...) (Пер. С.А. Иванова). О попытке очистить репутацию Валерия Анциата от обвинений в преднамеренной лжи в отношении количества убитых см.: Phillips J.E. Current Research in Livy's First Decade: 1959–1979. ANRW. B.; N.Y., 1982. Bd. 30.2. P. 1026 со ссылкой на литературу.

обращает внимание на религиозное оформление всех политических мероприятий в Риме¹⁴⁹.

Авторы более позднего времени постоянно отмечают отличие версий, предлагаемых Анциатом, от тех, которые встречаются в произведениях его предшественников. По всей видимости, это относилось ко всем без исключения периодам римской истории — от легендарного прошлого до близких по времени Анциату событий¹⁵⁰. Создается впечатление, что Анциат задался целью написать совсем другую историю Рима. Это предположение не выглядит невероятным, если посмотреть на такое сочинение, как *De viris illustribus urbis Romae* ("О знаменитых римлянах"), авторство которого считается анонимным или приписывается Сексту Аврелию Виктору¹⁵¹. Это сочинение не является самостоятельным произведением, но представляет собой краткий пересказ более древней книги. В передаче древнейшей истории Рима анонимный автор существенно от-

¹⁴⁹ *Gell. N.A.* 1.7.10: "...si eae res divinae factae recteque perlatae essent, haruspices dixerunt omnia ex sententia processurum esse" (Валерий Анциат писал в своей 24-й книге: "Если эти религиозные обряды будут исполнены и знамения будут полностью благоприятными, гаруспики объявили, что все будет проходить в соответствии с их предсказанием").

¹⁵⁰ Согласно Анциату, Акка Ларенция в завещании сделала своим наследником царя Ромула, а не весь римский народ (*Gell. N.A.* 7.7.6). Иначе Анциат рассказывает о конфликте Л. Сципиона Азиатского с народным трибуном Г. Минуцием Авгуринном. По словам Авла Геллия (6.19.8), его рассказ противоречил свидетельству трибунских декретов и древних annalov ("...contra hanc decretorum memoriam contraque auctoritates veterum annalium"). Анциат высказал противоположное всем другим авторам мнение о характере Сципиона Африканского (*Gell. N.A.* 7.8.6).

¹⁵¹ Это сочинение входило в состав "корпуса" наряду с *Origo gentis Romanae* ("Пронхождение римского народа") и *Historiae Caesares* ("История Цезарей") Аврелия Виктора. Корпус был составлен около 360 г. н.э. (*Momigliano A. Some Observations on the "Origo Gentis Romanae". P. 63*).

личается от ливианской традиции: из истории ранней Республики выпал Валерий Попликола как создатель политических свобод; Цезон Квинкий ушел из Рима и присоединился к его врагам (17.1); Кориолан занимал консульскую должность (19.2); Лициний Столон назван первым плебейским консулом вместо Секстия Латерана (20.2).

Подобные отклонения от официальной версии римской республиканской истории позволяют предположить, что источник анонимного автора был независим от ливианской традиции. Этот источник практически не поддается определению, но он дает возможность представить, как могла выглядеть “неливиева” или даже “доливиева” традиция. Нет ничего удивительного, что источник анонимного автора IV в. н.э. мог воспроизводить тот вариант римской исторической традиции, который восходил к Валерию Анциату.

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СОЧИНЕНИЙ МЛАДШИХ АННАЛИСТОВ

В отличие от анналистов II в. до н.э. Валерия Анциата и Клавдия Квадригария нельзя причислить к “сенаторским” историкам. Но тот факт, что они не принадлежали к правящему сословию, не означает отсутствие у них социальной позиции. В противном случае их сочинения не были бы востребованы римской публикой. Вероятно, что Анциат и Квадригарий находились под покровительством лиц, обладавших политической властью. Например, Анциат, как считал Фр. Мюнцер, был клиентом Л. Валерия Флакка, консула 100 г., цензора 97 г., принцепса сената в 80-х годах до н.э. и интеррекса 82 г. для передачи Сулле власти диктатора¹⁵². Влиятельный патрон открыл ему доступ к сенатским и понтификальным записям. Установлено, что Анциат использовал в качестве своих источников по-

¹⁵² Эти сведения Фр. Мюнцера учтены в энциклопедической статье: *Volkman. Valerius Antias*. № 98 . PWRE. Stuttgart, 1948. Bd. 7A. Hlb. 14. S. 2319.

становления сената и другие архивные документы¹⁵³, что не могло не сказаться на более подробном у него освещении времени от установления республики до современных Анциату событий.

Современные исследователи, которые настаивают на том, что младшие анналисты недобросовестно освещали события римской истории, в поддержку своих взглядов указывают на увеличение объема сочинений этих авторов по сравнению с их предшественниками. Однако увеличение объема сочинений отмечается уже у историков второй половины II в. до н.э., причем от многословия больше всего пострадала история первых двух веков существования республики¹⁵⁴. Если Пизон написал "Анналы" в семи книгах, а период от 500 до 300 г. до н.э. он уложил в две книги, то его современник Гней Геллий оставил "Летопись" от основания Города, состоявшую из 20¹⁵⁵ или даже из 30 книг¹⁵⁶. Но особенно нападают исследователи на Валерия Анциата. Их утверждение о том, что 75 книг, написанных Анциатом, явились плодом его чрезмерного увлечения риторикой, приведшего к перенасыщению сочинения вымышленными речами, стало уже общим местом в историографии. Свой отпечаток на исторических повествованиях младших анналистов также оставили современные им политические бури. Борьба внутри сенаторского сословия сказалась на предвзятом изображении некоторых аристократических родов в исторической традиции, что сопровождалось появлением заведомо вымышленных эпизодов, порочивших их представителей. Так сложилась традиция, направленная против рода Клавдиев, создателем которой называют то

¹⁵³ *Drews R.* Pontiffs, Prodigies, and the Disappearance of the Annales Maximi / Cl. Ph. 1988. Vol. 83(4). P. 294 со ссылкой на историографию.

¹⁵⁴ *Frank T.* Roman Historiography before Caesar The American Historical Review. 1927. Vol. 32 (2). P. 234.

¹⁵⁵ *Ibid.*

¹⁵⁶ *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей Пер. с нем. М., 2001. Т. 2. С. 47.

Валерия Анциата¹⁵⁷, то Лициния Макра¹⁵⁸. Политические амбиции многих родов, оказавшихся во власти относительно недавно, породили вымышленных предков – консулов и триумфаторов, наполнив, по словам Цицерона¹⁵⁹, древнейшую историю Рима ошибками, а консульские фасты – вымышленными именами¹⁶⁰. Постараемся оценить приведенные выше аргументы историографии.

С самого начала речи были неотъемлемой частью античной историографии. Греческие историки с их помощью выражали свои политические взгляды и пристрастия. В Риме государственные деятели рано начали записывать свои речи. Первой записанной речью была речь Анния Клавдия Цека, произнесенная в 279 г. до н.э. в сенате против заключения мира с Пирром. По свидетельству Цицерона (*Brut.* 62), она хранилась в семейных архивах. Записанные речи при необходимости распространялись в обществе. Так поступал

¹⁵⁷ *Wiseman T.P.* Practice and Theory... P. 389. Правда, историк считает, что отрицательное отношение к Клавдиям уже существовало у предшественников Анциата, которым *казалось*, что позиция древних Клавдиев не могла быть иной.

¹⁵⁸ *Mommsen Th.* Römische Forschungen. B., 1864. Bd. 1. S. 315. Особняком стоит точка зрения А. Альфельди, который возлагает ответственность на Фабия Пиктора (*Alföldi A.* Emotion und Haß bei Fabius Pictor – Antidoron Salin. Tübingen, 1962. S. 128; *Idem.* Early Rome... P. 164).

¹⁵⁹ *Cic. Brut.* 62: "...quamquam his laudationibus historia rerum nostrarum est facta mendosior... falsi triumphi, plures consulatus..." (из-за этих похвальных слов даже наша история полна ошибок... вымышленные триумфы, многочисленные консульства...).

¹⁶⁰ О недостоверности консульских фаст до галльского вторжения говорил Г. Зигварт (*Sigwart G.* Die römische Königszeit und die Fasten des 5. Jahrhunderts v. Chr. Klio. 1915. Bd. 14. S. 259). Интерполяцию консульских фаст V в. до н.э. отстаивает А. Гуарини (*Guarino A.* La formazione della "Respublica" romana *Revue Internationale des Droits de l'antiquite.* 1948. Vol. 1. P. 101). Для Р. Вернера достоверные консульские пары начинаются только с 470 г. до н.э. (*Werner R.* Der Beginn der römischen Republic. München, 1963. S. 290-291).

со своими речами Цицерон¹⁶¹, а иногда он обращался к друзьям с просьбой прислать необходимые ему для работы речи, произнесенные другими¹⁶². Катон Старший, как мы видели, включил свои речи в собственное историческое сочинение. Анналист Фанний приводит в своей “Летописи” речь Квинта Метелла, произнесенную против Тиберия Гракха (*Cic. Brut.* 81). Уже сам факт существования таких речей ограничивал фантазию историков, составлявших речи для героев своего повествования. Альфред Клотц, например, исследует случаи использования Клавдием Квадригарием речей Катона как исторического источника¹⁶³.

Обращаясь к тем случаям, когда речь исторического персонажа дошла до нас в передаче историка и одновременно в эпиграфическом тексте, дающем возможность сравнить оба варианта, Г.С. Кнабе определил принципы построения речей в сочинениях римских авторов: историк развивает положения исходного материала и перерабатывает стиль источника в соответствии со своими литературно-эстетическими установками¹⁶⁴. Сочинение Ливия демонстрирует нам, как с помощью речей историк пытался “проникнуть внутрь” своих героев и дать их психологический портрет¹⁶⁵. Поэтому вряд ли можно определить, чего в этих

¹⁶¹ *Cic. Att.* 4.2.2. Цицерон сделал достоянием юношей речь, произнесенную перед понтификами, о возвращении своего дома.

¹⁶² *Cic. Att.* 6.3.10. В этом письме Цицерон просит Аттика прислать ему речь Квинта Целера против Марка Сервилия, обвиненного в вымогательстве.

¹⁶³ *Klotz A. Livius und seine Vorgänger.* Amsterdam, 1964. S. 35, 54, 76, 291.

¹⁶⁴ Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания Города / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1993. Т. 3. С. 602.

¹⁶⁵ На эту особенность речей Ливия обратил внимание Квинтилиан: его речи красноречивы и удивительным образом приспособлены как к обстоятельствам, так и к говорящему. *Quint. Inst. orat.* 10.1.101: “...adfectus quidem, praecipueque eos qui sunt dulciores, ut parcissime dicam, nemo historicorum commendavit magis” (что каса-

речах больше: авторского вымысла или документального материала. Но говорить о наполнении исторических сочинений многочисленными вымышленными речами уже не приходится. К тому же Цицерон отмечал, что речи, произнесенные на Форуме, отличались по стилю от речей, вставленных в исторические сочинения: первым была свойственна острота и сила слова¹⁶⁶.

В семьях римской аристократии издревле существовал обычай сохранять память о достижениях своих предков, на чем основывалась их претензия на власть (*Polyb.* 6.54). Реальная политическая борьба формировала пристрастное отношение к некоторым родам, которое потом выплескивалось на страницы исторических сочинений. Действительно, больше других пострадал род Клавдиев, который, по замечанию Т. Моммзена, изображался как "самый заносчивый и жестокий"¹⁶⁷. Причем жестокость Клавдиев всегда контрастировала с мягкостью и уступчивостью их политических соперников. Например, Аппий Клавдий Цек, в изложении Ливия, выставлен в более непривлекательном свете по сравнению с Квинтом Фабием Максимом, к чему, несомненно, приложил руку Фабий Пиктор¹⁶⁸. Кроме того, Фабии одни из первых среди римских патрициев начали заключать браки с плебеями, причем именно с Лициниями (*Liv.* 6.34.5), а значит, их негативное отношение к Клавдиям могло переключаться в работу Лициния Макра. Все это дает основание предположить, что неприязненное

ется эмоций, особенно наиболее приятных из них, я могу утверждать, говоря, что ни один историк не описывал их с большим совершенством). См. также: *Walsh P.G.* Op. cit. P. 220 f.

¹⁶⁶ *Cic. Orat.* 66: "...interponuntur etiam contiones et hortationes, sed in his tracta quaedam et fluens expetitur, non haec contorta et acris oratio" (даже вставляются речи перед народом и перед солдатами, но в этих речах стремятся к непрерывности и плавности, а не к остроте и силе. Пер. М.Л. Гаспарова).

¹⁶⁷ *Mommsen Th.* Römische Forschungen. B., 1864. Bd. 1. S. 287.

¹⁶⁸ *Liv.* 9.42.2; 10.15.12; 10.26.6; *Alföldi A.* Emotion und Haß... S. 128; *Alföldi A.* Early Rome... P. 164; *Ferenczy E.* From the Patrician State to the Patricio-plebeian State. Budapest, 1976. P. 124.

отношение к Клавдиям уже сложилось в традиции ко времени младших анналистов и, вероятно, вовсе не было ложью.

Полибий (1.52.2) упрекает консула 249 г. до н.э. Публия Клавдия в "легкомысленном и безрассудном поведении", что привело к гибели римского флота в сражении с карфагенянами при Дрепане во время I Пунической войны. Безрассудность его поведения сказалась в святотатстве: он отказался принять во внимание плохие результаты ауспий перед сражением, продемонстрировав тем самым пренебрежение к божественному знамению (Suet. Tib. 2). Можно с уверенностью говорить о том, что "плохой" характер Клавдиев был наследственной чертой. Другой семейной чертой Клавдиев было их невоенное настроение. Этот факт подтверждается фастами, начиная со времени ранней Республики. За первые 50 лет существования Республики представители рода Клавдиев только трижды достигали консульской должности¹⁶⁹. До начала III в. до н.э. Клавдии еще дважды появились среди магистратов: в 424 г.¹⁷⁰ и в 397 г.¹⁷¹ Впоследствии ситуация изменилась к лучшему: ко времени императора Тиберия Клавдии были обладателями уже 28 консульств, прославились в шести триумфах и двух орациях (Suet. Tib. 1.2). Но за ними прочно утвердилась слава самого скандального рода¹⁷².

¹⁶⁹ А. Швеглер доказал, что консул 471 г. и одноименный децемвир — не отец и сын, но одно и то же лицо (Schwegler A. Römische Geschichte. Tübingen, 1856. Bd. 2. S. 569 f). Его вывод воспринял В. Илль (Ille W. Römische Geschichte. Leipzig, 1893. Bd. 1. S. 185). Тем самым количество консулатов Клавдиев сокращается с трех до двух.

¹⁷⁰ Liv. 4.35.4: Аппий Клавдий Красс занял должность военного трибуна с консульской властью.

¹⁷¹ Liv. 8.15.5: Клавдий Гортатор стал начальником конницы.

¹⁷² Suet. Tib. 2.4: "...ut ne capitis quidem quisquam reus apud populum mutare vestem aut deprecari sustinuerit; nonnulli in altercatione et iurgio tribunos plebi pulsaverint" (...даже под уголовным обвинением никто из них не унижался до того, чтобы облечься в траур и просить граждан о снисхождении; некоторые в перебранках и распрях наносили побои даже народным трибунам) (Пер. М.Л. Гаспарова).

Эти примеры помогают нам осознать, что не все рассказы о Клавдиях были фальсификацией, по большей части они не были созданы младшими анналистами, в частности Валерием Анциатом. Примечательно и то, что некоторые эпизоды из сочинения Валерия Анциата, которые могли бы восприниматься как баснословные, восходят к его предшественникам – Кассию Гемине и Пизону¹⁷³. Все это должно освободить Валерия Анциата и младших анналистов от огульных обвинений в фабрикациях фальшивок. На самом деле эти историки имели очень ограниченные возможности сочинять небылицы о прошлом Рима и сдобривать их пустыми упражнениями в риторике.

Плоды развития римской историографии стали ощутимы уже к началу I в. до н.э. В авторитетных работах Фабия Пиктора, Катона, Кальпурния Пизона были определены основные сюжеты традиционного повествования, которые жестко ограничивали возможности желающих пофантазировать. Основные вехи ранней римской истории хорошо были известны Цицерону (*De rep.* 1.62): изгнание Тарквиния, возмущение народа, появление консулов, введение провокации, уход плебса из Рима. Поэтому любое отклонение от традиционного варианта сразу же отмечалось¹⁷⁴. Образованная римская публика всегда могла отличить псевдонизию от той, что всеми признавалась как реальная история. Но историческое прошлое Рима в республиканскую эпоху не было предметом только академического интереса.

Помимо исторических сочинений существовали и другие каналы передачи традиционной информации. Одним из них была сцена. Темы из римской истории особенно были популярны во время сценических представлений (*ludi*

¹⁷³ Рассказ о находке у подножия Яникула могилы царя Нумы Помпилия и ящика с его книгами Ливий (40.29.8) и Плутарх (*Numa* 22) передают со ссылкой на Валерия Анциата, а Плиний (*N.H.* 13.14–87) перечисляет свои источники в хронологической последовательности – Кассий Гемин, Пизон, Анциат.

¹⁷⁴ *Liv.* 22.7.2–3: о числе убитых при Тразименском озере.

scaenici). Излюбленной формой сценических представлений у римского народа были сатуры – одноактные пьесы, главными действующими лицами которых были странствующие герон. Т. Вайзман обратил внимание на то, что сатуровские сюжеты совпадают с рассказами об основании итальянских городов¹⁷⁵. Выше уже отмечалось, что почти все “исторические” легенды итальянских городов были греческого происхождения. Именно на них ориентировались Фабий Пиктор и Катон. Список итальянских городов, основанных греками, и героев, чьи имена связаны с их основанием, встречается у Овидия (*Fast.* 4.65–80).

Популярными в сатурах были также темы из римской истории. Отголоски таких тем встречаются у Ливия: сравнение царского дома Тарквиниев с другими домами, явившими пример злодеяния, навеяно воспоминаниями о греческих трагедиях об Эдипе и Агамемноне¹⁷⁶. Атмосфера драматизма окутывает, в передаче Плутарха (*Rom.* 8), сцену разоблачения Амулия и чудесного превращения Ромула и Рема из пастухов в царственных юношей, которая, кажется, сошла с театральных подмостков и попала в сочинения Диокла и Фабия Пиктора. Версию легенды о Ромуле в передаче этих авторов Плутарх (*Rom.* 8) называет сценической (*δραματικόν*) и вымышленной (*πλάσματῶδες*). Ф. Уолбенк со ссылкой на Г. Де Санктиса отводит важную роль в оформлении этой версии легенды о Ромуле пьесе Софокла “Тиро” и ставит Фабия Пиктора в ряд с Филином – историком, чья работа является примером “трагического” направления в греческой историографии¹⁷⁷.

Сказочное в сатурах переплеталось с комическим. Рассказ о том, как римские воины во время осады Вей по-

¹⁷⁵ Wiseman T.P. *Satyr in Rome? The Background to Horace's Ars Poetica* // JRS. 1988. Vol. 78. P. 6.

¹⁷⁶ Liv. 1.46.3: “...tulit enim et Romana regia **sceleris tragici exemplum**...” (так и римский царский дом, подобно другим, явил пример **достойного трагедии злодеяния**...).

¹⁷⁷ Walbank F.W. *Op. cit.* P. 12.

хитили у вейентского царя внутренности жертвенного животного, отняв тем самым у него надежду на победу, по словам Ливия, достоин сценического переложения¹⁷⁸. В сатурах прославлялись священные места, связанные с почитанием богов, в честь которых проводились драматические представления. Овидий (*Fast.* 4.326–27), например, говорит о театральном празднестве в честь Матери Богов, а любой рассказ из шестой книги его “Фаст” мог бы стать сатирическим спектаклем на празднике Флоралий или Мегализийских играх¹⁷⁹. Во время сценических представлений не только разыгрывались традиционные легенды и предания, но и оказывалось влияние на их содержание – хорошо известные сюжеты наполнялись театрализованными приемами. Между сценой и историческими сочинениями существовал постоянный “обмен информацией”, из которой складывалась римская историческая традиция – сумма фактов, в которые **верили** поколения римских граждан¹⁸⁰.

Но существовал еще один – общий для всех слоев римского общества – канал передачи традиционной информации. В воспитании римского гражданина и формировании его взглядов Цицерон отдавал должное следующим людям – родителям, кормилице, учителю и поэту. Не последняя роль в этом процессе отводилась сцене¹⁸¹, где закреплялись те знания, которые будущий гражданин в прямом смысле впитывал с молоком матери, а чаще – кор-

¹⁷⁸ *Liv.* 5.21.9: “...haec ad ostentationem scenae gaudentis miraculis aptiora quam ad fidem neque adfirmare neque refellere est operae pretium” (зачем подтверждать или опровергать то, чему место скорее на охочих до чудес театральных подмостках, чем в достоверной истории. *Пер. С.А. Иванова*).

¹⁷⁹ *Wiseman T.P.* *Satyr in Rom?* P. 11.

¹⁸⁰ Так определяет римскую историческую традицию Т. Корнелл (*Cornell T.J.* *The Formation of the Historical Tradition of Early Rome Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing* Ed. I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman. Cambridge, 1986. P. 83).

¹⁸¹ *Cic.* *De leg.* 1.47: “nam sensus nostros non parens, non nutrix, non magister, non poeta, non scena depravat...”

милиции. По-видимому, с детства ребенок слышал рассказы о доблестных мужах и их подвигах во славу Рима, о памятных местах, связанных с именами героев. Это значит, что римская историческая традиция становилась достоянием всех римских граждан, что заметно затрудняло появление вымышленных рассказов, которые часто приписываются младшим анналистам. Устная передача знаний последующим поколениям является обычным способом сохранения сведений об отдаленном прошлом. Конечно, такой традиции не хватало точности, свойственной официальным документам, но также было бы ошибочным предполагать ее заведомую ложность¹⁸².

Цицерон дает нам возможность представить, как автор отбирал материал для своих сочинений. 1 июля 54 г. до н.э. он пишет письмо своему другу Аттику, из которого явствует, что оратор работает над диалогом "О государстве". Прежде всего ему необходимо определить круг собеседников. Аттик рекомендует ему включить в число участников беседы Марка Теренция Варрона, но Цицерон сомневается в целесообразности этого. Довод приводится следующий: "...невозможно, чтобы рассуждающие упоминали о ком-либо, кроме тех, кто был **известен** им или о ком они **слыхали**"¹⁸³. Совершенно очевидно, что фантазия автора сочинения заведомо ограничена тем, что хорошо известно и ему самому и его потенциальному читателю, а значит, любой вымысел сразу же бросался в глаза. Конечно, анналисты могли искажать материал, с которым они работали, за счет сознательного отбора сведений, расставления акцентов, приписывания своим героям мотивов их поведения. Все это меняло тональность повествования, но не имело ничего общего с сочинением заведомо ложных эпизодов¹⁸⁴.

¹⁸² О значении устной традиции см.: *Laistner M.L.W.* Op. cit. P. 27 f.

¹⁸³ *Cic. Att.* 4.16.2: "...non potuit mentio fieri cuiusquam ab iis, qui disputant, nisi eius, qui illis **notus aut auditus esset**..."

¹⁸⁴ Дж. Бальсдон справедливо считает, что нельзя говорить о "явных изобретениях анналистов" (*Balsdon J.P.V.D.* Op. cit. P. 164).

Но если отпадает ложь как причина увеличения объема сочинений младших анналистов, то чем можно объяснить подобный факт? Это безусловно связано с появлением новых источников информации. Публикация в последней трети II в. до н.э. понтификальной хроники дала Валерию Анциату и Клавдию Квадригарию хороший исторический материал для работы, который недостаточно использовали историки более раннего времени¹⁸⁵. Этот материал подталкивал анналистов сулланской эпохи к размышлениям о происхождении политических институтов или о значении сакральных формул. Однако реликты прошлого были сложны для понимания, а анналисты I в. до н.э. не имели четкого представления, насколько отличался Рим Ромула от столицы средиземноморской державы. Поэтому несознательные искажения были неизбежны, но и у них мало общего с сознательно сфабрикованными фальшивками. Новые источники информации привели к развитию той части повествования, которая пролегла между мифическим прошлым и современностью, являясь историей в собственном смысле этого слова, и была представлена у предшествующих поколений историков в зачаточной форме. При этом акцент делался на реконструкцию внутренней истории Рима, особенно тех ее проблем, которые казались сходными с проблемами конца II—I вв. до н.э.

I в. до н.э. предъявлял к историческим сочинениям новые стилистические и идеологические требования. Историки считали своим долгом создать стройный рассказ о росте могущества римского государства, понятный их

¹⁸⁵ П. Уолш, например, считает, что работа Анциата имела цену для Ливия главным образом как легко доступная компиляция жреческих и сенатских записей (Walsh P.G. Op. cit. P. 121). Этот же исследователь отмечает, что Клавдий Квадригарий и Валерий Анциат подробно описывали вопросы, которые особенно интересовали римскую аудиторию, например, дебаты в сенате (Walsh P.G. *Livy and the Aims of "historia": An Analysis of the Third Decade ANRW*. 1982. Bd. 30.2. P. 1065).

читателям. Разрозненные факты необходимо было связать в стройное повествование, создав порядок и последовательность там, где этого не существовало и не могло быть. Исходный материал “надстраивался” повествовательной суперструктурой. Новая задача, которая стояла перед младшими анналистами, – создание образа римского народа, – становится основой энического повествования, а стилистические средства ее осуществления – пышность и торжественность повествования, включая сильное влияние риторики, существенно увеличивали объем их сочинений.

“АННАЛЫ” ИЛИ “ИСТОРИЯ”: ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ РИМСКИХ АВТОРОВ

С анналистической историографией связана еще одна проблема – возможного названия сочинений. Эта проблема распространяется и на работы римских авторов, писавших по-гречески. Диодор (7.5.4) предлагает назвать сочинение Фабия Пиктора как *Ῥωμαίων πράξεις*, а Дионисий Галикарнасский (7.71.1) как *Ῥωμαϊκά*. Д. Тимпе отметил, что первое название больше подходит к произведению, ориентированному на современную историю, а второе – к произведению, состоящему из этнографических и географических очерков¹⁸⁶. В отличие от греческих авторов Цицерон, Плиний Старший и Авл Геллий называют работу Пиктора анналами¹⁸⁷. Такое же разнообразие названий встречается и при упоминании работы Постумия Альбина. Уже отмечалось, что Полибий называл ее прагматической историей. Цицерон также назвал сочинение Альбина истори-

¹⁸⁶ *Timpe D. Op. cit. S. 940. Anm. 32.*

¹⁸⁷ *Cic. De div. 1.43: “...in nostri Fabi Pictoris annalibus”* (в анналах нашего Фабия Пиктора); *Plin. N.H. 10.71: “...tradit et Fabius Pictor in annalibus suis...”* (Фабий Пиктор рассказывает в своих анналах); *Gell. N.A. 5.4.3: “...ibi expositi erant Fabii annales...”* (там имелись анналы Фабия...).

ей¹⁸⁸. Макробий же прилагает к сочинению Альбина различные термины. Он то называет его *res Romanae*, что перекликается с тем, как назвал сочинение Фабия Диодор¹⁸⁹, то аттестует его как анналы¹⁹⁰. Все эти варианты, встречающиеся у поздних авторов, которые могли бы претендовать на названия сочинений грекоязычных римских историков, лишь отчасти дают представление о жанре их сочинений.

Такое же разнообразие терминов наблюдается при обозначении сочинений латиноязычных историков. Произведения историков, обычно относящихся к числу анналистов, авторы более позднего времени, которые часто приводят из них цитаты или просто ссылаются на какие-либо извлеченные оттуда сведения, называют то анналами, то историей. Можно ли увидеть в этом какую-либо закономерность или здесь следует говорить о взаимозаменяемости понятий “анналы” и “история”¹⁹¹?

Сочинение Кассия Геминия Авл Геллий (N.A. 17.21.3) называет анналами, когда заимствует из него сведения, относящиеся ко времени задолго до основания Рима, при этом он даже указывает номер книги. Макробий (Sat. 1.16.21) ссылается на вторую книгу “историй” (*historiarum*) Кассия, когда извлекает оттуда информацию о благоприятных и неблагоприятных днях. В таком же значении он прилагает термин “истории” (*historiae*) к сочинению Лициния Макра (Macrob. Sat. 1.10.17), у которого он заимствует представление об Акке Ларенции. Цицерон (Brut. 106)

¹⁸⁸ Cic. Brut. 81; Acad. Prior. 2.137: “...legi... A. Albinum... doctum sane hominem ut indicat ipsius historia scripta graece... (я прочитал, что Авл Альбин был очень образованным человеком как показывает его история, написанная по-гречески...)”.

¹⁸⁹ Macrob. Sat. I. Praef. 14: “...is Albinus res Romanas oratione Graeca scriptavit” (этот Альбин описал римскую историю по-гречески).

¹⁹⁰ Macrob. Sat. 3.20.5: “...et Postumius Albinus Annali primo...” (Постумий Альбин в первой книге “Анналов”).

¹⁹¹ Такого представления придерживается Г. Вербрюгге (Verbrugge G.P. On the Meaning of Annales... P. 218).

употребляет термин “анналы” (*annales*) применительно к сочинению Пизона как название его произведения; точно так же Варрон (L.L. 5.149) называет сочинение Пизона, где он нашел одну из версий рассказа о Меттии Курции и его подвиге. Сочинение Клавдия Квадригария Сенека (De benef. 3.32.2) и Авл Геллий (N.A. 2.2.13) называют анналами с указанием книг, к которым они обращаются. Но у Геллия встречается обозначение сочинения Клавдия как истории¹⁹². Подобное разночтение в названии сочинения у одного автора – Авла Геллия – также встречается применительно к Валерию Анциату. Геллий называет его сочинение анналами с указанием книги, когда речь идет об отдаленных во времени событиях. Совсем иная ситуация, когда Геллий работает с той частью сочинения Анциата, в которой изображаются современные автору события¹⁹³. Но, заимствуя из произведения Анциата рассказ о Пирре, Геллий ссылается на его труд просто как на сочинение по истории без указания номера книги¹⁹⁴.

Еще более мы убеждаемся в сознательном употреблении терминов “анналы” и “история”, обращаясь к Цицерону. В диалогах, посвященных ораторскому искусству, Цицерон трижды упоминает сочинение Гая Фанния, которого также принято относить к числу писателей-анналистов¹⁹⁵. Когда Цицерон хочет озаглавить его сочинение, он использует для этого термин “анналы”¹⁹⁶. Но когда Цице-

¹⁹² Gell. N.A. 3.8. praef.: “...a Q. Claudio scriptore historiarum...” (Квинтом Клавдием, автором историй...).

¹⁹³ Gell. N.A. 6.9.17: “Valerius Antias in libro **historiarum** LXXV...” (Валерий Анциат в 75-й книге своей “Истории”).

¹⁹⁴ Gell. N.A. 3.8.4: “...in Valeri Antiatidis **historia** scriptum est” (в историческом сочинении Валерия Анциата написано).

¹⁹⁵ Гай Фанний был сподвижником Сципиона Эмилиана и зятем Гая Лелия Мудрого (Cic. Att. 4.16.2; Q. fr. 3.5.1).

¹⁹⁶ Cic. De orat. 2.270: “...Fannius in annalibus suis Africanum... dicit fuisse egregium...” (...Фанний в своих “Анналах” говорит, что Африкан... был мастером насмешек...); Cic. Brut. 81: “...in C. Fanni annalibus...” (...Г. Фанний в “Анналах”...).

рон хочет упомянуть Фанния только как автора исторического сочинения, он использует термин *historia*¹⁹⁷. Таким образом, подобное словоупотребление позволяет нам сделать ряд выводов. Термины *annales* и *historia* использовались строго дифференцированно. Термин *annales*, который мы переводим как “анналы” или “летопись”, как правило, выполняет роль названия произведений. Обычно этот термин употребляется в сочетании с номером книги сочинения. Позднеримские авторы называют сочинение анналами, когда речь идет о зафиксированных в них событиях древности. Термин “история” применительно к произведению употребляется либо в единственном, либо во множественном числе¹⁹⁸. В последнем случае он также сопровождается указанием номера книги и может рассматриваться либо как обозначение тех разделов сочинения, где речь идет о современной автору истории, либо как “собрание историй”, из которых в сущности и состояло сочинение историка-анналиста. Только в подобном контексте можно говорить о взаимозаменяемости обоих терминов – *annales* и *historia*. Наконец, *historia* в единственном числе использовалась исключительно при упоминании труда исторического содержания того или иного автора.

РАЗВИТИЕ АННАЛИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Подведем итоги. Целесообразнее делить историков Рима не по хронологическому признаку на три поколения, а, исходя из содержания их сочинений и той хронологической системы, которой они пользовались, распределить их на две группы – грекоязычных и латиноязычных авторов. Историческая традиция, которую принято называть анналистической, прошла долгий путь развития. Первые римские историки, писавшие по-гречески, ориентировались на

¹⁹⁷ Cic. Brut. 299: “...ut ait in *historia* sua C. Fannius...” (...как говорит Фанний в своем историческом сочинении...).

¹⁹⁸ См. выделенные места в приведенных выше списках.

образцы греческой хореографической литературы, но добавляли к хорошо разработанным в ней сюжетам заметки антикварного содержания: о древнейших римских обычаях, культах и институтах. Использование ими хронологической системы, основанной на счете лет по Олимпиадам, не дает оснований относить их сочинения к анналистическому жанру.

Как мы уже видели, термин *annales* применялся к сочинениям, которые воссоздавали историю Рима, но лишь отчасти он может быть заменен термином *historia*. Первоначально анналы еще не имели установленной формы, которая включала бы информацию по истории Рима, распределенную во времени в соответствии с консульскими парами. Такая форма сложилась относительно поздно, не ранее последней трети II в. до н.э. под воздействием введения в широкий оборот понтификальных таблиц, которые в то время были оформлены в виде анналов понтификов. Первым автором, который выдержал анналистическую форму повествования в полном объеме, был Л. Кальпурний Пизон. Распределение исторических событий по консульским парам сопровождалось в его сочинении изложением истории Рима от основания Города. I в. до н.э. ушел на отшлифовку этой формы, в пределах которой еще могли допускаться отклонения.

Следы существования различных способов летосчисления, которыми пользовались римские анналисты, встречаются и в сочинении Тита Ливия. Иногда при описании войн у Ливия (6.2.13) появляется датировка по годам военных кампаний, к которой, как мы видели, прибегал уже Фабий Пиктор. Но особый интерес представляет тот случай, когда Ливий, называя год вступления в должность очередной консульской пары, приводит разные способы датировки этого события: от основания Рима, от изгнания галлов из Города, от получения плебеями доступа к консулату¹⁹⁹. В данном случае Ливий перечислил хорошо из-

¹⁹⁹ Liv. 7.18.1: "...anno quam urbs Romana condita erat,...quam a Gallis recuperata,...annum a plebe consulatu..."

вестные каждому римлянину события, относительно которых можно было выстроить хронологию римской истории. Вряд ли стоит сомневаться в том, что все эти различные и очень древние системы датировок Ливий обнаружил в своих источниках и пожелал свести воедино. Подобные попытки могли предпринимать и его непосредственные предшественники — анналисты I в. до н.э. По мнению некоторых историков, это привело в литературной традиции к удвоению событий, нарушению их последовательности и появлению лишних магистратских пар²⁰⁰.

Одновременно увеличивался объем сочинений за счет создания собственно исторического повествования, которое противостояло, с одной стороны, мифологическому, связанному с основанием Города, а с другой — рассказу о современных политических процессах. Анналистическая форма повествования достигла зрелости только в сочинении Тита Ливия, который строго следовал принципу погодного изложения событий.

Другой важной особенностью римской историографии был присущий ей изначально интерес к деталям антикварного характера. Этот интерес проявился уже в работах грекоязычных авторов — Фабия Пиктора и Цинция Алимента — и в дальнейшем укрепил свои позиции в латиноязычной историографии. Включение антикварного материала — в виде жреческих формул, памятников, статуй, топонимов, значение которых было уже непонятным, — стало основой для создания легендарных эпизодов ранней римской истории. Подобных историй много в I декаде сочинения Ливия, где запечатлена значительная часть временного отрезка, который пролегал между мифическим прошлым и современностью и обрел очертания действительной истории уже в работах его предшественников. Рассказы о Лукреции, Вергинии, Корнелане, Спурии Кассии, Спурии Мелии и Манлии Капитолийском содержат компи-

²⁰⁰ Это мнение высказала М. Сорди. Ее аргументы подробно изложены в работе: *Phillips J.E. Current Research in Livy's First Decade: 1959–1979* ANRW. B.; N.Y., 1982. Bd. 30.2. P. 1024

лекс правовых вопросов и обосновываются ссылкой на памятники, храмы и статуи. Правовые, моральные и исторические аспекты переплетаются в них в едином повествовании²⁰¹. Присутствие антикварного материала в сочинениях римских историков от Фабия Пиктора до Валерия Анциата позволяет говорить о преемственности между теми историками, которые писали по-гречески, и теми, которые писали по-латыни²⁰². Поэтому трудно согласиться с утверждением Э. Роусон, что антикварный материал, первоначально присутствовавший в анналистических сочинениях, в конце II в. до н.э. стал исчезать из них, став предметом исследования узких специалистов – антикваров. Отказ анналистов от использования антикварного материала, по мнению исследовательницы, имел драматические последствия для этого жанра исторической литературы – в I в.

²⁰¹ Легенда о Лукреции (*Liv.* 1.57–9) представляла два варианта поведения – этрусский и римский (*Fisher N.R.E. Roman Associations, Dinner Parties and Clubs // Civilization of the Ancient Mediterranean: Greece and Rome / Ed. M. Grant, R. Kitzinger. N.Y., 1988. Vol. 2. P. 1201*); с ней также связывалось начало свободы (*libertas*) для римского государства; эта тема является центральной для второй книги Т. Ливия (*Luce T.J. Op. cit. P. 231*). Легенда о Корнелии связана с постройкой храма *Fortuna Muliebris* (Женского Счастья). Похищение Виргинии (3.44–8) строится вокруг определения свободного состояния для гражданина: здесь Ливий показывает происхождение более поздних правовых норм (*Briscoe J. Op. cit. P. 12*). В рассказах о Сп. Кассии, Сп. Мелии и М. Манлии отразилось стремление прояснить связь между государственным преступлением (*perduellio*) и стремлением к царской власти, определить посмертные санкции, возлагавшиеся на виновного. Кроме того, память о Кассии, Мелии и Манлии сохранилась в топографии, культах и храмах, построенных на месте их разрушенных домов. Подробнее об этом см.: *Mustakallio K. Death and Disgrace. Capital Penalties with Post Mortem Sanctions in Early Roman Historiography. Helsinki, 1994. P. 30–66*.

²⁰² На преемственность между теми и другими обратил внимание Фр. Бёмер (*Bömer Fr. Thematik und Kriese der römischen Geschichtsschreibung Historia. 1953. Bd. 2. S. 189*).

до н.э. анналистическая историография оказалась в руках авторов, которым не хватало социальной позиции, научного интереса и осознания важности цели, но в избытке хватало риторической подготовки²⁰³.

Как мы старались показать, антикварный материал не только не исчезал из работ римских историков конца III—I вв. до н.э., но нарастал от сочинения к сочинению, увеличивая их объем. Исследуя источники антиквара I в. до н.э. — М. Теренция Варрона, — историки пришли к выводу, что он широко использовал анналистов, особенно Пизона, для древнейших эпох римской истории²⁰⁴. Однако информация антикварного характера, конечно же, интересовала анналистов не сама по себе. Она оказалась хорошим материалом для создания примеров (*exempla*), с которыми можно было соизмерить ценность вклада отдельного человека в общественное дело. Эти *exempla* стали восприниматься как история. Начав с освоения греческих историографических моделей, выведивших на первый план “начала” (*origines*) городов и народов, римская историография сразу же обозначила свое своеобразие.

Информация, которую анналисты находили в жреческих документах и частных архивах, переплавляясь с легендами и воспоминаниями о действительных событиях, запечатленных в постройках храмов, возведении статуй, топонимах и обычаях, выполняла определенную художественную и политическую программу. Эта задача была полностью выполнена Титом Ливием. Исследователи его литературного творчества единодушны в том, что у Ливия, особенно в первой декаде его сочинения, присутствует поразительное количество необычной и уникальной информации²⁰⁵. По словам Дж. Линдерски, “текст Ливия оказывается волшебным сундучком, который содержит бесконечное число авгурских загадок и из которого бьют струей

²⁰³ Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic. Baltimore, 1985. P. 218–220.

²⁰⁴ См. сн. 108.

²⁰⁵ Walsh P.G. Op. cit. P. 277 ff; Luce T.J. Op. cit. P. 237.

бесчисленные магические формулы и заклинания”²⁰⁶. Все эти “сокровища” служили одной цели: распределяясь по отдельным временным отрезкам, приурочиваясь к деятельности того или иного индивида, они воссоздавали складывание римского государства, его политических и правовых институтов и формирование характера римского народа. Справившись с возложенной на него идеологической задачей, анналистический жанр исторического повествования исчерпал свои возможности и на рубеже эпох оказался уже неактуальным.

²⁰⁶ *Linderski J. The Augural Law* // ANRW. B.; N.Y., 1986. Bd. 16.3. P. 2296.

МАРК ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН
И АНТИКВАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

... tam multa legit ut aliquid ei scribere vacuisse miremur;
tam multa scripsit quam multa vix quemquam legere
potuisse credamus ...

Aug. De civ. Dei. 6.2.

Он прочитал так много, что удивляешься,
как у него хватило времени еще что-то написать,
и написал так много, что едва веришь,
что он мог прочесть какого-либо автора.

Блаженный Августин

Интерес к деталям антикварного характера отличал римскую анналистику на всем протяжении ее существования. Более того, можно с уверенностью сказать, что “антикварная” информация стала основой анналистической историографии и сыграла решающую роль в окончательном оформлении этого жанра. Однако, как правильно заметила Э. Роусон, свойственное анналистам привлечение антикварного материала еще не означало его исследования¹. Действительно, чем сильнее был в Риме интерес к этому материалу, тем больше сказывалась слабость его исследования в произведениях анналистов. Основным методам анализа антикварного материала еще предстояло сформир-

¹ *Rawson E. The First Latin Annalists // Rawson E. Roman Culture and Society. Collected Papers. Oxford, 1991. P. 245.*

роваться, но произошло это за пределами анналистики и было связано с появлением специальных сочинений, авторы которых использовали научные подходы, разработанные в греческих философских школах.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ВАРРОНА. ЭЛИЙ СТИЛОН

Появление в Риме первых специализированных научных трактатов можно связывать с деятельностью грамматиков, которые учили читать и толковать тексты. Эта область научных знаний распространилась среди римлян под влиянием греков около 159 г. до н.э., когда в Рим прибыл греческий грамматик Кратес и читал лекции о греческом и латинском языках². В более отдаленные времена, как повествует Светоний (Gram. 1), грамматика в Риме не пользовалась не только почетом, но даже известностью, потому что народ был грубым и воинственным (*rudis ac bellicosa*). Вообще же о распространении в Риме греческой культуры и образованности можно говорить не ранее 240 г. до н.э., когда Ливий Андроник, грек из Тарента, перевел “Одиссею” на латынь, положив начало “большой” литературе³.

² Любкер Фр. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. Т. 2. С. 75.

³ Wallace R.W. Hellenization and Roman Society in the Late Fourth Century B.C. Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik Hrsg. W. Eder. Stuttgart, 1990. P. 290. Автор вообще не считает возможным говорить об эллинизации римского общества начиная с конца IV в. до н.э. Многие культурные явления, засвидетельствованные в Риме того времени, аналогичны культурным процессам Этрурии и Центральной Италии, тогда как важные аспекты греческой культуры еще не стали достоянием римлян (Ibid. P. 280). Воздействие образов эллинистической культуры на мировоззрение римлян, по мысли Е.М. Штаерман, было поверхностным еще и в первые три четверти III в. до н.э. (Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме Эллинизм: восток и запад Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1992. С. 151).

Представить себе деятельность римских грамматиков мы можем по сочинению Светония "О грамматиках". Первоначально римляне называли грамматиков "литератами" (*litterati*), то есть грамотными людьми (*Suet. Gram. 4*). Корнелий Непот распространил это название и на толкователей поэтических сочинений, то есть на тех, кого греки называли грамматиками (*Suet. Ibid.*). Со временем грамматика охватила некогда разрозненные области знаний: толкование произведений поэтов, знание сказаний, объяснение слов, произношение при чтении⁴. Но можно было заниматься какой-либо одной отраслью грамматики – исправлением и разметкой рукописей, составлением к ним примечаний, как это делал Марк Валерий Проб, автор комментария к сочинениям Вергилия "Буколики" и "Георгики" (*Suet. Gram. 24*). "Знание сказаний" и "объяснение слов" было также предметом антикварных исследований, что подчас делает сложным разграничение этих двух областей знаний. Грамматик Луций Атей Претекстат Филолог вместе с Лелием Гермой в сочинении под названием "Чаща" (*Hyle*)⁵ в 800 книгах собрали материал разного рода (*omnis generis*) (*Suet. Gram. 10*). Этот же грамматик помогал в работе историкам Саллюстию и Азинию Поллиону, составив для одного краткое изложение событий римской истории, а для другого – руководство, как правильно писать.

Работа с древними рукописями была основной в деятельности грамматиков. Можно даже восстановить методику их работы. Цицерон в письме Публию Корнелию Долабелле от 46 - 45 г. до н.э. рассказывает, что является судьей между грамматиками Курцием Никием, другом Долабеллы, и неким Видием по делу о займе. Видий предъявил распис-

⁴ *Cic. De orat. 1. 187*: "...poetarum pertractatio, historiam cognitio, verborum interpretatio, pronuntiandi quidam sonus".

⁵ *Hyle* – греческое слово, тождественное латинскому *silva*, означает "строительный лес". Термин использовался для обозначения вспомогательного материала, с которым работали риторы. См.: *Suetonius. Opera With an English Translation by J.C. Rolfe. Cambridge: L., 1950. Vol. 2. Note b. P. 412 f.*

ку о займе Никию в двух строчках, тот же отмечал их значком – обелом – как грамматик. На долю Цицерона выпала роль древнего критика: ему предстояло судить, подлинные ли эти строки или подложные⁶. Вычитывание рукописей древних поэтов, освобождение их от вставок и ошибок последующих переписчиков было основным занятием грамматиков. Этому сопутствовало составление подробного комментария, разъясняющего мало понятные реалии и слова ушедших эпох. Возможно, именно таким было содержание сочинения грамматика Марка Помпилия Андроника, которое называлось «Критика “Анналов” Энния»⁷.

Наиболее яркой фигурой второй половины II в. до н.э. был Луций Элий Стиллон Преконин. Светоний не называет его напрямую грамматиком, но отмечает, что он вместе со своим зятем Сервием Клодием упорядочил и развил грамматику⁸. Луций Элий был родом из Ланувия и принадлежал к всадническому сословию. Его всаднический статус подтверждается Цицероном (*Brut.* 205). Впоследствии эту же информацию передал Светоний. Однако те детали, которые ей сопутствуют, раскрывают нам подробности биографии Луция Элия и позволяют говорить о его изначально низком социальном происхождении: “Элий имел два прозвища: его звали Преконин, ибо отец его был преконом (то есть глашатаем. – О. С.), и Стиллон, ибо он обычно писал речи для всех знатнейших граждан: к знати был он настолько привержен, что даже сопровождал в изгнание Метелла Нумидийского” (*Пер. М.Л. Гаспарова*). Подобная информация о Стиллоне, несомненно, восходит к сочинениям Цицерона, который не только сообщает, что Элий писал речи за других, но и называет круг его постоянных клиентов – это Квинт Метелл-сын, Квинт Цепион и Помпей Руф. Последний, как считал Цицерон, мог обоим

⁶ *Cic. Fam.* 9.10.1. Об этом же случае рассказывает Светоний (*Gram.* 14), подкрепляя его цитатой из указанного выше письма Цицерона.

⁷ *Suet. Gram.* 8: “...annalium Ennii elenchorum...”

⁸ *Suet. Gram.* 3: “...instruxerunt auxeruntque ab omni parte grammaticam”.

тись и без помощи Элия, но предпочитал все же пользоваться его услугами⁹. Итак, ясно, что Элий происходил не из всаднической семьи. Для близких друзей он составлял речи, записывал их тексты и обучал грамоте, зарабатывая себе на жизнь. Наконец, привязанность к аристократии, и особенно к семье Метеллов, свидетельствует о покровительстве, которое эти аристократы оказывали Элию. При поддержке Метелла Нумидийского Элий, очевидно, получил золотое кольцо всадника. Все это позволяет говорить об Элии Стилоне как о первом человеке, который повысил свой социальный статус за интеллектуальные заслуги¹⁰. Элия отличало устойчивое влечение к ученым занятиям. Он был начитан в греческой и латинской словесности, отлично знал римскую древность и ее события, памятники и сочинения первых писателей. Все это сделало Элия, по утверждению Цицерона, одним из достойнейших римских всадников¹¹.

Диапазон интересов и ученых изысканий Стилона был широк. Ему принадлежит комментарий к гимну салиев, который был самой ранней светской работой по религиозным вопросам. Качество этого комментария высоко оценил его ученик Марк Теренций Варрон¹². Сакральными древностями также занимались жрецы и, прежде всего авгуры, которые имели непосредственное отношение к публичному праву и процедуре¹³. Сочинения по этим вопросам писали Лу-

⁹ Cic. Brut. 206.

¹⁰ Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic. Baltimore, 1985. P. 76.

¹¹ Cic. Brut. 205: "...eques Romanus cum primis honestus".

¹² Varro. L.L. 7.2: "Aclii hominis in primo in litteris Latinis exercitati interpretationem Carminum Saliorum videbis et exili littera expeditam et praeteritam obscuram multa" (В интерпретации гимна салиев, которая была сделана Элием, выдающимся человеком в области латинской литературы, ты увидишь, что интерпретации во многом содействует внимание к одной единственной букве, и многое остается неясным, если такая буква пропускается).

¹³ Вопрос о возможности проведения консульских комиций претором Цицерон решает, обращаясь к авгуратным книгам (Cic. Att. 9.9.3).

ций Юлий Цезарь, консул 64 г. до н.э., Анний Клавдий Пульхр, консул 54 г. до н.э., Публий Сервилий Исаврийский, консул 48 г. до н.э., Марк Валерий Мессала, консул 53 г. до н.э., работу которого *De auspiciis* ("Об авспициях") часто цитирует Авл Геллий. Элий Стилон составил также комментарий к законам XII таблиц и к комедиям Плавта¹⁴. Авл Геллий, изучая вопрос об аксиомах, обратился к сочинениям Варрона, но, не найдя у него четкого определения этого понятия¹⁵, вынужден был открыть работу Элия Стилона под названием *Commentarium de proloquiis* ("Комментарий о предварительных утверждениях"). Этот факт, безусловно, свидетельствует о том, что Элий Стилон писал также сочинения философского содержания.

Разного рода комментарии по религиозным вопросам преследовали цель сохранить то, что, по определению Ричарда Гордона, называется "устаревшими религиозными категориями"¹⁶. Это термины для обозначения религиозных институтов, объектов почитания, которые уже не имели общего признания или стали мало понятными. Однако эти комментарии не столько снимали непонимание устаревших категорий, сколько обставляли их псевдообъяснениями, неправильными этимологиями, ссылками на сомнительные исторические события. В одном из таких грехов – создании неправильных этимологий – Луция Элия упрекал Теренций Варрон¹⁷.

¹⁴ Цицерон (De leg. 2.59) приводит принадлежащее Луцию Элию истолкование одной из статей законов.

¹⁵ Gell. N.A. 16.8.2: "...quae M. Varro alias profata, alias proloquia appellat..." (которое Марк Варрон именует то предположениями, то предварительными утверждениями...).

¹⁶ Gordon R. From Republic to Principate: Priesthood, Religion and Ideology. Pagan Priests. P. 188.

¹⁷ Gell. N.A. 1.18.1: "In XIV Rerum Divinarum libro M. Varro. doctissimum tunc civitatis hominem L. Aelium errasse ostendit, quod vocabulum Graecum vetus traductum in linguam Romanam, proinde atque si primitus Latine fictum esset, resolverit in voces Latinas ratione etymologica falsa" (В 14-й книге "Божественных дел" М. Варрон

Представить себе содержание ныне утраченных трудов Стилона можно на основании цитат, которые встречаются в сочинениях его ученика и последователя – Варрона. В сочинении *De Lingua Latina* (“О латинском языке”) Варрон уделяет внимание этимологическим изысканиям своего учителя. У Элия Варрон встречается объяснение происхождения слов *caelum* (небо) и *terra* (земля)¹⁸. Здесь, несомненно, отразилось существовавшее уже в работах греческих философов деление всего сущего на два мира – небесный и земной, за чем должно было следовать описание явлений и установлений, связанных с миром богов и миром людей. Дела божественные предполагали исследование имен богов и установление между ними родственных связей. Так, *Dius Fidius* – бог клятвы, у Элия считался сыном Диовиса – небесного божества италийских народов¹⁹. Повествованию о делах человеческих должно было предшествовать установление происхождения названий всех существ, населяющих землю. Подобная информация также присутствовала в сочинениях Элия²⁰. Эти отрывочные сведения, которые мы получаем из сочинений Варрона, позволяют говорить о первой попытке си-

показал, что Л. Элий, самый ученый в государстве человек, заблуждался и следовал неправильному этимологическому принципу, разделяя древнегреческое слово, которое вошло в латинский язык, на два латинских слова, как если бы оно было латинского происхождения).

¹⁸ Varro. L.L. 5.18: “...caelum dictum scribit Aelius quod est caelatum” (Элий пишет, что небом называется то, что); 5.21: “...terra dicta ab eo, ut Aelius scribit, quod territur” (земля названа от того, как пишет Элий, что она греется).

¹⁹ Varro. L.L. 5.66: Aelius Dium Fidium dicebat Diovis filium...

²⁰ Varro. L.L. 5.101: “...volpes, ut Aelius dicebat, quod volat pedibus” (лиса, как говорил Элий, называется так потому, что она мчится, быстро перебирая лапами); Varro. De r.r. 3.12.6: (Л. Элий считал, что название зайцу (*lepus*) дано за быстроту, так как он – животное легконогое (*levipes*)). Варрон критикует подобную этимологию Элия.

стематизации материала, предпринятой Элием Стилоном. Подобная практика начала распространяться в Риме под воздействием эллинистической науки, которая особенно процветала в стенах Александрийского Мусейона²¹.

Иногда Варрон принимает этимологические конструкции Элия, как в случае с происхождением термина *puticuli* (могилы). Эти могилы, куда, как пишет Элий, сбрасывали трупы, были местом общественного погребения за пределами Эсквилинского холма²². Контекст, в котором встречается этот термин у Элия, позволяет предположить, что он взят из лексики понтификов, в ведении которых находились вопросы, связанные с погребением граждан – от регламентации обряда до определения места погребения²³. Эти немногочисленные сведения, которые дают нам возможность представить творчество Элия Стилона, позволяют говорить о том, что Стилон раздвинул границы традиционных штудий грамматиков. Снабжая древнейшие тексты комментариями, он уделял внимание не только мало понятным словам, но и архаическим обычаям и установлениям, положив тем самым начало антикварианизму как одному из направлений римской историографии. Научные занятия Стилона получили признание со стороны его современников, а Луций Целлий Антипатр посвятил ему сочинение “Пуническая война” (*Cic. Orat.* 230). Варрон и Цицерон (*Brut.* 207) учились у Луция Элия. Варрон же не просто перенял от него знания, но и приум-

²¹ *Ogilvie R.M., Drummond A. The Sources for Early Roman History // CAH. Vol. 7(2). Cambridge, 1989. P. 9 f.*

²² *Varro. L.L. 5.25: “...nisi potius, ut Aelius scribit, puticuli quod putescabant ibi cadavera proiecta, qui locus publicus ultra Esquilias”* (если не скорее, как пишет Элий, они назывались могилами, так как там гнили брошенные трупы, и это общественное место находилось за Эсквилином).

²³ О вопросах погребального права, которым занимались понтифики, см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2001. С. 133 сл.

ножил их²⁴, окончательно оформив антикварианизм как самостоятельное научное направление.

Грамматики и антиквары черпали из одних источников, но цели у первых были неизмеримо скромнее. Предлагая свое объяснение происхождению какого-нибудь древнего обряда или института, антиквары в то же время творили исторический факт, создавая свою историю Рима, которая не только изобиловала редкими деталями, но и отличалась от уже сложившихся рассказов. Это обстоятельство делало антикваров заметными фигурами в интеллектуальной и государственной жизни римской Республики II–I вв. до н.э.²⁵

Итак, начало антикварных исследований в Риме правомерно связать с именем Л. Элия Стилона. Причиной их появления обычно считается политический кризис, развязанный деятельностью братьев Гракхов. Именно на 30-е годы II в. до н.э. приходится первый всплеск антикварианизма, направленного на возрождение утерянных сакральных практик, которые римляне считали основой политического порядка Республики. Новый интерес к антикварным исследованиям обозначился уже в 50-е годы I в. до н.э. и был связан с открытым провозглашением консервативных политических взглядов. Идеологическое проявление социально-политического кризиса выразилось в отделении антикварианизма от повествовательной историографии и в интересе к древним обычаям, которые стали предметом исследования для “ученых мужей”²⁶. Нам еще пред-

²⁴ *Cic. Brut.* 205: “...quam scientiam Varro noster acceptam ab illo auctamque per sese ... pluribus et illustrioribus litteris explicavit” (эти знания перенял от него наш Варрон, приумножил их и изложил в своих книгах и подробнее и изящнее).

²⁵ *Suet. Gram.* 3 сообщает, что Луций Элий имел многообразный опыт в науке и в государственных делах.

²⁶ *Rawson E. Intellectual Life...* P. 234; *Cornell T.J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 B.C.).* L.: N.Y., 1995. P. 19; *North J.A. Roman Religion.* Oxford, 2000. P. 58.

стоит оценить подобное представление, прочно утвердившееся в научной литературе.

Среди “ученых мужей”, сочинявших трактаты антикварного содержания, следует отметить Гая Семпрония Тудитана и Марка Юния Конга Гракхана, которые писали о происхождении и полномочиях магистратов, Квинта Корнифиция, Нигидия Фигула, Корнелия Непота, Аттика, Тарквиния Приска, Авла Цецинну и Фенестеллу. Даже Цицерон на какое-то время был захвачен антикварными исследованиями. По его признанию (*Brut.* 74), Атик зажег его страстью к изучению дат жизни замечательных людей. И хотя Цицерон так и не написал ни исторического сочинения, ни антикварного трактата²⁷, в своих произведениях он всегда был ближе к антикварному направлению, чем к традиционной историографии. Он активно пользовался приемами, выработанными антикварами: цитирование древних документов и древних авторов, обращение к этимологии как к основе аргументации²⁸. Этому способствовал тесный контакт Цицерона с Антонием Гнифоном – грамматиком и ритором, автором работы “О латинской речи” (*De Latino Sermone*)²⁹. Цицерон часто посещал школу Гнифона³⁰. Иногда он напрямую пользовался работами антикваров. Так, при подготовке диалога “О государстве” Цицерон обращался к сочинениям Варрона (*Cic. Att.* 4.14.1), а исторический труд его друга Аттика, в котором изложены все события истории очень коротко, но очень тщательно, вообще стал настольной книгой знаменитого оратора³¹. Но, созда-

²⁷ В том, что Цицерон собирался написать историю Рима, убеждена Э. Рэйсон (*Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian* // JRS. 1972. Vol. 62. P. 43 ff).

²⁸ *Cic. Orat.* 152–161; *De rep.* 4. 6: *petulantia* (наглость) от *petere* (просить); *procalitas* (павязчивость) от *procare* (попрошайничать); 4. 7: *fides* (верность) от *fit* (делаться).

²⁹ *Suet. Gram.* 7.

³⁰ *Macrobi. Sat.* 3.12.8: “...Antonius Gnipho, vir doctus curus scholam Cicero post laborem fori frequentabat...”

³¹ *Cic. Brut.* 14, 15, 44; *Orat.* 120; *Att.* 13.6.4.

вая этимологические конструкции по образцу Варроновых, Цицерон не относился к этому занятию столь серьезно, как его друг³².

Аттик был другом не только Цицерона, но и Варрона. С Варроном Аттика связывали даже более прочные узы – как двух ученых, стремившихся держаться подальше от политических битв, находя утешение в мудрости предков. Цицерон и Корнелий Непот дают нам возможность представить круг интересов Аттика и те произведения, которые он написал. Это “Анналы” – летопись семи столетий всемирной истории³³ и книга, “посвященная порядку магистратур”³⁴. Он собрал портреты знаменитых римлян и издал их, снабдив стихотворными подписями, в которых увековечил их подвиги. Аттик написал также по-гречески книгу о консульстве Цицерона. Все наши источники единодушно отмечают интерес Аттика к хронологическим и генеалогическим изысканиям.

³² Cic. Tusc. Disp. 3.18: “Frugalitas, ut opinor, a fruge, qua nihil melius e terra, nequitia ab eo – etsi erit hoc fortasse durius, sed temptemus: **luisse putemur si nihil sit** – , ab eo, quod...” (Слово *frugalitas*, как я думаю, происходит от слова *fruge* – зерно, которое является лучшим из земных плодов; слово *nequitia* – негодность от того (хотя это объяснение, возможно, будет натянутым, мы его допускаем; **если же оно неверно, пусть это будет простая игра слов**), что...)

³³ Cic. Orat. 120: “...annorum septingentorum memoriam uno libro colligavit...” (Аттик собрал в одной книге память о семи столетиях...).

³⁴ Nepos. Att. 18: “...in eo volumine exposuerit, quo magistratus ordinavit” Н.Н. Трухина считает, что в данном случае речь идет именно об “Анналах” (Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах – Пер., статьи и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992. С. 114. Примеч. 28). Однако это сочинение, скорее, воспроизводило список республиканских магистратов с приложением, как поясняет Непот, семейных родословий знаменитых мужей. Описание этого сочинения у Непота отличается от того, которое сохранил Цицерон и которое относится, несомненно, к “Анналам” Аттика (см. сн. 33).

МАРК ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН: СЛУЖБА НА ГРАЖДАНСКОМ ПОПРИЩЕ

Наиболее значимой фигурой римского антикварианизма I в. до н.э. был Марк Теренций Варрон. Не только современники, но и люди, принадлежавшие уже иной — христианской культуре, — считали Варрона образованнейшим человеком. Под его обаянием находился даже такой непримиримый критик язычества, как Блаженный Августин. Однако время не пощадило сочинения Теренция Варрона и запорошило следы его жизни, которая пришлось на самый беспокойный век в истории римской Республики, отмеченный тремя гражданскими войнами. Между тем биография этого человека уже сама по себе представляет интерес, даже если бы Варрон не оставил после себя ни строчки. Отдельные факты из жизни Варрона, разбросанные в произведениях Цицерона, Плиния Старшего, Авла Геллия, Блаженного Августина, замечания, раскрывающие его характер, мотивы поведения позволяют нам представить образ настоящего римлянина, выросшего на примерах самоотверженного служения отечеству и не изменившего им даже тогда, когда республика уходила в прошлое.

Марк Теренций Варрон родился в 116 г. до н.э. в городе Реате, расположенном в Сабинской области. Правда, Августин называет местом рождения Варрона Рим³⁵. Августин, несомненно, ошибся. Подтверждением сабинского происхождения Варрона является его стремление подчеркнуть историческое, географическое и экономическое значение Реатинской области. Варрон составил список городов Реатинской области, которые были заселены аборигинами — народом, обитавшим в Италии с древнейших времен (*Dionys.* 1.14.1), а озеро Кутилия, расположенное в этом же районе, он считал географическим центром Италии (*Plin. N.H.* 3.109)³⁶. Варрон с гордостью отмечал, что

³⁵ *Aug. C.D.* 4.1: "...Romae natus et educatus..." (родился и получил образование в Риме).

³⁶ Э. Роусон считает, что весь отрывок из этой книги Плиния, рассказывающий о сабинской территории, заимствован из сочинений Варрона (*Reason E. Intellectual Life...* P. 26. Note 42).

порода реатинских ослов славится во всей Италии³⁷. Варрон знал сабинский диалект – смесь осского и латинского языков – и активно использовал это знание в своих работах, особенно в сочинении “О латинском языке”. В сабинском диалекте он выделял реатинский говор и отмечал его особенности³⁸.

Варрон происходил из древнего плебейского рода, который был причислен к всадническому сословию. Родовое имя Теренций Варрон производил от *terenum*, что на сабинском языке означало “мягкое”³⁹. Когномен Варрон появился в роде Теренциев во время войны в Иллирии 229/228 гг. до н.э. Он произошел от имени захваченного врага, о чем впоследствии рассказал сам Марк Теренций⁴⁰. У поздних греческих авторов встречаются два толкования когномена “Варрон”: на языке кельтов оно означает “храбрый” (*τὸν ἀνδρείον*), а по-финикийски – “иудей” (*τὸν*

³⁷ Varro. *De r.r.* 2.1.14.

³⁸ Varro. *L.L.* 6.5: “...id vocabulum (crepusculum. – О. С.) sumpserunt a Sabinis, unde veniunt Crepusci nominati Amiterno, qui eo tempore erant nati, ut Lucii prima luce in Reatino” (это слово (сумерки. – О. С.) они взяли у сабинян, от него происходят названия в Амитерне Крепусками те, которые родились в это время суток, также как в Реатинской области Луциями называют тех, которые родились на рассвете).

³⁹ Macrob. *Sat.* 3.18.13: “...sunt terentinae a tereno, quod est Sabinorum lingua molle, unde Terentios quoque dictos putat Varro ad Libonem primo” (terentinae происходят от tereno, что на сабинском языке означает “мягкое”, и Варрон в первой книге к Либону полагает, что отсюда также были названы Теренции).

⁴⁰ Sere. *Aen.* 11.743: “Varro. cum de suo cognomine disputaret, ait cum qui primus Varro. sit appellatus, in Illyrico hostem Varro nem nomine quod raouerat et ad suos portaverat, ex insigni facto vocabulum meruisse” (Варрон, рассуждая о значении своего имени, говорит, что тот, кто первым называл себя Варроном за то, что в Иллирике разбил врага по имени Варрон, распространил это имя на своих потомков. Благодаря этому выдающемуся событию он удостоился этого имени).

Ἰουδαίων)⁴¹. Первым носителем этого когномена был Гай Теренций Варрон, консул 216 г. до н.э., который вместе со своим коллегой Луцием Эмилием Павлом командовал римскими легионами в битве при Каннах.

Семья, в которой вырос Варрон, была состоятельной. Имущество, полученное от отца, Варрон приумножил за годы своей жизни. На основании его сочинений и сведений, происходящих от его друзей и современников, можно представить себе географию владений Марка Теренция. На его пастбищах паслись огромные стада: в Апулии – овечьи отары, а под Реате – конские табуны⁴². В поместье близ Казинума (*fundus Casinas*) он устроил лучший в этом районе птичник⁴³. Варрону принадлежали также поместье в окрестностях Тускула, которое он купил у консула 61 г. до н.э. Марка Пупия Пизона, и усадьба под Кумами: в обоих случаях он соседствовал с Цицероном⁴⁴. Жена Варрона Фундания купила себе имение в Сабинии в последние годы жизни мужа⁴⁵. В одном из писем Цицерона к Варрону, возможно, идет речь о покупке им дома в Риме⁴⁶.

Военная и политическая карьеры Варрона начались довольно рано. Свою первую должность триумвира по уголовным делам (*triumvir capitalis*) Варрон занял во второй половине 90-х годов⁴⁷. В 86 г. он, по-видимому, уже

⁴¹ *Lyd.* De mag. 1.12, 23. Последний вариант объяснения когномена Иоанн Лид приводит со ссылкой на Геренния, то есть Геренния Филона – греческого грамматика и историка I–II вв. н.э.

⁴² *Varro.* De r.r. 2 praef. 6; 2.1.3; 2.2.9.

⁴³ *Cic.* Phil. 2.103; *Varro.* De r.r. 3.4.2; 3.5.8. Описание птичника см.: *Varro.* De r.r. 3.5.9–17.

⁴⁴ *Varro.* De r.r. 3.3.8; *Cic.* Fam. 9.6; 9.1.

⁴⁵ *Varro.* De r.r. 1.1.2, 15.1.

⁴⁶ *Cic.* Fam. 9.8.2: "...migrationem et emptionem feliciter evenire volo tuumque in ea re consilium probo" (желаю, чтобы твое переселение и покупка окончились счастливо, и одобряю твое решение насчет этого. – Пер. В.О. Горюхиной).

⁴⁷ *Gell.* N.A. 13.12.6.

получил квестуру⁴⁸. В 70-е годы Варрон познакомился с Гнеем Помпеем и сохранил ему верность на всю жизнь. В качестве легата Помпея он воевал в Испании против Сертория, о чем упоминает сам⁴⁹. Однако сохранилась монета, на которой Варрон значится как проквестор⁵⁰.

Когда в 71 г. Помпей впервые стал консулом вместе с М. Крассом, он попросил своего друга Варрона составить руководство по ведению дел в сенате, так как из-за длительной военной службы не был знаком с подобной процедурой. Но еще при жизни автора эта книга была утеряна⁵¹.

По возвращении из Испании приблизительно в 70 г. Варрон занял должность плебейского трибуна, о чем упоминает сам⁵². На время между 70 и 68 гг. приходится его эдилство, за время которого Варрон украсил Комиций картиной, вывезенной из Спарты⁵³, а в 68 г. он стал претором⁵⁴. Существует предположение, что Варрон занимал также жреческие должности, а именно, был членом коллегии квиндецемвиров⁵⁵, в ведении которых находились книги пророчицы Сивиллы. Мы не располагаем свидетельствами, подтверждающими этот факт, однако в сохранившихся сочинениях Варрона присутствуют следы непосредственного использования им жреческих документов и книг⁵⁶.

Когда в 67 г. до н.э. Помпей получил верховное командование над средиземноморской прибрежной полосой

⁴⁸ *Dahlmann. H. M. Terentius Varro. // PWRE. Stuttgart, 1935. Suppl. Bd. 6. S. 1175.*

⁴⁹ *Varro. R.R. 3.12.7.*

⁵⁰ *Dahlmann H. Op. cit.*

⁵¹ *Gell. N.A. 14.7.1–3.*

⁵² *Gell. N.A. 13.12.6.*

⁵³ *Plin. N.H. 35.173.* Этот же эпизод упоминает Витрувий (*Vitruv. De arch. 2.8.9*).

⁵⁴ *Gell. N.A. 13.12.6. Dahlmann H. Op. cit. S. 1176.*

⁵⁵ *Cardauns B. Varro und die römische Religion. Zur Theologie, Wirkungsgeschichte und Leistung der "Antiquitates Rerum Divinarum" // ANRW. B.; N.Y., 1978. Bd. 16.1. S. 98 со ссылкой на К. Цихориуса.*

⁵⁶ *Varro. L.L. 6.21, 30–32.*

для борьбы с пиратами, Варрон стал командовать у него греческим флотом между Делосом и Сицилией, оберегая Ионийское море⁵⁷. Варрон отлично справился со своими обязанностями командира, за что получил в награду от Помпея морской венок (*corona rostrata*)⁵⁸, украшенный золотыми носами кораблей. Интересно, что эта награда, хотя уступала по значимости гражданскому венку, который делался из ветвей плодоносящего дуба, давалась весьма редко. Плиний (N.H. 16.7) сообщает, что вплоть до его времени морским венком были награждены только два человека – Марк Варрон и Марк Агриппа, причем оба за успешную борьбу с пиратами.

Обязанности командира Варрон сочетал с разработкой инженерного проекта: он предложил соединить мостом Италию и Грецию в том месте, где “каблук” Апеннинского полуострова глубоко врежется в море, разделяя воды Адриатического и Ионийского морей. Отсюда рукой подать до Аполлонии – города, расположенного на Балканском побережье. Плиний рассказывает, что именно это пространство Варрон, как некогда эпирский царь Пирр, предложил соединить мостом⁵⁹.

Наиболее спорным вопросом биографии Варрона является его пребывание в армии Помпея во время третьей Митридатовой войны (74–65 гг. до н.э.). По свидетельствам Плиния (N.H. 6.51) и Солина (93 (104)), Варрон, возможно, находился в это время в армии Помпея. Оба автора повествуют о проблеме снабжения армии Помпея питьевой водой. В обоих случаях эта информация подается со ссылкой на Варрона, но только Солин называет его боевым товарищем (*commilito*) Помпея. К. Цихориус по-

⁵⁷ Plin. N.H. 3.101; Varro. De r.r. 2 praef.6.

⁵⁸ Plin. N.H. 7.115.

⁵⁹ Plin. N.H. 3. 101: “...hoc intervallum pedestri continuare transitu pontibus iactis ... cogitavit” (он решил соединить это расстояние пешим проходом, перебросив мост). *Pedestri tansitu*, очевидно, свидетельствует о том, что речь шла о сооружении на этом участке дамбы.

считал, что эта деталь добавлена самим Солином, сообщение которого восходит к свидетельству Плиния, и не является надежным основанием для подтверждения участия Варрона в войне с Митридатом⁶⁰. Свои сомнения К. Цихориус подкрепляет свидетельством самого Варрона, что он посвятил три книги сочинения “О латинском языке” Публию Септимию, который служил квестором под его началом⁶¹. К. Цихориус считал, что это могло иметь место, скорее всего, в 66 г. до н.э., когда Варрон, возможно, после своей претуры получил в управление провинцию Азию, а потому не мог участвовать в упомянутой войне с Митридатом. Но, как заметил сам К. Цихориус, имя наместника этого года так и не установлено, что открывает возможность для предположений. Кроме того, П. Септимий мог служить квестором под началом Варрона как во время войны с пиратами, так и во время Митридатовой войны. А если учесть, что Варрон написал свое сочинение “О латинском языке” в 40-х годах (точнее между 47 и 45 гг.)⁶², то нельзя исключать возможность совместной службы Варрона и Септимия во время войны против Цезаря в Испании в 49 г. или во время битвы при Фарсале в 48 г. до н.э.

Сохранились интересные свидетельства, которые позволяют говорить о присутствии Варрона в районе боевых действий с Митридатом. Апулей упоминает гадание об исходе Митридатовой войны, которое происходило в Траллах – городе Малой Азии. Отрывок этот заслуживает более близкого знакомства с ним: “Мне помнится, что у философа Варрона, человека чрезвычайно ученого и образованного, среди других заметок того же рода я читал между прочим и следующую. В Траллах, – пишет он, – во время магического гадания об исходе Митридатовой войны мальчик, созерцая в воде изображение Меркурия, в ста шестиде-

⁶⁰ Точка зрения К. Цихорнуса приводится в работе: *Dahlmann H.* Op. cit.

⁶¹ *Varro. L.L. 7. 109*: “...e quis tris scripsi P. Septumio, qui mihi fuit quaestor...”

⁶² *Cic. Att. 13.12.3; Fam. 9.8.*

сяти стихах возвестил вопрошавшим о том, что произойдет⁶³ (Пер. С.П. Маркиша). Можно предположить, что Варрон был свидетелем этого гадания, а может быть, даже и его заказчиком и, возможно, включил в одно из своих сочинений не только рассказ об этом случае, но и ответ гадающего, данный в стихотворной форме. Кроме того, известно, что Варрон хорошо был знаком с мистериями самофракийцев⁶⁴. Наконец, именно от самого Варрона известно о существовании дактилотеки Митридата – коллекции перстней с печатями, которую Помпей вывез в качестве трофея и поместил в сокровищницу Капитолийского храма⁶⁵. Поэтому вряд ли стоит отрицать участие Варрона в очередной – третьей – войне, которую Рим вел с Митридатом.

В год Первого триумvirата Варрон вошел в состав коллегии 20 мужей, которой было поручено проведение в жизнь Юлиева аграрного закона (*lex Julia agraria*), связанного с наделением ветеранов земель в районе Капуи⁶⁶. Об этом сообщает Плиний со ссылкой на самого Варрона⁶⁷. Годы между Первым триумvirатом и началом противостояния Цезаря и Помпея знаменуются затишьем в по-

⁶³ *Apul. Apol.* 42: "Memini me apud Varronem philosophum, virum accuratissime doctum atque eruditum, cum alia eiusdem modi, tum hoc etiam legere: Trallibus de eventu Mithridatici belli magica percontatione consultantibus puerum in aqua simulacrum Mercuri contemplantem quae futura erant CLX versibus cecinisse".

⁶⁴ *Aug. C.D.* 7.28.

⁶⁵ *Plin. N.H.* 37.11: "...Pompeius eam ... inter dona in Capitolio dicaret".

⁶⁶ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 189 (*Lex Julia* № 2).

⁶⁷ *Plin. N.H.* 7.176: "Varro. auctor est, vigintiviro se agros dividente Capuae..." (Варрон пишет, что он был одним из двадцати мужей для раздела земли в Капуе); *Varro. R.R.* 1.2.10: "...alterum collegam tuum, vigintivirum qui fuit ad agros dividendos Campanos, video huc venire..." (я вижу, что сюда идет второй твой коллега, который был членом коллегии двадцати для раздела Кампанской земли).

литической деятельности Варрона. Они были заполнены интенсивной научной работой.

Последний свой воинский долг Варрон отдал Помпею, находясь у него на службе в Испании в качестве легата в 49 г. в разгар его войны с Цезарем. С двумя легионами Варрон удерживал Дальнюю Испанию⁶⁸. Цезарь (В.С. 2.17–20) с насмешкой изобразил Варрона мечущимся между двумя воюющими полководцами – им и Помпеем, между чувством долга и желанием быть на стороне сильнейшего. На самом же деле Варрон до конца остался верным Помпею. Когда Испания сдалась Цезарю, Варрон прибыл на остров Керкиру в армию Помпея. Там он предпринял необходимые меры, остановившие распространение уже бушевавшей эпидемии, и спас многих людей от смерти⁶⁹.

Воинские обязанности Варрон успешно сочетал с любознательностью ученого. Везде, где бы он ни был, он знакомился с природными условиями и животным миром стран, обычаями и образом жизни местного населения. Больше всего подобных сведений Варрон вывез из Испании, с которой прочно была связана его военная карьера. Он обратил внимание на то, как хранят пшеницу в разных областях Испании, какие там водятся зайцы и что дикие лошади обитают преимущественно в Восточной Испании⁷⁰. Будучи в Эпире Варрон посетил все места, упоминаемые в цикле сказаний об Энее⁷¹, а также исследовал пещеры города Амбракии – резиденции эпирских царей⁷².

⁶⁸ *Caes.* В.С. 1.38; *Plut.* *Caes.* 36; *Suet.* *Jul.* 34.2.

⁶⁹ *Varro.* *De r.r.* 1.4.5.

⁷⁰ *Varro.* *De r.r.* 1.57.2; 3.12.6; 2.1.5.

⁷¹ *Serv.* *Aen.* 3.349: “Varro Epiri se fuisse dicit et omnia loca isdem dici nominibus, quae poeta commemorat, se vidisse: unde apparet haec non esse fabulata” (Варрон говорит, что он был в Эпире и убедился, что все места названы теми же самыми именами, которые упоминает поэт (Вергилий. – О. С.): отсюда явствует, что все это не выдуманно).

⁷² *Plin.* *N.H.* 18.307.

Во время последней схватки между Цезарем и Помпеем – битве при Фарсале (48 г. до н.э.) – Варрон пребывал в Диррахии. Диррахий был тыловой базой Помпея, где были сосредоточены продовольственные запасы его армии. Вместе с М. Катоном, под командованием которого находились 15 когорт, и Г. Копонием – командиром родосского флота – он по сути дела участвовал в обороне города⁷³. Греческий историк Аппиан высоко оценил воинские способности Варрона⁷⁴. Но окончательная победа Цезаря склонила Варрона на его сторону. Подобное поведение Варрона можно было бы истолковать как предательство своего друга и единомышленника Помпея. Этот эпизод его биографии является лучшим свидетельством политической индифферентности Варрона, что, однако, не означает отсутствие у него политической позиции. Но о ней он не заявлял столь открыто, как Цицерон. Отказ от дальнейшей борьбы после Фарсала Цицерон (Fam. 9.5.2) объясняет тем, что оба друга, приняв сторону Помпея, следовали не надежде, а долгу; изменили же они не долгу, а безнадежному делу⁷⁵. Удалившись от дел, Варрон продолжал получать от Цицерона сводки последних политических новостей⁷⁶.

Смысл своей жизни Варрон видел в продолжении научных изысканий, которые снискали ему признание современников как “кропотливейшего исследователя древности”⁷⁷. Поэтому, когда в 47 г. до н.э. Цезарь задумал открыть библиотеки, в которых находились бы греческие и

⁷³ Cic. De div. 1.68.

⁷⁴ App. B.C. 4.47.

⁷⁵ О положительном отношении Цицерона к Цезарю см.: Мотус А.А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам древнего Рима (I в. до н.э.) // Античный мир и археология. Саратов, 1983. Вып. 5; Проблемы истории Древнего Рима и Северного Причерноморья. С. 36 сл. со ссылкой на источники.

⁷⁶ Cic. Fam. 9.6.

⁷⁷ Cic. Brut. 60: “...Varro. noster diligentissimus investigator antiquitatis...”

латинские рукописи, для реализации этого замысла не нашлось кандидатуры лучше Марка Варрона⁷⁸. Варрон принял это предложение Цезаря. В том же году он посвятил Цезарю, получившему сан великого понтифика, свое сочинение *Antiquitates rerum divinarum* (“Божественные древности”)⁷⁹. Но это не спасло Варрона от преследования, которому он подвергся после смерти Цезаря, когда Антоний в 43 г. объявил очередные в римской истории проскрипции. Их жертвой пал друг Варрона Цицерон. Антоний занял касинское поместье Марка Варрона⁸⁰. Сам Варрон, спасенный от смерти Фуфием Каленом, остался в живых, но его библиотека была разграблена, а значительная часть его сочинений была уничтожена⁸¹. Авторитет Варрона был столь высок, что когда его тезка, опасаясь быть проскрибированным вместо знаменитого ученого, поспешил заявить о возможной ошибке, то стал предметом насмешек у римлян⁸². Умер Марк Варрон в возрасте 90 лет в 27 г. до н.э., когда Октавиан принял титул Августа.

“ТРИУМВИРАТ” ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: ЦИЦЕРОН, ВАРРОН, АТТИК

Биография Варрона была бы неполной, если бы мы оставили в стороне вопрос о его дружеском окружении. Товарищеские отношения связывали его с юношеских лет с Марком Туллием Цицероном и Титом Помпонием Атиком. Вместе с Цицероном Варрон обучался у Элия Стилона, а по окончании курса отправился продолжать образование в Афины в сопровождении Цицерона, его родного брата Квинта, двоюродного брата Луция Цицерона, Марка Пизона и Аттика⁸³. Из всех них латинскую словесность

⁷⁸ *Suet.* Jul. 44.2.

⁷⁹ *Aug.* C.D. 7.35.

⁸⁰ *Cic.* Phil. 2.103.

⁸¹ *App.* B.C. 4.47; *Gell.* N.A. 3.10.17.

⁸² Об этом курьезе рассказывает Дион Кассий (47.11.3–4).

⁸³ *Cic.* De fin. 5.1.1.

пополнили своими сочинениями только Марк Цицерон, Марк Варрон и Аттик, образовав своего рода “триумвират” римских интеллектуалов.

Переписка Цицерона с друзьями и близкими раскрывает перед нами непростые отношения, которые связывали этих людей в течение всей жизни. Варрон поддерживал Цицерона в политической борьбе, которая закончилась изгнанием знаменитого оратора⁸⁴. Варрон во многом способствовал налаживанию отношений между Цицероном и Помпеем⁸⁵, которые осложнились из-за политического сближения последнего с Цезарем. Когда Цицерон находился в изгнании, именно поддержка со стороны Помпея позволяла надеяться на скорое решение в сенате вопроса о его возвращении. Более того, когда 1 июня 58 г. до н.э. в сенате обсуждалось дело о возвращении Цицерона из изгнания, Варрон выступил с речью, что вселило надежду даже на поддержку со стороны Цезаря⁸⁶. Благодаря усилиям Варрона Цицерон уже предвкушает окончание своего вынужденного отъезда, и в письме к Аттику (3.18.1), написанному в сентябре 58 г., его тон заметно меняется. “Ты подал мне немалую надежду, — пишет Цицерон, — своим письмом, в котором сообщаем, что Варрон по дружбе заверил тебя в том, что Помпей, без сомнения, возьмется за мое дело”. Нет ничего удивительного, что один друг хлопочет за другого, попавшего в беду. Удивительно то, что Варрон взял на себя эти хлопоты при посредничестве Аттика, и именно от Аттика Цицерон получал подробную информацию о том, что предпринимал Варрон для его возвращения из изгнания. Создается впечатление, что Цицерон вообще не стремился общаться с Варроном напрямую. Еще до своего изгнания Цицерон предлагает Аттику отблагодарить Варрона за оказанную ему — Цицерону — услугу, ссылаясь на то, что оба они — и Аттик и Цицерон — знают, что Варрон “уди-

⁸⁴ *Cic. Att.* 2.21.6.

⁸⁵ *Cic. Att.* 3.15.1.

⁸⁶ *Cic. Att.* 3.15.3.

вительно своеобразный человек”⁸⁷. Атик же, в свою очередь, постоянно напоминает Цицерону о необходимости поблагодарить Варрона⁸⁸. Впоследствии драматизм в отношениях двух писателей продолжал нарастать.

Посвящение сочинений друг другу среди друзей было обычным делом. Можно было также сделать своих друзей собеседниками в диалогах, в которых обсуждались политические и философские проблемы. Однако Цицерон почему-то не хотел ни посвящать Варрону свои сочинения, ни делать его действующим лицом в диалогах. Посредником между Варроном и Цицероном в этом вопросе также выступил Атик. Первое его ходатайство за Варрона относится к 54 г. до н.э., когда Цицерон уже опубликовал диалог “Об ораторах” и начал работать над диалогом “О государстве”. Атик просит своего друга упомянуть Варрона в новом произведении, на что Цицерон отвечает, что сделает это, если только найдется подходящее место⁸⁹. Из дальнейшего становится ясным, что Варрону не найдется места в новом диалоге, так как беседа о государстве перенесена в 129 г. до н.э., а по правилам диалогического жанра собеседники могли упоминать только тех лиц, которые были известны им как современники. Появление Варрона в таком диалоге было бы анахронизмом.

В письмах, адресованных Атику в июне 45 г. до н.э., вновь обсуждается проблема взаимоотношений Цицерона и Варрона. Как и прежде, инициатором появления Варрона среди действующих лиц цicerоновских диалогов становится Атик. А Цицерон снова оправдывается, что не может этого сделать⁹⁰. Правда, Варрон, со своей стороны, уже предпринял первый шаг в этом направлении, сообщив Цицерону, что намеревается посвятить ему свой труд “О латинском языке”. Однако уже начатое было дело почему-то застопорилось. Цицерон берется обсудить с Ати-

⁸⁷ *Cic. Att.* 2.25.1.

⁸⁸ *Cic. Att.* 3.8.3.

⁸⁹ *Cic. Att.* 4.16.2.

⁹⁰ *Cic. Att.* 13.12.3.

ком возможность посвящения Варрону своего сочинения “Академические вопросы”. И тут выясняется главное: в отношениях двух известных писателей кроется какая-то недосказанность. Цицерон рассчитывает получить разъяснения на этот счет от Аттика, с которым Варрон, по-видимому, более откровенен. “Но ты, — обращается Цицерон к Аттику, — очень прошу, напиши мне, чего он (Варрон. — О. С.), как ты понял, хочет; одно обязательно желаю знать — к кому он, как ты понял, ревнует; разве только случайно не к Бруту...”⁹¹ Подозрения Цицерона имели основания: в 46 г. до н.э. он опубликовал трактат “Оратор”, который посвятил Марку Бруту. К нему же обращается Цицерон в первых строках трактата “О пределах блага и зла”⁹², написанного в мае-июле 45 г. Поэтому под влиянием Аттика Цицерон готов целиком отдать Варрону сочинение “Академические вопросы”, предварительно, правда, обсуждая со своим адресатом, подойдет ли Варрону отведенная ему в этом сочинении роль⁹³.

29 июня 45 г. Цицерон сообщает Аттику, что наконец-то закончил книги, адресованные Варрону, и подчеркивает, что сделал это исключительно по совету своего друга. В этом письме вновь всплывает мотив ревности, и Цицерон опять предполагает, что объектом ревности Варрона может быть только Марк Брут⁹⁴. В результате длительных переговоров и улаживания отношений между друзьями появилось второе сочинение Цицерона под названием “Академические вопросы” в четырех книгах, из которых сохранилась только первая. В ней Варрон отстаивает учение философа Антиоха, у которого все трое обучались в юности. Ко всему прочему Цицерон еще долго колебался, посылать ли Варрону уже готовое сочинение, и объяснял это Аттику тем, что он опасается недовольства Варрона, которое, по его мнению, должно было относиться к со-

⁹¹ *Cic. Att. 13.13.1. Пер. В.О. Горенштейна.*

⁹² *Cic. De fin. 1.1.1.*

⁹³ *Cic. Att. 13.16 1–2.*

⁹⁴ *Cic. Att. 13.18.*

держанию, но не к форме, возможно потому, что точка зрения Варрона–Антиоха представлена менее обстоятельно⁹⁵. Создается впечатление, что в отношениях Цицерона и Варрона недоставало искренности, и этот недостаток пытался устранить их общий друг Аттик, взяв на себя роль посредника между двумя выдающимися писателями. А может быть, Цицерону просто не хватало времени и терпения, чтобы улаживать многочисленные деликатные вопросы, возникавшие у него в ходе работы над адресованным Варрону сочинением? К тому же и характер у Варрона был не самый покладистый. О непростом характере Варрона Цицерон уже говорил Аттику. Теперь же, чтобы смягчить характеристику Варрона, Цицерон скрывается за авторитетом Гомера, цитируя его строки: “Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он”⁹⁶.

Даже в незначительных делах, связанных с Варроном, Цицерон старался прибегать к услугам Аттика. Так, он просит Аттика прислать хвалебные речи Марка Варрона и напоминает ему о необходимости извиниться перед Варроном за свою медлительность в писании писем⁹⁷. В то же время в письмах, написанных Варрону в течение 46 г., чувствуется душевность, которая все же не была чужда их отношениям, основанным изначально на общности научных интересов и занятий. Цицерон солидарен с Варроном в том, что управлять государством можно “в сочинениях и книгах”, и считает, что в этом Варрон оказался мудрее его⁹⁸. Но все же у Цицерона сохраняется надежда на возвращение к активной политической жизни, и этим он отличается от Варрона.

Варрон мало интересовался политикой, а вовлечение его в политическую жизнь определялось необходимостью исполнять гражданский долг или обязательствами, однажды связавшими его с Помпеем, позиция которого как за-

⁹⁵ Cic. Att. 13.25.1, 3.

⁹⁶ Cic. Att. 13.25.3.

⁹⁷ Cic. Att. 13.48.2; 15.26.5.

⁹⁸ Cic. Fam. 9.1.2; 9.2.5.

щитника республиканских устоев была, несомненно, ему близка. В отличие от Цицерона он не доверял Октавиану⁹⁹ и в этом оказался прозорливее своего друга. Такое настроение Варрона теснее связывало его в "триумвирате" римских интеллектуалов с Аттиком, нежели с активным политиком Цицероном. Именно Аттика Варрон сделал одним из собеседников в диалоге "О сельском хозяйстве"¹⁰⁰, предмет которого тесно связан с подлинной любовью к родной земле, издревле отличавшей римского гражданина. Ему же он посвятил свое сочинение "О жизни римского народа" и одну из книг "Логисториков".

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВАРРОНА

Гражданская служба Варрона переплеталась с его творческой деятельностью, которая обычно активизировалась в годы политического затишья. Современники и потомки считали Варрона самым плодовитым автором. Упоминание отдельных работ Варрона можно встретить в сочинении Авла Геллия, но каталог его трудов был составлен в IV в. н.э. Иеронимом и насчитывал 490 книг. По мнению исследователей, каталог, составленный Иеронимом, восходит к сведениям самого Варрона, находившимся в его сочинении *De vita sua* ("О своей жизни")¹⁰¹, которое представляло собой не столько автобиографию в обычном понимании, сколько "отчет" о политической и научной деятельности. В настоящее время приняты следующие цифры: Варрон написал 74 работы, которые составили собрание из 620 книг¹⁰².

Сатиры. Творчество Варрона началось между 84 и 82 гг. до н.э. с сочинения Менипповых сатир, но, судя по

⁹⁹ Cic. Att. 16.9.

¹⁰⁰ Varro. De r.r. 2.2.2.

¹⁰¹ Dahlmann H. Op. cit. S. 1182.

¹⁰² Dahlmann H. Op. cit.; Taylor D.J. Declinatio: A Study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro. Amsterdam, 1975. P. 1. Э. Ройсон говорит о 75 работах, заключенных в 600 книгах (Rawson E. Intellectual Life ... P. 97).

всему, с этим занятием он не расставался всю жизнь¹⁰³. Эти сочинения Варрона дошли до нашего времени во фрагментах и в цитатах грамматиков и антикваров более позднего времени. Однако чтобы составить о них хотя бы самое общее представление, необходимо обратиться к “Академическим вопросам” Цицерона, вышедшим в 44 г. до н.э. Именно в этом диалоге Цицерон вложил в уста Варрона слова, которые характеризуют его литературную деятельность: “И, однако, в тех старинных моих сочинениях, которые я, подражая Мениппу, но не переводя его, осыпал некой долей веселости, много примешано из глубин философии, многое сказано в разговорной форме; это я сделал с тем намерением, чтобы люди не слишком образованные понимали их легче, побужденные к чтению как бы удовольствием...”¹⁰⁴ Впоследствии Авл Геллий повторит эту характеристику сатир Варрона: “...Менипп, чьим работам Марк Варрон подражал в тех сатирах, которые одни называют киническими, а он сам — менипповыми”¹⁰⁵.

¹⁰³ *Dahlmann H.* Op. cit. S. 1175. Опубликовано они были в 150 книгах в 46 г. до н.э. (*La Penna A.* Poesia, storiografia e retorica fra repubblica e imperio // *Storia della societa italiana.* Milano, 1983. Vol. 2. La tarda repubblica e il principato. P. 389). Как пишет М. Фон Альбрехт, сейчас в “Мениппеях” различают ранний слой (конец 80-х – 67 г. до н.э.) и поздний (*Альбрехт М. фон.* История римской литературы. Пер. с нем. М., 2002. Т. 1. С. 648).

¹⁰⁴ *Cic. Acad. Post.* 1.2: “...et tamen in illis veteribus nostris, quae Menippum imitati, non interpretati, quadam hilaritate conspersimus, multa admixta ex intima philosophia, multa dicta dialectice; quae quo facilius minus docti intelligerent, iucunditate quadam ad legendum invitati...”

¹⁰⁵ *Gell. N.A.* 2.18.7: «...Menippus fuit cuius libros M. Varro in satiris aemulatus est, quas alii “Cynicas”, ipse appellat “Menippeas”». То же: *Gell. N.A.* 13.31.1: “...quas partim Cynicas, alii Menippeas appellant”. Ср.: *Macrob. Sat.* 1.11.42: “...Menippus fuit, cuius libros M. Varro. in saturis aemulatus est, quas alii Cynicas, ipse appellat Menippeas”. Дословное повторение текста Геллия Макробием, автором V в. н.э., свидетельствует о том, что этот автор если и знал сатиры Варрона, то только из сочинения Авла Геллия.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, каким образцом для написания сатир пользовался Варрон. Это – сатиры Мениппа, философа-киника III в. до н.э., в которых серьезные темы преподносились в веселой и шутиливой манере. Мениппова сатира представляла собой разновидность сатирических сочинений, характеризовавшихся свободным соединением стихов и прозы¹⁰⁶. В ней обыденные реалии переплетались с фантастическими вымыслами. Основной мишенью авторской иронии служили представления различных философских школ, мифические предания и человеческие пороки. Но Варрон, по убеждению наших источников, лишь подражает Мениппу, не воспроизводя его сатиры буквально. Один из основных замыслов Варрона сводился к тому, чтобы популяризировать греческую философию, облечь основные ее положения в занимательную форму, и тем самым пробудить у своих сограждан интерес к философским штудиям¹⁰⁷.

Сохранившиеся отрывки варроновых Мениппий позволяют говорить о большом разнообразии поднимаемых в них тем. Одна из прелестнейших, по словам Геллия, сатир Варрона была озаглавлена “Ты не знаешь, что может принести поздний вечер”¹⁰⁸. В этой сатире Варрон рассуждал о числе сотрапезников, об убранстве и обстановке пира. Условиями хорошего пира Варрон считает присутствие приятных гостей, удобное время, место и соответствующую обстановку¹⁰⁹. Примечательно то, что уже здесь встречается четырехчастное деление исследуемого предмета, которое впоследствии Варрон воспроизведет в

¹⁰⁶ Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 655 со ссылкой на источники.

¹⁰⁷ Cic. Acad. Post. 1.2: “...philosophiamque multis locis inchoasti, ad impellendum satis, ad edocendum parum” (и во многих местах я приступал к философии, в достаточной степени поощряя [к занятию ею], но не многому научая).

¹⁰⁸ Gell. N.A. 13.11.1: “...lepidissimus liber est M. Varronis ex Satiris Menippeis, qui inscribitur Nescis quid vesper serus vekat”.

¹⁰⁹ Помимо Геллия, эту сатиру передает и Макробий (Macrob. Sat. 1.7.12–13; 2.8.2–3), близко воспроизводя текст Геллия.

“Божественных древностях” и в трактате “О латинском языке”.

В сатирах подвергаются осмеянию и некоторые человеческие пороки, например, обжорство. Так, Варрон, по словам Геллия, остроумно и в изящных стихах порицал изысканные наслаждения участников пирушек, перечисляя кушанья, которые они ищут на земле и в море¹¹⁰.

В сатирах также встречается обсуждение вполне серьезных проблем, связанных с функционированием республиканской системы публичного права. Из сочинения Геллия (N.A. 3.18.1–4) выясняется, что в Риме не существовало единого представления о сенаторах-педариях. Одно из приведенных им мнений принадлежит Варрону и заимствовано из его сатиры. Небольшой отрывок, приводимый Геллием, позволяет говорить не только об интересе Варрона к вопросам публичного права и о его искушенности в толковании соответствующих понятий, но и его стремлении разъяснить своим современникам процедуру голосования в сенате. Частью этой процедуры являлось право педариев высказывать свое мнение¹¹¹. К слову сказать, из трех приведенных точек зрения по вопросу о том, кого считать педариями, Геллий (N.A. 3.18.6) по сути дела присоединяется к варроновой трактовке этого понятия.

Объектом нападок в сатирах становится даже риторика, без которой была немыслима подготовка римского гражданина к активной политической жизни. Варрон упрекает защитников риторики в пренебрежении простотой и ясностью речи ради поиска возвышенного стиля. Культ слова приводит к утрате его смысла. Но самым недопустимым для Варрона является то, что риторика склонна подавать любой предмет, не отягощая себя конкретными

¹¹⁰ Gell. N.A. 6.16.1; 15.19.1–2. Сатира называлась “О съедобных вещах” (Περὶ ἐδεσμάτων).

¹¹¹ Gell. N.A. 3.18.5: “...sententiae ius habebant”. Подробный разбор гл. 18 из кн. 3 сочинения Геллия см.: Маяк И.Л. *Senatusconsulta* в тексте “Аттических почей” Авла Геллия // *Ius antiquum. Древнее право*. 2002. № 2(10). С. 27 сл.

знаниями о нем¹¹². Трудно не усмотреть в подобных высказываниях скрытую полемику Варрона со своим другом Цицероном, который не только использовал риторику для практических нужд, но и придал ей в своих трудах черты чистой науки. Кроме того, здесь содержится установка Варрона на то, что конкретные исследования предмета должны сопровождать любые рассуждения о нем.

В сатире под названием "О громах" (Περὶ κεραυνῶν) Варрон старался уничтожить религиозные предрассудки, связанные с этим природным явлением. Здесь же он говорит и о некоторых религиозных обрядах, например о десятине, посвященной Геркулесу¹¹³. Ну и, конечно, излюбленной темой Мениппий был упадок и забвение нравов и обычаев предков современниками Варрона¹¹⁴.

Подобная пестрота содержания делает для нас интересным сохранившиеся фрагменты сатир Варрона, так как позволяет говорить о его философских вкусах, взглядах на отдаленное прошлое римского народа и оценке современных ему явлений и событий.

Даже самое беглое знакомство с сатирами Варрона позволяет сделать следующие выводы. Каждая сатира составляла отдельную книгу¹¹⁵. Содержание Мениппий было пестрым. Их цель — широкое образование читателя, для чего самые разнообразные, подчас серьезные, темы преподносились в легкой и изящной форме. Автор также порицал недостатки современности и воспевал суровую простоту быта и нравов предков. В сатирах уже проявился характерный для всех последующих сочинений Варрона

¹¹² О сатирах Варрона подобного содержания см.: *Deschamps L. L'attitude de Varron face à la rhétorique dans les Satires Ménippées // Studi su Varrone sulla retorica storiografia e poesia Latina. Scritti in onore di Benedetto Riposati. Rieti, 1979. Vol. 1. P. 153 ss.*

¹¹³ *Macrob. Sat. 3.12.2.*

¹¹⁴ Эти сатиры будут рассмотрены в разделе "Исторические взгляды Варрона".

¹¹⁵ *Gell. N.A. 13.11.1; 13.31.1.*

интерес к деталям антикварного содержания¹¹⁶. Отрывки сатир демонстрируют смешение греческой и латинской речи¹¹⁷, а форма изложения была то прозаической, то стихотворной¹¹⁸.

Все наиболее значительные работы Варрон написал после шестидесяти лет. Среди них в первую очередь следует назвать *Antiquitates rerum humanarum et divinarum* ("Древности человеческие и божественные"), *De vita populi Romani* ("О жизни римского народа"), *De gente populi Romani* ("О происхождении римского народа") и *De lingua Latina* ("О латинском языке"), в которых рассматривались самые разнообразные, в том числе и исторические, вопросы¹¹⁹. Варрон завершил публикацию *Antiquitates* в 47 г. до н.э. Нельзя сказать, что появление этого сочинения произвело сильное впечатление на современников. Столь объемистый труд – работа состояла из 41 книги – скорее предназначался для римской интел-

¹¹⁶ Fr. 14. P. 142 R.: "[Turba] confluit mulierum tota Roma; quae noctu fieri initio solita etiam nunc spinea fax indicat" (толпа женщин стекается из всего Рима; то, что это поначалу обыкновенно совершалось ночью, указывает и теперь еще смоляной факел). Serv. Bucol. 8.29 полагает, что этот отрывок относится к описанию брачных церемоний.

¹¹⁷ Macrob. Sat. 5.20.13: "...ψαμμάκοστα autem seorsum pro multis Varro saepe in Menippeis suis posuit" (Варрон в своих Мениппеях, в частности, часто употребляет ψαμμάκοστα вместо пространных выражений).

¹¹⁸ Quint. Inst. orat. 10.1.95: "...alterum illud etiam prius satirae genus, sed non sola carminum varietate mixtum condidit Terentius Varro..." (Теренций Варрон составил другой, даже более древний, тип сатиры, соединяющий в себе не только разнообразие стихов).

¹¹⁹ Традиционно к историческим в узком смысле работам Варрона причисляются следующие: *De familiis Troianis* ("О троянских родословиях"), *De gente populi Romani* ("О происхождении римского народа"), *Annales* ("Анналы"), *Legationes* ("Посольства"), *De Pompeio* ("О Помпее"), *De vita sua* ("О своей жизни"). См.: Fleck M. Cicero als Historiker. Stuttgart, 1993. S. 194. Anm. 639.

лектуальной элиты, отношение которой к этому событию выразил Цицерон (Acad. Post. 1.9). Для широкой читающей публики Варрон написал в конце 40-х годов более скромное по объему сочинение – *De vita populi Romani* (“О жизни римского народа”), которое он посвятил Аттису. По своей структуре, а также по тону изложения (даже в сохранившихся фрагментах чувствуется автор-моралист) это сочинение приближалось к традиционной историографии¹²⁰.

“Древности человеческие и божественные”.

От “Древностей”, как и от почти всего наследия Варрона, сохранились лишь небольшие фрагменты. Тем не менее мы можем составить представление о структуре и содержании этого сочинения благодаря эксцерптам из Блаженного Августина, который, используя как прямые цитаты, так и пересказ текста Варрона, привлекает его труд в апологетических целях для утверждения христианских догматов путем полемики с греко-римским язычеством.

Прежде всего, следует обратить внимание на заглавие этого сочинения. Представление о вселенной как состоящей из двух миров – мира человека и мира богов – было общепринятым среди римских интеллектуалов I в. до н.э. Вопрос сводился только к тому, какой из этих миров считать первичным. Варрон выводит на первый план мир человека и исследует сначала нерелигиозные институты Рима, а потом переходит к обсуждению всего, что связано с богами. Но и во второй части работы, повествующей о древностях божественных, Варрон опять ставит на первое место человека, описывая жречества, и только потом переходит к самим богам. То есть из 16 книг, которые составляют вторую часть работы, богам отводится только 3. Такая последовательность изложения свидетельствует о взглядах Варрона на мир, на что также обратил внимание Августин (C.D. 6.4): “Варрон сознается, что о человеческих вещах он написал прежде, а о божественных после

¹²⁰ О структуре *De vita populi Romani* см.: Rawson E. Intellectual Life... P. 243.

потому, что прежде явились государства (*civitates*), а ими были установлены божественные вещи”.

Началом всего Варрон считает человеческое сообщество – *civitas*, которое, создав институты и обеспечив тем самым себе стабильное существование, берется за организацию и упорядочивание небесных сил, которые тесно связаны с человеческим коллективом и воздействуют на его жизнь. Поэтому боги интересуют Варрона не сами по себе, но в связи с институтами, установленными человеком, так как именно человек дал название богам и культам. Ставя божественное после человеческого, Варрон тем самым утверждает, что *civitas* должна предшествовать **установлениям** *civitas*, в том числе религиозным. Оппонентом Варрона в этом вопросе оказался Цицерон, хотя их теологические взгляды во многом совпадали¹²¹. В диалоге “Оратор”, вышедшем через три года, после “Древностей”, Цицерон выдвигает на первый план в подготовке оратора “дела божественные”, подчиняя им “дела человеческие”¹²².

Согласно Августину (С.Д. 6.3), структура “Древностей”, состоявших из 41 книги, была следующей: первое сочинение – “Древности человеческие” – состояло из 25 книг, которые распадалась на четыре части по шесть книг в каждой. В первой части говорилось о людях (*de hominibus*), во второй – о местах (*de locis*), в третьей – о временах (*de temporibus*) и в четвертой – о вещах (*de rebus*). Одну книгу, которая предваряла рассказ обо всех этих предметах и представляла собой философское обоснование всей работы, Варрон поместил в самое начало. Подобное структурирование материала впоследствии применялось им и в других работах. Например, в трактате “О сельском хозяйстве” Варрон также скрупулезно систематизирует предмет исследования. Каждая книга посвящена

¹²¹ Wardman A. Religion and Statecraft among the Romans. L., 1982. P. 53.

¹²² Cic. Orat. 120: “Cumque illa divina cognoverit, nolo ignoret ne haec quidem humana” (Когда он (оратор. – О. С.) постигнет дела божественные, он не должен пренебрегать и делами человеческими).

определенной теме, разговор о которой начинается с общих рассуждений. Затем в теме выделяются главные разделы, каждый из которых подразделяется на соответствующие части¹²³.

Первая часть “Древностей” мало интересовала Августина, поэтому на основании его сочинения мы можем составить только отрывочное представление о ее содержании. Более подробную информацию на этот счет можно получить у Авла Геллия, Феста и Макробия. Прежде всего, хотелось бы определить, каков жанр “Человеческих древностей”. Августин отмечает, что в этом произведении Варрон следовал **историческим** рассказам¹²⁴. Но является ли это свидетельством того, что первая часть “Древностей” была написана в жанре исторического сочинения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо свести воедино все свидетельства, сохранившиеся об отдельных книгах этого сочинения, и попытаться представить себе более подробно его содержание.

О первой книге “Человеческих древностей” Авл Геллий (N.A. 13.17.3) сообщает только то, что она содержала рассказ о Праксители. При этом трудно определить, о какой первой книге идет речь: о той, которая являлась вступлением ко всему сочинению, или о первой книге первой части “Древностей”. Также нельзя сказать, в каком контексте помещался этот рассказ, но можно предположить, что в этой книге имелась информация этнографического содержания. Во второй книге “Человеческих древностей” рассказывалось о религиозных обрядах, в частности о жертвоприношениях у “Величайшего алтаря” (*ara Maxima*)¹²⁵, о перенесении богов пенатов Дарданом из Самофракии во Фригию, а Энеем — из Фригии в Италию. О последнем событии со ссылкой на Варрона рассказывают Макробий (Sat. 3.4.7) и Сервий (Aen. 3.148), причем Макробий стре-

¹²³ Varro. De r.r. 1.1.11; 1.5.1,3; 2.1.12.

¹²⁴ Aug. 6.4: “...in his enim quae scripsit de rebus humanus, secutus est **historiam rerum gestarum**”.

¹²⁵ Macrob. Sat. 3.12.3.

мился глубже проникнуть в текст Варрона: он искал в словах римского антиквара внутреннее содержание понятия “пенаты”. В шестой книге речь шла о реформе Сервия Туллия¹²⁶. В восьмой книге происхождение названия *mons Oppius* уводит Варрона в историю царствования Туллы Гостилия¹²⁷. В 11-й книге рассказывалось о гастрономических богатствах Италии: автор перечисляет продукты, которые предоставляют разные области Италии для повседневного рациона своих обитателей¹²⁸.

Структуру третьей части сочинения, которая рассказывала о временах и охватывала книги с 14-й по 19-ю, исследовал Отто Группе. Он установил такую последовательность расположения материала: 14-я книга представляла собой введение ко всему разделу, и в ней содержались рассуждения о бесконечности времени (*de aevo*). Далее временные отрезки располагались по нисходящей: в 15-й книге речь шла о веках (*de saeculis*), в 16-й – о пятилетних циклах (*de lustris*), в 17-й – о годах (*de annis*), в 18-й – о месяцах (*de mensibus*) и в 19-й – о днях (*de diebus*)¹²⁹. В свою очередь содержание последней книги позволяет уточнить Макробий. Он извлекает из нее информацию о методах точного деления суток у разных народов и о том, какой отрезок суток называли днем афиняне, вавилоняне, умбры и римляне. Для последних определение дня и ночи было важным в связи с осуществлением священных обрядов (*sacra*), которые разделялись на дневные (*diurna*) и ночные (*nocturna*)¹³⁰.

В 21-й книге повествовалось о магистратуре, причем можно даже говорить об определенной структуре этой книги: изложение велось по отдельным магистратам – квесторам, эдилам и т. д., то есть от низших магистратских долж-

¹²⁶ *Fest.* P. 246, line 65; P. 249, line 2: о *praerogativae centuriae*.

¹²⁷ *Fest.* P. 348, line 63.

¹²⁸ *Macrob.* Sat. 3.16.12.

¹²⁹ *Gruppe O.* Über die Bücher XIII bis XVIII der Antiquitates Humanac des Varro. // *Hermes.* 1875 76. Bd. 10. S. 54.

¹³⁰ *Macrob.* Sat. 1.3.2–6.

постей к высшим¹³¹. В этой же книге Варрон анализирует правовые понятия¹³². Поэтому можно предположить, что содержание 21-й книги было историко-правовым. В 25-й книге Варрон объясняет некоторые слова гомеровского лексикона, в частности слово *σπάρτα*¹³³. В этой работе Варрон объяснил даже, почему Апеннинский полуостров стал называться Италией¹³⁴ и откуда Галатия – область в Малой Азии – получила свое название¹³⁵.

Отдельные книги “Человеческих древностей” названы последователями Варрона не по номерам, а только по их заголовкам. Так одна из книг называлась *De bello et pace* (“О войне и мире”)¹³⁶. Авл Геллий приводит найденный им в древних записях (*in litteris veteribus*) рассказ, доказывающий, что непримиримые противники – римляне и карфагеняне – были равны по численности своих войск и боевому духу. Римский народ отправил карфагенянам копье и жезл – знаки соответственно войны и мира – и предоставил им право выбора. Карфагеняне, в свою очередь, предоставили право выбора римлянам. Этот полный патетики рассказ Геллий дополнил поправкой из сочинения Марка Варрона, который утверждал, что римляне не посы-

¹³¹ *Gell. N.A.* 13.12.5; 13.13.5: “...hoc Varro in ea libri parte de aedilibus, supra autem in eodem libro quaestores... dicit” (вот что говорит Варрон в той части своей работы, которая касается эдилов, но в более ранней части той же книги он говорит, что квесторы...).

¹³² *Gell. N.A.* 11.1.5: “...vocabulum... ipsum multae idem M. Varro... non Latinum, sed Sabinum esse dicit” (слово для штрафа (*multa*) не латинского происхождения, но сабинского).

¹³³ *Gell. N.A.* 17.3.4.

¹³⁴ Это объяснение со ссылкой на “Человеческие древности”, но без указания номера книги, приводит Авл Геллий (*N.A.* 11.1.1). Объяснение названия восходит к анналисту Пизону, который считал, что *Italia* получила свое имя от телят – *vituli* (*Varro. R.R.* 2.1.9).

¹³⁵ Происхождение названия “Галатия” со ссылкой на “Человеческие древности” без указания номера книги объясняет византийский историк VI в. Иоанн Лид (*Lyd. De mag.* 3.74).

¹³⁶ *Gell. N.A.* 1.25.1.

ляли ни копыя, ни жезла, а только две таблички (*duas tesseras*) с изображениями этих предметов¹³⁷. Всегда скрупулезный в отношении сносок на работы своих предшественников, Геллий в данном случае не уточняет, из какого произведения Варрона он извлек эту деталь. Можно только предположить по содержанию данного отрывка, что он позаимствован Геллием из уже упомянутой им книги Варрона "О войне и мире", которая входила в состав "Человеческих древностей".

На основании приведенных сведений, а также учитывая предложенную О. Группе структуру третьей части "Человеческих древностей", можно утверждать, что не только каждая книга этого многотомного собрания имела свое название, но и каждый из четырех разделов начинался с вводной книги, не говоря уже об общем введении ко всему сочинению.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о разнообразии и богатстве содержания "Человеческих древностей". С первого взгляда создается впечатление, что Варрон писал обо всем понемногу, стремясь вместить как можно больше разнообразного материала, превращая, таким образом, содержание отдельных книг в "пестрые рассказы". Но от подобного заблуждения нас освобождает Блаженный Августин (С.Д. 6.4). Он усмотрел строгую логику повествования внутри каждой книги этого огромного сочинения, подчиненную идее римоцентризма: все предметы и вещи описываются не настолько, насколько они относятся ко всему земному шару, а лишь настолько, насколько касаются одного Рима. Все же, несмотря на явное наличие концептуального подхода, "Человеческие древности" вряд ли можно назвать историческим сочинением в полном смысле этого слова. Скорее всего, это сочинение представляло собой справочник, составленный в соответствии с предметными рубриками, внутри которых повествование выдерживалось в хронологической последовательности.

¹³⁷ Gell. N.A. 10.27.1-5.

Второе сочинение называлось “Божественные древности”. В этих книгах Варрон, по его словам (*Aug. C.D.* 4.22), не только упомянул о богах, которых римляне должны почитать, но и сказал о том, что касается каждого из этих богов. Римский пантеон, представление о котором современный читатель может получить хотя бы из “Фаст” Овидия, поражает обилием божественных имен и сущностей. Римские авторы никогда не называли определенного числа богов¹³⁸, а последующие поколения эрудитов приписывали Варрону перечень богов и демонов, составлявший тридцать тысяч имен¹³⁹. Уже это свидетельствует о грандиозности замысла Варрона, осуществить который можно было, только основываясь на твердых принципах классификации материала. Поэтому и в сочинении о божественных древностях он следует плану, уже выработанному в первой части работы.

Шестнадцать книг распадалась на пять триад. В первой триаде речь шла о людях (*de hominibus*), ответственных за совершение культов, как семейных, так и общественных¹⁴⁰. Поэтому понтификам, авгурам и квиндецемвирам были посвящены отдельные книги этого раздела. Во второй триаде заключалось исследование о местах (*de locis*), связанных с исполнением определенных культов, то есть о часовнях, храмах и вообще о священных местах. В третьей триаде содержался материал о времени (*de temporibus*) совершения культов, приуроченных к праздникам и сопровождавшихся играми в цирке и сценическими представлениями. В четвертой триаде повествовалось о самих культах (*de sacris*), которые подразделялись на частные и общественные. В раздел о культах также включалась информация о том, “кем, где, когда и что отправля-

¹³⁸ *Cic. De nat. deor.* 1.84, 3.40. *Plin.* 2.15: “...numina innumerabilia”; 2.16: “...maior caelitus populus etiam quam hominum” (численность небожителей больше, чем численность людей).

¹³⁹ *Cardauns B.* Zu Varros Menippeen Fr. 582–83 В Studi su Varrone... S. 43–44 со ссылкой на источники.

¹⁴⁰ *Dionys.* 2.21.2.

ется”¹⁴¹. Последняя триада посвящалась самим богам, которые подразделялись на богов известных (*dei certi*), неизвестных (*incerti*), избранных и главных (*praecipui et selecti*). Каждой из этих категорий богов была посвящена своя книга, причем речь шла отдельно о богах и богинях¹⁴².

Всему этому сборнику предшествовала первая книга — предисловие, в котором в общедоступной форме излагались философские начала. С таких предисловий традиционно начинались сочинения, представлявшие собой собрание древностей¹⁴³. В этой книге Варрон излагал свои философские взгляды на мир и бессмертие души, избрав форму беседы Энея со своим отцом Анхизом, которого он встретил в подземном царстве¹⁴⁴. Здесь же Варрон рассуждал о трех родах теологии. Основные его положения впоследствии были использованы Августином, чтобы показать абсурдность теологических воззрений, свойственную даже самым лучшим умам языческого Рима¹⁴⁵.

Сравнивая структуру повествования, которой придерживается автор в обеих частях сочинения, следует отметить, что первая часть о человеческих делах основана на четырехчастном делении предмета, тогда как в сочинении о божественных делах предмет исследования разделен на пять частей. Как уже отмечалось, систематизация, положенная в основу изложения материала в книгах “Древностей”, исходит из дуалистического представления о мире как состоящем из сферы человеческого и сферы божественного. В свою очередь каждая из этих сфер пред-

¹⁴¹ Aug. C.D. 6.3: “...qui exhibeant, ubi exhibeant, quando exhibeant, quid exhibeant...”

¹⁴² Aug. C.D. 7.28.

¹⁴³ О том, что такие предисловия были обычным явлением, говорит Цицерон (Acad. Post. 1.8): “...in his ipsis antiquitatum prooemiis philosophiae more scribere vuluimus” (в самих этих предисловиях к древностям мы предпочитаем писать с позиций философии).

¹⁴⁴ Serv. Aen. 6.703.

¹⁴⁵ Aug. C.D. 4.27; 6.5; 7.6. О теологической концепции Варрона речь пойдет ниже.

ставляет собой диалектическое единство пространства (*locus*) и времени (*tempus*)¹⁴⁶. Чтобы подробнее представить себе предмет исследования и круг вопросов, на которых сосредоточен автор “Божественных древностей”, следует перейти к уточнению содержания отдельных книг этого сочинения.

Во второй книге, которая открывала первый раздел о священных лицах, речь шла о фламинне Юпитера и знаках отличия этого жреческого сана¹⁴⁷, о странствованиях Энея из Трои в Италию и о путеводной звезде, которая привела его к Лаврентским берегам¹⁴⁸. В четвертой книге рассказывалось о том, почему Геркулеса прозвали победителем¹⁴⁹. Дионисий Галикарнасский (4.62.1–4) включил в свое сочинение рассказ о появлении в Риме книг с оракулами Сибиллы, а своим источником назвал вторую часть “Древностей” Варрона, то есть собрание книг под названием “Божественные древности”. Правда, он не указал, из какой книги он извлек этот рассказ, но с уверенностью можно сказать, что из четвертой, которая отводилась квинdecемвирам — жрецам — хранителям книг с оракулами Сивиллы. С пятой книги начинался раздел о священных местах, и важной частью повествования, несомненно, был анализ происхождения названий священных мест, и, прежде всего, самого понятия *ara* (алтарь). Сервий (Aen. 4.219) и Макробий (Sat. 3.2.8) нашли этимологию этого слова именно в пятой книге “Божественных древностей”. Помимо алтарей почитались также очаги (*foci*), без которых не мыслились ни частные, ни общественные священнодействия. Об этом сообщает Сервий со ссылкой на Варрона, но не указывает, откуда он получил эту информацию. По всей видимости, Сервий извлек ее, как и этимологию слова

¹⁴⁶ О пространственно-временном аспекте взглядов Варрона см.: Catalano P. Aspetti spaziali del sistema giuridico-religioso romano// ANRW. B.; N.Y., 1978. Bd. 16.1. P. 446.

¹⁴⁷ Gell. N.A. 10.15.32.

¹⁴⁸ Serv. Aen. 1.382.

¹⁴⁹ Serv. Aen. 8.363; Macrob. Sat. 3.6.10.

“очаг”¹⁵⁰, из этой же книги “Божественных древностей”. Здесь же перечислялись и жертвенники, посвященные отдельным богам, например Янусу, у которого было 12 жертвенников по числу месяцев¹⁵¹. В этой же книге шла речь о молнии как атрибуте некоторых богов. Варрон приписывал ее четырем богам, в том числе Минерве¹⁵². Следующая, шестая книга была посвящена храмам. Несомненно, что ее имеет в виду Августин (3.17), называя сочинение Варрона о священных зданиях (*de sacris aedibus*). Под этим же названием значится шестая книга у Макробия (Sat. 1.8.1), из текста которого можно заключить, что в ней шла речь об истории создания храмов. Варрон не обошел своим вниманием даже те храмы, которые стали неизвестными уже ко времени его жизни¹⁵³. Варрон говорит даже о практическом назначении священных мест: они необходимы на случай пожара, чтобы препятствовать быстрому распространению пламени, а в критической ситуации – чтобы предоставить приют погорельцам¹⁵⁴. В седьмой книге, где речь шла о священных местах, Варрон провел противоположность между двумя царскими дочерьми – Антигоной и Туллией. Одна последовала за своим отцом в добровольное изгнание и оставалась с ним до его смерти, другая совершила бесчеловечное преступление: она не только организовала убийство своего отца, но и надругалась над телом убитого. Память об этом злодеянии осталась в названии места преступления – “Проклятой улицы” (*via scelerata*)¹⁵⁵. В книгах, посвященных праздникам, содержался материал и о местах их проведения. Из восьмой

¹⁵⁰ *Serv. Aen.* 3.134: “...focum... dictum a fotu” (очаг назван от тепла).

¹⁵¹ *Macrob. Sat.* 1.9.16.

¹⁵² *Serv. Aen.* 1.42.

¹⁵³ *Aug. C.D.* 3.17.

¹⁵⁴ *Serv. Aen.* 2.512: “...ideo loca sacra civitates habere voluisse, ne per continua aedificia incendia prolaberentur, et ut esset, quo confugerent plerique cum familia sua in periculis”.

¹⁵⁵ *Gell. N.A.* 18.12.9. О преступлении Туллии см.: *Liv.* 1.48.5,7.

книги сохранился отрывок о *delubrum* (святилище) в передаче Макробия (Sat. 3.4.2) с обычным для Варрона экскурсом в этимологию этого слова. Книги девятая и десятая рассказывали об играх в цирке и театральных представлениях¹⁵⁶.

Книги XIV–XVI содержали учение Варрона о богах. Разговор о богах начинался у Варрона с разъяснений происхождения их имен. Эти изыскания эрудита охотно заимствовались авторами последующих эпох. Авл Геллий (N.A. 16.17.2) рассказывает о происхождении имени бога Ватикана, ссылаясь на Варрона, а объяснение имен богинь Постверты и Прорсы, которые призывались римлянами при появлении на свет младенцев, он подкрепляет сведениями о положении детей в материнской утробе (Gell. N.A. 16.16.2), также заимствованными у Варрона, правда, без уточнения его сочинения. Объяснения божественных имен, вероятно, можно было встретить в любом из многочисленных сочинений Варрона. Но наиболее естественно для автора было бы поместить эти сведения в книги о богах, вошедшие в состав “Божественных древностей”. Так разъяснения имен многочисленных божеств нередко сопровождалась у Варрона экскурсами в самые различные области знаний, в том числе и в область анатомии человеческого тела.

В XIV книге речь шла не только о римских богах, но и о чужеземных¹⁵⁷. В XV книге говорилось о некоторых

¹⁵⁶ Августин (C.D. 4.31) говорит о том, что Варрон писал о сценических представлениях в “Божественных древностях”. Макробий (Sat. 6.4.8) говорит об *umbracula* (навесах) со ссылкой на десятую книгу “Божественных древностей” Варрона. К этой же книге можно отнести сведения, которые заимствует у Варрона Сервий (Aen. 10.894), говоря об участии мальчиков в сценических представлениях.

¹⁵⁷ Gell. N.A. 15.30.7: «...id scriptum est in libro M. Varronis quarto decimo Rerum Divinarum, quo in loco Varro, cum de “petorrito” dixisset, esse id verbum Gallicum, “lanceam” quoque dixit non Latinum, sed Hispanicum verbum esse» (это написано в 14-й книге “Божественных древностей” Марка Варрона, где Варрон, говоря о *petorritum*

римских обычаях при жертвоприношениях в сравнении с греческой практикой принесения жертв¹⁵⁸. В XVI книге Варрон перешел к изложению своих мыслей о богах римского народа. Августин (С.Д. 7.28) подверг критике варроновскую классификацию богов. Он хорошо почувствовал те трудности, с которыми сталкиваешься при систематизации такого уровня: по его словам, “боги ускользали от Варрона”. Больше всего погрешностей пришлось на книгу, где речь шла об “избранных и главных богах”. Варрон писал в ней о богах римского народа (*de diis publicis*), поэтому принятое им ранее трехчастное деление богов здесь отступило на второй план в стремлении автора приурочить всех богов или к Небу или к Земле — двум основным стихиям¹⁵⁹. По всей видимости, значительная часть богов из третьей категории уже присутствовала в первой.

В рамках трехчастной классификации богов, которая стала результатом применения научных методов систематизации материала, широко распространенных в специальной литературе эллинистического времени, у Варрона существовала и другая классификация, основанная на прагматическом подходе. Так, он выделяет богов, имеющих отношение к существованию человека. Этот ряд начинается с Януса и завершается Ненней, воспеваемой при погребении. Затем Варрон, по словам Августина (С.Д. 6.9), переходит к перечислению других богов, относящихся к условиям быта человека, его пище, одежде и всему тому, что необходимо человеку в жизни. Он методично перечисляет, какие обязанности возлагаются на каждого бога и о чем каждому из них надо молиться.

(четырёхколесной повозке), говорит, что это галльский термин, также он говорит, что *lancea* (пика) не латинское, а испанское слово).

¹⁵⁸ *Macrob. Sat.* 3.2.11.

¹⁵⁹ *Aug. C.D.* 7.28: “...quid igitur valet quod... Varro... hos omnes deos in caelum et terram redigere ac referre conatur?” (каков результат того, что Варрон пытается распределить и приурочить всех этих богов к небу и земле?)

Информация такого содержания соседствовала со столь любимыми Варроном этимологическими исследованиями, которые он выполнял с глубоким знанием обоих языков — латинского и греческого¹⁶⁰. Августин предоставляет возможность познакомиться с исследовательской “кухней” Варрона. Он рассказывает, что при объяснении происхождения названия ареопага Варрон отбросил традиционно принимаемую связь этого места с богом Аресом. Взамен отвергнутого объяснения он старается подыскать иное, основанное на сочинениях, не пользующихся известностью¹⁶¹. Значит, Варрон иногда искал основание для своих этимологий не в самой природе слова, а в сочинениях других авторов, то есть выбирал из подходящих, с его точки зрения, чужих вариантов. Поэтому неудивительно, что современники Варрона и последующие поколения антикваров часто критиковали его этимологические построения так же, как он сам критиковал своего учителя Элия Стилона¹⁶². Но столь же часто различные авторы пользовались варроновскими этимологиями¹⁶³.

“О происхождении римского народа”. Даже по небольшим фрагментам, сохранившимся от “Древностей”, можно говорить о грандиозности замысла Варрона и о скрупулезности его исполнения. Это сочинение действительно являлось энциклопедией римской жизни. Оно представляло собой целый мир, имя которому *Pax Romana*. Этот мир создавался в течение веков деятельностью многих поколений не только римлян, но и итальянских народов.

¹⁶⁰ *Gell. N.A. 1.18.3*: Вероятно, что Варрон активно использовал греческие источники, особенно в рассказе об аркадских культах (*Aug. C.D. 18.17*). Ср.: Плиний (*N.H. 8.81–82*) рассказывает о происхождении аркадских культов, ссылаясь на греческих авторов.

¹⁶¹ *Aug. C.D. 18.10*: “...sed contra istam... opinionem aliam quandam de obscurarum notitia litterarum causam... conatur astruere...”

¹⁶² Цицерон (*De nat. deor.*) критиковал предлагаемые Варроном толкования имен богов. Авл Геллий (*N.A. 1.18.4–6*) критиковал неправильные, с его точки зрения, этимологии Варрона.

¹⁶³ *Plut. Rom. 16.7; Aug. C.D. 6.8*.

Варрон запечатлел его в бесчисленных деталях государственной, сакральной, культурной и повседневной жизни. Однако, создав такое гигантское полотно, он неизбежно должен был пристальнее всмотреться в его детали, а значит, начать разрабатывать какую-нибудь одну узкую тему, затронутую в данной большой работе¹⁶⁴. Такие темы стали предметом небольших сочинений, из числа которых в первую очередь следует назвать “О происхождении римского народа” (*De gente populi Romani*).

Это сочинение состояло из четырех книг и, по свидетельству Сервия, заключало рассуждения о том, что заимствовали римляне у других народов¹⁶⁵. Содержание этого сочинения воспроизводит Августин (C.D. 18.2). Варрон начинает свое повествование с Сикионского царства – самого древнего по времени и современного царствованию ассирийского царя Нина. Первыми событиями, о которых рассказал Варрон в первой книге этого произведения, были природные катаклизмы: потоп, случившийся в царствование Огига (*Aug.* C.D. 18.8), и одновременные с ним какие-то процессы, проходившие на Венере и заметные с Земли (*Aug.* C.D. 21.8). Согласно Августину, дальнейшее изложение выстраивалось следующим образом: от сикионских царей Варрон переходил к афинянам, от афинян – к латинам, а от них – уже к римлянам. Августин обозначил, очевидно, самые крупные вехи варроновского повествования, так как из его разрозненных замечаний следует, что, помимо Сикиона, у Варрона речь шла также об Аргосе и его царях (*Aug.* C.D. 18.5). Можно предположить, что история Аргоса заняла в первой книге место между историей Сикиона и Афин.

¹⁶⁴ На это своеобразие творческой манеры Варрона обратила внимание М.Е. Сергеевко, сравнив “Древности” с большим деревом, вокруг которого теснятся “кустарниковые побеги” – небольшие сочинения (*Сергеевко М.Е.* Варрон и его “Сельское хозяйство” Варрон. Сельское хозяйство Пер., коммент. и вступ. ст. М.Е. Сергеевко. М.; Л., 1963. С.4).

¹⁶⁵ *Serv.* Aen. 7.176: “Varro. in libris de gente populi Romani, in quibus dicit, quid a quaque traxerint gente per imitationem”.

Вторая книга заканчивалась событиями вплоть до времени Троянской войны (*Aug. C.D.* 18.13). Далее место действия переносилось в Италию и, наконец, в Рим. Из отдельных замечаний, сохранившихся у Сервия, известно, что в остальных книгах Варрон писал о заселении Авентина сабинянами во времена Ромула (*Aen.* 7. 657), то есть об истории основания и роста Рима, которая дополнялась деталями повседневной жизни этого города. Из них мы знаем только о цирковых состязаниях (*Georg.* 3.18) и о том, как римляне пировали и откуда переняли обычай сидеть за столом (*Aen.* 7.176). В этом сочинении присутствовали и философские рассуждения автора, в частности, о возрождении людей через 440 лет¹⁶⁶. Таким образом, немногочисленные сведения, которыми мы располагаем об этом сочинении Варрона, позволяют сделать следующие выводы: во-первых, материал излагался в нем в хронологической последовательности; во-вторых, история Сикиона, Аргоса и Афин интересовала автора лишь в той мере, в какой народы этих государств оказывали влияние на римлян, прямое или опосредованное, через передачу обычаев и верований.

“О жизни римского народа”. Сочинение *De vita populi Romani* в четырех книгах посвящалось Аттику и являлось продолжением предшествующей работы¹⁶⁷. В этом сочинении Варрон представил картину исторического развития жизни римского народа во всей ее полноте, перемежая свое повествование деталями бытового содержания. Исследователи единодушны в том, что при написании этого сочинения Варрон ориентировался на сочинение Дикеарха Мессенского “Жизнь Эллады”¹⁶⁸. Но в какой мере это сочинение служило ему образцом для подражания, сказать трудно.

¹⁶⁶ *Aug. C.D.* 22.28.

¹⁶⁷ Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 651.

¹⁶⁸ *Dahlmann H.M.* Op. cit. S. 1180; *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 66. О популярности сочинений Дикеарха в среде римской читающей публики свидетельствует Цицерон (*Att.* 2.2.2; 6.2.3; 13.30.3).

“О троянских родословиях”. Сочинение *De familiis Troianis*, скорее всего, появилось на свет в результате изысканий Варрона о древности римских аристократических родов, происходивших от троянской крови¹⁶⁹. Сочинения подобного рода вошли в моду в I в. до н.э. Семейными родословиями знаменитых мужей занимался друг Варрона Аттик, который составил генеалогии Юниев, Клавдиев Марцеллов, Фабиев и Эмилиев¹⁷⁰. Современник Варрона и Аттика Мессала Корвин написал сочинение “О родословиях” (*De familiis*) такого же содержания¹⁷¹.

Трудно сказать, имели ли подобные сочинения что-либо общее с исторической действительностью. Исследователи дописьменной традиции обратили внимание на то, что генеалогии часто выполняли ту же функцию, что и миф: они действовали скорее как “хартин” существующих социальных институтов, чем как надежные исторические свидетельства. Генеалогии были, главным образом, частью устной традиции, что помогало им приспособляться к изменяющимся социальным отношениям. Каждое новое поколение создавало свои генеалогии, что часто вело к замене или даже выпадению собственных имен и целых рассказов¹⁷². Поэтому, когда антиквары брались за воссоздание родословий римских аристократических родов, источником их знаний становились бытовавшие в семьях рассказы о предках, которые, правда, отражали не столько отдаленное прошлое, сколько современное состояние семьи или рода. Единственное, что было укоренено в глубокой древности, это — те культы и священнодействия, которые традиционно исполняли римские аристократичес-

¹⁶⁹ О патрицианских родах “троянского” происхождения см.: Сидорович О.В. Этнический состав римского патрициата ранней Республики // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980. С. 33 сл.

¹⁷⁰ *Nep. Att.* 18.

¹⁷¹ *Plin. N.H.* 35.28.

¹⁷² *Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy . . . Literacy in Traditional Societies* . . . Ed. J. Goody. Cambridge, 1968. P. 33 f.

кие роды. Предпринятые в этом направлении разыскания могли дать возможность действительного проникновения в историю. Очевидно, Варрон сосредоточил свое внимание именно на таких сведениях. Во всяком случае, Сервий, комментируя очередной стих из “Энеиды” Вергилия, подробно останавливается на происхождении священных действий семьи Навдиев, ссылаясь при этом на сочинение Варрона “О троянских родословиях”¹⁷³.

“О латинском языке”. Изучение латинского языка было давней страстью Варрона. Интерес к этому предмету Варрон перенял у своего учителя Л. Элия Стилона, у которого проблемы языка и стиля всегда были в центре внимания. На эту тему Варрон написал несколько работ¹⁷⁴, из которых в нашем распоряжении находится только его труд *De lingua Latina* (“О латинском языке”). Сочинение состояло из 25 книг, но сохранились только шесть, да и те с лакунами и испорченными местами. Тем не менее у современного исследователя репутация Варрона как ученого основана почти исключительно на этом сочинении, поэтому ему должно уделить особое внимание.

По письмам Цицерона можно восстановить историю написания этого сочинения. В июне 45 г. до н.э. Цицерон пишет Аттику о том, что два года назад Варрон известил его о намерении посвятить ему свое сочинение “О латинском языке”¹⁷⁵. То есть намерение посвятить Цицерону это сочинение возникло у Варрона в 47 г. Однако, как уже было сказано, книги II–IV этой же работы Варрон посвятил своему квестору Септимию. Поэтому можно считать

¹⁷³ *Serv. Aen.* 5.704: “...unde Nautiorum familia Minervae sacra retinebat: quod etiam Varro docet in libtis quos de familiis Troianis scripsit”.

¹⁷⁴ Например, *De similitudine verborum* (“О подобии слов”), *De utilitate sermonis* (“О пользе речи”), *De sermone latino* (“Об общеходной латинской речи”). Подробнее о них: *Dahlmann H.* Op. cit. S. 1214–1218.

¹⁷⁵ *Cic. Att.* 13.12.3: “...Varro mihi denuntiaverat magnam sane et gravem προσφώνησιν. Biennium praeteriit...”

вероятным, что Варрон опубликовал книги II–IV до 47 г., то есть до того, как у него возникло намерение адресовать эту работу Цицерону. В то же время нельзя утверждать, что книги V–XXV были посвящены Цицерону, так как Авл Геллий (N.A. 16.8.6) называет только XXIV книгу этого сочинения как посвященную знаменитому оратору. Остальные книги, вероятно, предназначались Марцеллу¹⁷⁶. Цицерон умер в 43 г. до н.э., значит, окончательное издание всего сочинения осуществилось до этого года.

В этом произведении Варрон исследует три проблемы: как слова соотносятся с предметами, как появляются разные формы слов, как слова, соединенные друг с другом по смыслу, выражают идею¹⁷⁷. Структура сочинения была следующей: после вступительной книги на каждую из первых двух частей приходилось по шесть книг и двенадцать книг – на третью часть. Поэтому сохранившиеся книги – это последние три первой части, посвященной этимологии, и первые три второй части, относящейся к словообразованию. Каждая часть исследования, по-видимому, разделялась на теоретические рассуждения и их практическое применение¹⁷⁸.

О содержании первой книги можно только догадываться¹⁷⁹. Но если вспомнить, что, по словам Августина (C.D. 6.3), Варрон обычно начинал свое сочинение с изложения предмета исследования в целом, то можно утверждать, что этого правила он придерживался и в данном случае. О содержании трех последующих утраченных книг (II–IV) Варрон говорит сам: "...в первом томе содержится вопрос о том, что этимология не есть наука и не является практи-

¹⁷⁶ Gell. N.A. 18.12.2: "Varro libris quos ad Marcellum de lingua Latina fecit".

¹⁷⁷ Varro. L.L. 8.1: "...prima pars, quemadmodum vocabula rebus essent imposita, secunda, quo pacto de his declinata in discrimina ierint, tertia, ut ea inter se ratione coniuncta sententiam efferant..."

¹⁷⁸ CAH. Vol. 9. P. 703.

¹⁷⁹ Все предположения на этот счет изложены Г. Дальманном. См.: Dahlmann H. Op. cit. S. 1205.

чески полезной; во втором – что этимология является и наукой, и практически полезной; в третьем – каков характер этимологии как дисциплины”¹⁸⁰. В книгах V–VII Варрон разделяет слова на туземные, иноземные и устаревшие, но предлагает исследовать только туземные, которые, в свою очередь, он разделяет в соответствии с четырехчленной системой, которой он неизменно следовал и в других своих работах. Поэтому туземные слова подразделяются у Варрона на слова, обозначающие места, предметы, находящиеся в этих местах, время и предметы, присутствующие во времени.

В основе такой схемы распределения материала, которой Варрон придерживался в своих сочинениях, лежит пифагорейское представление о бинарном состоянии всех вещей – неподвижности и движения¹⁸¹. Поэтому то, что покоится или движется, является телом, где оно движется – местом, пока оно движется – временем, а само движение является действием. В то же время происхождение четырехчленной схемы некоторые исследователи возводят к стоическим идеям¹⁸². Кроме того, можно утверждать, что Варрон, опираясь на идею стоиков, разделял теорию “естественного” происхождения языка. Согласно этой теории одна тысяча простых слов (*primigenia verba*) отражала природу вещей, которую они обозначали¹⁸³. В то же время Варрон разделяет представление пифагорейцев о том, что

¹⁸⁰ Varro. L.L. 7. 109: “...in primo volumine est quae dicantur, cur ἐτυμολογική neque ars sit neque ea utilis sit, in secundo quae sint, cur et ars ea sit et ut illis sit, in tertio quae forma ethymologiae.

¹⁸¹ Varro. L.L. 5.11: “Pythagoras Samius ait omnium rerum initia esse bina... Quare item duo status et motus...” (Пифагор Самосский утверждает, что все вещи имеют два начала... Поэтому также они имеют два состояния – неподвижность и движение).

¹⁸² Rawson E. The Introduction of Logical Organization in Roman Prose Literature // Rawson E. Roman Culture... P. 330.

¹⁸³ Varro. L.L. 6.37: “...primigenia dicuntur verba... quae non sunt ab aliquo verbo, sed suas habent radices... Quare si quis primigeniorum verborum origines ostenderit, si ea mille sunt, quingentum milium simplicium verborum causas aperuerit una...”

нарекание какого-либо предмета или явления осуществлялось в древности мудрецами¹⁸⁴. Поэтому, если можно говорить о том, что сочинение "О латинском языке" доказывает существование у Варрона целостной лингвистической доктрины¹⁸⁵, вряд ли возможно определить ту философскую основу, на которой она выросла.

Не остался Варрон в стороне и от споров о морфологии языка, происходивших в научной среде эллинистического времени, высказывая, как он обычно делал, аргументы в пользу той или иной школы. Пергамская школа отстаивала лингвистическую аномалию, отражавшую естественный рост языка, тогда как Александрийская считала, что новые слова должны производиться в строгом согласии с принципами аналогии. Основные положения двух школ Варрон обсуждал применительно к латинскому языку¹⁸⁶. В духе Академической традиции он выдвигал аргументы "за" и "против" обеих сторон спора, но свой вклад видел, скорее, в систематизации существовавших знаний¹⁸⁷.

¹⁸⁴ *Varro*. L.L. 8.7: "...et enim illi qui primi nomina imposuerunt rebus fortasse in quibusdam sint lapsi" (даже те, которые первыми дали названия вещам, возможно, ошиблись в некоторых случаях).

¹⁸⁵ *Taylor D.J.* Op. cit. P. 115.

¹⁸⁶ *Varro*. L.L. 10.1: "In verborum declinationibus disciplina loquendi dissimilitudinem an similitudinem sequi deberet, multi quaesierunt, cum ab his ratio quae absimilitudine oriretur vocaretur analogia, reliqua pars appellaretur anomalia" (Многие спрашивают, нужно ли, чтобы во флексиях слов способ речи следовал принципу непохожести или похожести. Это важно, так как из этого развиваются две системы отношений: та, которая развивается из подобия, называется "аналогией", а ее противоположность называется "аномалией").

¹⁸⁷ *Varro*. L.L. 10.1: "De qua re primo libro quae dicerentur cur dissimilitudinem ducem haberi oportet, dixi, secundo contra quae dicerentur cur potius dissimilitudinem conveniret praeponi" (Об этом в первой книге (то есть в восьмой. — О. С.) я привел аргументы, которые выдвинуты в пользу рассмотрения непохожести как подходящего ориентира; во второй книге (то есть в девятой. — О. С.) — те аргументы, чтобы показать, что правильно скорее предпочитать непохожесть).

и занятия средней позиции¹⁸⁸, нежели в создании какой-либо новой теории.

Необходимо остановиться на источниках, которыми пользовался Варрон при написании трактата “О латинском языке”. Выяснение источников Варрона для данного произведения позволит нам одновременно представить круг чтения этого автора, откуда он также черпал необходимую информацию и для других своих почти утраченных сочинений.

Посмотрим для начала, какими именами представлен список греческих авторов. Прежде всего, это философы-стоики: Клеанф, в работах которого затрагивались вопросы развития языка (L.L. 5.9), Хрисипп — глава стоической школы после Клеанфа, который также занимался вопросами лингвистики (L.L. 6.2, 9.1, 10.59), и Антипатр Тарсийский, который возглавлял школу стоиков в первой половине II в. до н.э. (L.L. 6.2). Далее следует назвать грамматиков Александрийской школы: Аристофана (L.L. 5.9) и Аристарха (L.L. 8.69).

Помимо этих философов и грамматиков, о которых Варрон говорит подробнее, чем о других, следует перечислить авторов, которых Варрон упоминает бегло. Это — современник Варрона Аристокл Родосский (L.L. 10.10), Аристотель, у которого Варрон заимствует представление о двух частях речи — существительных и глаголах (L.L. 7.70, 8.11), Аполлодор (L.L. 5.105), Каллимах (L.L. 5.113), Кратес из Маллы, современник Аристарха (L.L. 8.64, 9.1)¹⁸⁹, Диоген — философ, академик из Александрии (L.L. 8.11), Полибий (L.L. 95.113), Софрон (L.L. 5.179), грамматик Гинсикрат (L.L. 5.88), Платон (L.L. 7.37), а также ученики Аристарха — Аполлодор Афинский (L.L. 6.2), Дионисий Сидонский (L.L. 10.10) и Пармениск (L.L. 10.10).

¹⁸⁸ М. фон Альбрехт видит в этом “пифагоризирующее стремление к симметрии и гармонии” (Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 659).

¹⁸⁹ В 169 г. до н.э. Кратес прибыл в Рим во главе посольства пергамского царя Аттала. Подробнее об этом см.: Suet. Gram. 2.

Перечень римских авторов у Варрона выглядит скромнее. В первую очередь отечественная литература представлена именами учителя Элия Стилона и его зятя Сервия Клавдия (L.L. 7.66). Встречаются также имена юристов – Юния Гракхана (L.L. 5.5, 6.95), Муция Сцево-лы-понтифика (L.L. 5.83), Сульпиция (L.L. 5.40); историков – Сизенны (L.L. 8.73), который написал сочинение о Сулле, Кальпурния Пизона (L.L. 5.148, 165), а также сочинение исторического содержания Катона Старшего (L.L. 7.58); поэтов – Энния и Вольния (L.L. 5.55), Валерия Сорана (L.L. 7.31), автора эпиграмм.

Работы остальных авторов сложнее отнести к какому-либо определенному жанру. В их числе – Аврелий Опилл (L.L. 7.67, 70), Корнелий (L.L. 7.39), вероятно, Корнелий Эпилад – вольноотпущенник Суллы, Манилий (L.L. 7.16, 28), которого следует отождествить с сенатором Луцием Манилием, написавшим в 97 г. до н.э. сценку под названием “О птице Фениксе” (*De ave Phoenice*)¹⁹⁰; по-видимому, этот же автор скрывается под именем какого-то Манлия (L.L. 5.31); далее следует назвать Папиния (L.L. 7.28) и Порция Лициния (L.L. 5.163), который был известен около 100 г. до н.э.

Без указания конкретных имен Варрон ссылается на толкователей глоссем (L.L. 7.34). Но наибольший интерес среди источников римского происхождения представляют документы: комментарии магистратов (L.L. 6.86, 88), законы XII Таблиц (L.L. 5.140), книги авгуров (L.L. 7.51), гимны салнев (L.L. 9.61)¹⁹¹.

Грандиозный объем информации, полученной от самых разнообразных авторов, тем не менее, не дает оснований считать Варрона неоригинальным исследователем. Чужие мнения не довлеют над ним и не заслоняют его собственных наблюдений, по числу которых Варрона иногда

¹⁹⁰ Opere di Marco Terenzio Varrone. A cura di A. Traglia. Torino, 1974. P. 254. n. 32.

¹⁹¹ О сведениях, содержащихся в книгах жрецов, см. главу 1 настоящей работы.

сравнивают с Аристотелем¹⁹². К своим источникам Варрон относится разумно. Особенно это заметно при изложении им спора между сторонниками аналогии и аномалии. В отличие от Цезаря, который написал две книги “Об аналогии”¹⁹³, а значит, отстаивал рационалистический принцип в языке, защищая единообразие грамматических форм, Варрон стоял на нейтральной почве, допуская существование обоих принципов при образовании новых слов – аналогии и аномалии.

Все, что мы знаем о структуре самых крупных работ Варрона – “Древности” и “О латинском языке”, – позволяет нам, вслед за Э. Роусон, утверждать, что они были шедеврами римского духа систематизации¹⁹⁴. Действительно, систематизации у Варрона подвергается любой объект исследования. Он педагогично распределяет материал по основным разделам, а их, в свою очередь, делит на подразделы и подподразделы. Но не всякий объект исследования легко подвергается систематизации. Поэтому часто у Варрона можно встретить систематизацию ради систематизации, насильно навязанную предмету исследования¹⁹⁵.

“Гебдомады”. Последующие поколения римских грамматиков и антикваров сохранили об этом сочинении Варрона еще меньше сведений, чем о тех, которые рассматривались выше. Недостаток сведений естественно породил различные представления относительно этой работы Варрона, что отразилось и в современной исследовательской литературе. Гебдомады либо относят к числу самостоятельных сочинений, либо считают, что под этим заглавием скрывается все наследие Варрона, которое он упорядочил,

¹⁹² Помяловский И. В. Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура. СПб., 1869. С. 88.

¹⁹³ Suet. Caes. 56.5.

¹⁹⁴ Rawson E. The Introduction of Logical Organization... P. 328.

¹⁹⁵ Подобные случаи встречаются в трактате Варрона “О сельском хозяйстве”, уже исследованы. См.: Skydsgaard J. E. Varro the Scholar. Analecta Romana. Instituti Danici. Suppl. 4. Copenhagen, 1968. P. 11 ff.

разделив на 70 гебдомад (*hebdomadas*) – 70 сборников, каждый из которых состоял из семи книг. Распределение Варроном своих сочинений по блокам основывалось на принципах аритмологии его учителя, философа Антиоха Аскалонского, который занимался, в том числе, трактовкой понятия гебдомад¹⁹⁶. Чтобы хоть немного разобраться в этой проблеме, необходимо еще раз обратиться к немногочисленным свидетельствам – прямым и косвенным, сохранившимся у других авторов, которые дают представление о структуре и содержании этого произведения.

Начнем с описания варроновского сочинения, которое сохранилось у Авла Геллия (N.A. 3.10.1–16). Отрывок представляет собой извлечение из первой книги этого сочинения. Прежде всего, выясняется, что работа имела двойное название: *Hebdomades vel de imaginibus* (“Гебдомады, или О портретах”). Далее, судя по всему, первая книга являлась введением ко всему сочинению, в которой говорилось о преимуществах числа семь. Геллий приводит даже заимствованные у Варрона примеры о гебдоме как основе строения некоторых созвездий, о наличии семи небесных кругов и т. д. Наконец, в этой же книге Варрон разделил на гебдомады прожитые им годы и подсчитал, что в момент написания этой книги он вступил в 12-ю гебдому своего возраста и что к этому времени он создал 70 гебдомад книг¹⁹⁷. Это замечание указывает, во-первых, на то, что Варрон приступил к написанию сочинения на 78-м году жизни, то есть в 39–38 г. до н.э. Во-вторых, в этом возрасте Варрон подвел своеобразный итог своей творческой деятельности: так же, как и свою жизнь, он разделил написанные им к этому времени книги на 70 гебдомад, что составило 490 “томов”. Разделение всего, что привлекает его внимание, на семизначные периоды отражает увлечение Варрона пифагорейзмом, особенно проявившееся на склоне лет. Но самое примечательное то, что гебдомадами

¹⁹⁶ Подробнее об этом см.: Grilli A. Sul numero sette Studi su Varrone... P. 219.

¹⁹⁷ Gell. N.A. 3.10.17.

называлось как отдельное сочинение Варрона с подзаголовком “О портретах”, так и полное собрание его трудов.

В письме к Аттику, датированному ноябрем 44 г. до н.э., Цицерон напоминает другу о том, что тот одобрил “Пеплографию” Варрона¹⁹⁸. На выбор названия произведения повлиял афинский обычай приносить в праздник Панафиней в дар богине Афине Палладе пеплос – одеяние, расшитое и украшенное изображениями из мифологии и истории. А значит, речь может идти о сочинении, в котором Варрон поместил жизнеописания выдающихся деятелей. Но если Авлу Геллию во II в. н.э. это сочинение известно под другим названием – “О портретах”, значит, Варрон изменил название произведения в окончательной редакции, а начал он работать над “Портретами” еще до 44 г. до н.э.

На появление “сильной страсти к портретам” в римском обществе того времени впоследствии обратил внимание Плиний Старший. Авторами подобных изданий Плиний назвал Аттика и Варрона¹⁹⁹. Обычно считается, что инициатором создания подобных сочинений был Атик, Варрон же подхватил творческое начинание своего друга²⁰⁰. Но уже упомянутое письмо Цицерона к Аттику позволяет говорить о том, что оба друга работали над аналогичными произведениями одновременно. Побудительным мотивом для Варрона к сбору материалов о выдающихся представителях различных областей культуры могла стать полученная от Цезаря должность организатора национальной библиотеки²⁰¹. Правда, Цицерон оказался равнодушным к подобным занятиям своих друзей²⁰².

¹⁹⁸ Cic. Att. 16.11.3.

¹⁹⁹ Plin. N.H. 35.11. Это свидетельство Плиния согласуется с тем, что известно из биографии Аттика у Корнелия Непота (Nep. Att. 18).

²⁰⁰ Корнелий Непот. Указ. соч. С. 114. Примеч. 28.

²⁰¹ Dahlmann H. Op. cit. S. 1227.

²⁰² Cic. Att. 16.11.3: Πεπλογραφίαν Varronis tibi probari non moleste fero (твое одобрение “Пеплографии” Варрона не огорчает меня). Значит, Атик ожидал иной реакции Цицерона на это увлечение Варрона.

В памяти потомков сочинение Варрона осталось как затмившее аналогичную работу Аттика. Объяснить такое долголетие варроновского сочинения можно только, представив себе его содержание. По каталогу Иеронима сочинение состояло из 15 книг, а Плиний уточняет, что в нем содержались портреты 700 известных людей. Под каждым портретом была сделана подпись в форме эпитаграммы²⁰³. Кроме того, Геллий (N.A. 3.11) сообщает, что уже в первой книге помещались изображения, в частности, Гомера и Гесиода. Там же шла речь о родине Гомера. Геллий даже процитировал эпитаграмму, сопровождавшую портрет Гомера. Это свидетельство Геллия, во-первых, нарушает наше представление о первой книге как вводной ко всему сочинению. Поэтому, либо он ошибся в номере книги, либо первая книга уже содержала, помимо введения, портреты знаменитых людей²⁰⁴. Во-вторых, можно утверждать, что основным в этом сочинении Варрона был прозаический текст, содержащий разнообразную информацию о знаменитых мужах, дополнявшуюся их портретами, которые сопровождались двустишиями²⁰⁵. Все это позволяет считать "Гептомады" историко-литературной энциклопедией, которая состояла из двух частей – литературной и иконографической.

Авторы более позднего времени сохранили лишь частичный перечень лиц, которые попали в варроновские портреты. Симмах (Ep. 1.4.1) называет из греков – Пифагора, Платона, Аристотеля, из римлян – Курция, обоих Катонов, род Фабиев и Сципионов. Геллий – Гомера и Гесиода. Иоанн Лид (De mag. 1.12) называет Энея, причем отмечает, что

²⁰³ *Symm.* Ep. 1.2.2: "...scis... Terentium... hebdomadum libros epigrammatum adiectione condisse" (ты знаешь, что Теренций составил книги гептомад, добавив эпитаграммы).

²⁰⁴ Последнее предположение принял Мерклин, который считал, что в первой книге уже содержались 14 портретов – семи греческих и семи римских мужей – родоначальников известных отраслей человеческой деятельности. См.: *Dahlmann H.* Op. cit. S. 1228.

²⁰⁵ См. двустишие под портретом Гомера у Авла Геллия (N.A. 3.11.).

Варрон описал даже его вооружение, основываясь на изображении героя, высеченном на белом мраморе, которое он видел в районе Альбы. У Плиния сохранились два списка — семи врачей (N.H. 26.10–12) и скульпторов (N.H. 34.54–71). Нет оснований отвергать то, что все эти имена и хронологический порядок их перечисления заимствованы из “Портретов” Варрона. Геллий (N.A. 17.4.3) со ссылкой на Варрона рассказывает о том, что великий афинский трагик Еврипид победил только в пяти состязаниях, хотя написал 75 трагедий. Геллий не называет сочинение Варрона, которое послужило ему источником, однако у нас нет веских оснований сомневаться в том, что этот рассказ также заимствован им из варроновских “Портретов”.

Все известные нам сведения из источников раскрывают причину популярности этого сочинения Варрона у потомков. При общности замыслов друзей их реализация оказалась более грандиозной у Варрона, чем у Аттика. Атик составил сборник портретов лишь доблестных римских мужей, воспев в стихах величие их подвигов. Энциклопедизм Варрона позволил ему собрать воедино лучшие достижения греко-римского мира во всех областях человеческой деятельности, тем самым продемонстрировав культурно-историческое единство этого мира. Но и это не все. Изображения великих людей прошлого у Аттика и Варрона, очевидно, были сделаны на основе различных технологических приемов. Из уже упомянутого свидетельства Плиния можно заключить, что Варрон изобрел какой-то неизвестный нам способ создания портретных изображений и одновременно их тиражирования, что позволило разослать их по всем странам, чтобы “они могли быть везде подобно богам”. Возможно, что у Плиния речь идет об изобретении Варроном какого-то механизма²⁰⁶. Если вспомнить об ин-

²⁰⁶ Плиний (N.H. 35.11) говорит, что Варрон сделал весьма полезное изобретение, ибо поместил 700 изображений знаменитых людей. Здесь же он называет Варрона изобретателем дара, которому позавидовали бы даже боги: он не только даровал изобретениям бессмертие, но и разослал их по всем странам.

женерных проектах, которыми Варрон увлекался в молодости во время военных кампаний Помпея, то подобное предположение покажется не таким уж смелым.

“Логисторики”. Трудно представить себе содержание работы Варрона под названием *Logistorici*. О ней в наших источниках сохранилось слишком мало сведений. Исследователи творчества Варрона прежде всего обращают внимание на необычное название этого сочинения и справедливо считают его изобретением самого автора²⁰⁷. Такой “кентавр” действительно мог родиться только в результате увлечения римского эрудита этимологическими изысканиями. Обычно исследователи не сомневаются в том, что введенный Варроном в латинский язык термин является греческим по своему происхождению и соединяет в себе два греческих существительных – λόγος и ἱστορία. Первое означает “речь”, “разговор” или “рассуждение”, второе – “повествование”²⁰⁸. Одинаковые представления о значении названия сочинения порождали различные взгляды на его жанр. Одни определяли его как соединение речей и повествования²⁰⁹, другие – как диалог, похожий на цинероновский, с той лишь разницей, что в нем в отличие от цинероновского диалога истории отводилось более значительное место²¹⁰.

Авл Геллий дважды обращается к логисторику Варрона под названием *Catus vel de liberis educandis* (“Кат, или О воспитании детей”). В первом случае Геллий (4.19.1–2) приводит отрывок, из которого явствует, что говорит сам Варрон о вреде избыточной пищи для малень-

²⁰⁷ Zucchelli B. Sui Logistorici di Varrone Studi su Varrone... Vol. 2. P. 588.

²⁰⁸ От этих взглядов отличается точка зрения Дж. Рольфа, который увидел в термине *logistoricus* – *logistorica* два составляющих его компонента: *longa* и *historia*, то есть воспринимал значение этого термина как “пространная история”. См.: The Attic Nights of Aulus Gellius. Trans. J.C. Rolfe. Cambridge, 1970. Vol. 1. P. 372. n. 1–2.

²⁰⁹ Помяловский И.В. Указ. соч. С. 99.

²¹⁰ Zucchelli B. Op. cit. P. 592.

ких детей. Во второй раз он возвращается к этому сочинению, заимствуя из него термин *sculna* (посредник). Этот небольшой отрывок из сочинения Варрона позволяет предположить в нем наличие диалога между Катом – эпонимным персонажем логисторика – и неким Лавинием, который в данной ситуации высказывает свое мнение о “посреднике” аналогичное авторскому²¹¹.

Думается, что к числу логисториков можно отнести упомянутые Геллием сочинения Варрона “Сизенна, или Об истории”²¹², “Орест, или О безумии”²¹³ “Пий, или О мире”²¹⁴. Отсюда следует, что “Логисторики” представляли собой сборник, состоявший из отдельных сочинений, посвященных определенной теме и имевших двойное название. В заглавие выносилось имя эпонимного персонажа, который должен был своим рассказом демонстрировать основную идею, также вынесенную в заголовок.

Письма Цицерона к Аттику за май–июнь 44 г. до н.э. позволяют не только говорить о времени начала работы над “Логисториками”, но и представить себе жанр сочинений, вошедших в состав этого необычного сборника. В письме, датированном октябрём 44 г., Цицерон говорит о каком-то диалоге Варрона, написанном в духе Гераклида²¹⁵. Это сочинение Цицерон получил только в ноябре того же года. Вещь показалась ему остроумной и доставила большое удовольствие²¹⁶. Еще одно письмо проясняет то, что сочинения “в духе Гераклида” были очень попу-

²¹¹ *Gell. N.A.* 20.11.4: “*“sculnam” autem scriptum esse in Logistorico M. Varronis, qui inscribitur Catus, idem Lavinius in eodem libro admonet*”.

²¹² *Gell. N.A.* 16.9.5: “*Sisenna vel de Historia*”.

²¹³ *Gell. N.A.* 13.4.1: “*Orestes aut de Insania*”

²¹⁴ *Gell. N.A.* 18.8: “*Pius aut de Pace*”.

²¹⁵ *Cic. Att.* 15.13.3: “*Varronis dialogon exspecto. Non improbo geracleideion, praesertim cum tu tanto opere delectere*” (жду диалога Варрона: сочинение в духе Гераклида я уже одобряю, особенно раз оно доставляет тебе такое удовольствие. – *Пер. В.О. Горюхиной*).

²¹⁶ *Cic. Att.* 16.12.

лярны в Риме в то время, и Атик даже предложил своему другу написать нечто подобное в защиту Брута и его дела²¹⁷.

Конечно, отождествление варроновых диалогов, напоминающих сочинения Гераклида, с “Логисториками” является проблематичным. Тем более опрометчиво утверждать, что они были полностью гераклидовскими. И все же мы не отказываемся от возможного сходства на том основании, что нам известно о сочинениях Гераклида Понтийского, ученика Платона.

Диоген Лаэртский сохранил полный список работ Гераклида, которые представлены главным образом этическими диалогами. Среди названий встречаются двойные, с вынесением в заголовок имени главного действующего лица диалога, как, например, “О любви, или Клиний”, “О виitivityстве, или Протагор”²¹⁸. Далее Диоген обращает внимание на стиль этих диалогов: одни написаны на комедийный лад, другие – на трагедийный. Смешанный слог присутствует там, где беседу ведут философы, военачальники и государственные мужи. Но в любом случае речь Гераклида “разнообразна, возвышенна и способна волновать сердца”²¹⁹.

Какие-то диалоги Варрона, названные Цицероном гераклидовскими, могли быть таковыми только при наличии в них определенных характерных черт. Такой единственной характерной чертой могла быть связь между главным героем диалога и темой, которую он развивает²²⁰. К числу гераклидовских, несомненно, относились и другие особенности – участие в диалогах исторических деятелей, беседующих в дискурсивной манере, и двойное название сочинений.

Как уже отмечалось, отождествление “Логисториков” с диалогами в стиле Гераклида хотя и возможно, но не

²¹⁷ Cic. Att. 15.4.3.

²¹⁸ Diog. Laert. 5.87–88.

²¹⁹ Diog. Laert. 5. 88–89.

²²⁰ Это утверждение Р. Хайстерхагена (R. Heisterhagen) развивает Б. Цукелли (Zucchelli B. Op. cit. P. 598 ss.).

бесспорно. Поэтому попытаться определить жанровую принадлежность “Логисториков”, несомненно, можно, только еще раз обратившись к этимологии названия этого сочинения. Как свидетельствует употребление этого слова в произведениях поздних латинских авторов – Авла Геллия и Сервия – оно использовалось, прежде всего, как прилагательное мужского рода единственного и множественного числа. Оно, безусловно, состояло из двух компонентов, которые можно представить следующим образом: λόγος и ἱστορικός. Первое понятие означает “речь”, “суждение”, второе переводится как “касающийся истории”, “сведущий”, а значит, термин *logistoricus* можно толковать как историю в широком смысле слова, изложенную путем разных речей – логосов, сведенных воедино по одному предмету, то есть как суждение сведущего в определенном вопросе человека, имя которого выносилось в название произведения. Повествование состояло из высказываний, относящихся к различным аспектам темы, обозначенной в заглавии, и представляло собой свод всевозможных сведений по этому вопросу. Поэтому между речами персонажей могло не быть четкой взаимосвязи. Единственным связующим звеном в повествовании являлась тема беседы, которая касалась бытовых или философско-этических проблем. Тот факт, что в центре сочинения стояла образцовая личность главного героя, делал его похожим на произведения Гераклида. Подытоживавшее беседу суждение вкладывалось в уста эпонимного персонажа. И все же такие сочинения мало походили на цicerоновские диалоги, как “Катон” или “Лелий”, разве что названием. Цицерон не знал такого названия, как “Логисторики”, возможно потому, что термин появился уже после его смерти. Варрон же начал работать над отдельными произведениями в 44 г. до н.э. Их жанр действительно чем-то напоминал гераклидовский, но столь же существенно от него отличался. Поэтому, собрав все написанные на отдельные темы сочинения, Варрон объединил их под новым общим заголовком, отказавшись от некогда предложенного Цицероном. По всей видимости, Варрон также не стремился подражать своему другу, ре-

шив создать нечто новое²²¹. Или попытка не увенчалась успехом, или в новом жанре вообще не было надобности, но ни термин, ни форма изложения, предложенные Варроном, не закрепились в латиноязычной прозе.

Литературная деятельность Варрона продолжалась до последних дней его жизни²²². На 80-м году он писал трактат о земледелии²²³ и не потерял свежести мысли. На 88-м году он пишет какое-то медицинское сочинение, которым пользовался Плиний (N.H. 29.65).

Варрон снискал большое уважение у своих современников. Азиний Поллион – полководец и историк – основал в Риме библиотеку, в которой поставил Варрону при жизни статую²²⁴. Современники оценили подвижнический труд Варрона по сохранению “живой” истории римского народа, истории, запечатленной в священных постройках, собранных и классифицированных знатоком древностей²²⁵. Варрон также слыл бесспорным авторитетом в области толкования различных терминов, происходивших из официального языка римских магистратов, который сохранил в силу своей консервативности большое число мало понятных даже для юристов формул. Авл Геллий передает показательный в этом отношении рассказ о том, как Сервий Сульпиций, хорошо образованный человек (*vir bene litteratus*) и сведущий в гражданском праве (*iuris civilis auctor*)²²⁶, попросил Марка Варрона объяснить значение

²²¹ О том, что Варрон не стремился слепо следовать какой-то определенной модели говорит также Б. Цуккелли (Ibid. P. 601).

²²² Val. Max. 8.7.3: “...in eodem enim lectulo et spiritus eius et egregiorum operum cursus extinctus est” (ибо на ложе одновременно угасло и его дыхание и завершилось создание выдающихся трудов).

²²³ Varro. R.R. 1.1.1. Plin. N.H. 18.23. Плиний говорит, что Варрон начал писать о земледелии на 81-м году.

²²⁴ Plin. N.H. 7.115.

²²⁵ Aug. C.D. 3.17.

²²⁶ Сервий Сульпиций Руф – друг Цицерона, который, по его словам (Brut. 152), один знал теорию права.

термина, который использовался в цензорских книгах (*in censoriis libris*)²²⁷.

I в. до н.э. в Риме был богат на имена знаменитых людей: полководцев, ораторов, поэтов и историков. Витрувий назвал имена трех римлян, которые, с его точки зрения, внесли вклад в различные области знаний: Лукреций – в философию, Цицерон – в риторику, Варрон – в языкознание²²⁸. Но энциклопедической ученостью отличались только два человека – Марк Теренций Варрон и Публий Нигидий Фигул. Авл Геллий неоднократно называл их “наиболее учеными из всех римлян”²²⁹ и столпами (*columina*) римского энциклопедизма²³⁰. Причем Геллий всегда подчеркивал, что первенство среди них принадлежит Варрону²³¹. Лидерство Варрона, с точки зрения Геллия, основывается на практическом значении его сочинений. Это объясняет большую востребованность работ Варрона у потомков по сравнению с сочинениями Нигидия Фигула. Квинтилиан (*Inst. orat.* 10.1.95), характеризуя научное наследие Варрона, подчеркивал его практическую значимость: все сочинения Варрона учат знаниям, а не красноречию. На практическую направленность работ Варрона обратил

²²⁷ *Gell. N.A.* 2.10.1. Речь идет о выражении *Favisae Capitolinae* (капитолийские подземные хранилища). Варроновское объяснение этого термина приводит Геллий (*N.A.* 2.10.3).

²²⁸ *Vitruv. De arch.* 9. Praef. 17: “...item plures post nostram memoriam nascentes cum Lucretio videbuntur velut coram de rerum natura disputare, de arte vero rhetorica cum Cicerone, multi posterorum cum Varrone conferent sermonem de lingua latina” (также многие, рожденные после нас, будут, по-видимому, исследовать с Лукрецием, как будто лично, природу вещей, или с Цицероном искусство риторики; многие наши потомки будут беседовать с Варроном о латинском языке).

²²⁹ *Gell. N.A.* 4.16.1: “...viros Romani generis doctissimus...”

²³⁰ *Gell. N.A.* 19.14.1.

²³¹ *Gell. N.A.* 19.14.1; 4.9.1: “...homo (Nigidius Figulus. – О. С.) ... iuxta M. Varronem doctissimus...” он (Нигидий Фигул. – О. С.) – наиболее ученый человек после Марка Варрона).

внимание и Августин (С.Д. 6.2). Собранные римским эрудитом фактические сведения, по его словам, обогащают занимающегося свободными науками (*eruditio liberalis*). Кроме того, сочинения Варрона отличались большей ясностью и не страдали чрезмерной утонченностью, которая привела к раннему забвению трудов его современника Нигидия Фигула.

Но самое главное – это то, что книги Варрона не только были известны, но и широко использовались еще во II в. н.э.²³² Это утверждение Геллия явно не согласуется с тем, что известно о гибели сочинений Варрона и его библиотеки во время проскрипций, объявленных Антонием. Можно предположить, что речь идет о гибели тех свитков, которые хранились в касинском поместье Варрона. Среди них могли быть как сочинения самого Варрона, так и приобретенные им книги греческих и римских авторов. В то же время библиотечные экземпляры его сочинений, а также свитки из частных собраний остались нетронутыми. Во всяком случае, некоторыми сочинениями Варрона располагал Авл Геллий и знал их не понаслышке (N.A. 13.31.2). Когда теряются следы произведений Варрона, сказать трудно. Иоанн Лид – византийский автор VI в. – иногда ссылается на Варрона, но признается в том, что не видел его книг²³³.

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВАРРОНА

Книги, которыми начиналось каждое собрание “Древностей”, содержали в обобщенной форме взгляды Варрона на человеческую и божественную природу. Они

²³² Gell. N.A. 19.14.2: “...sed Varronis quidem monumenta rerum ac disciplinarum, quae per litteras condidit, in propatulo frequentique usu feruntur...” (ученые записи Варрона, которые он оставил в письменной форме, используются публично и повседневно).

²³³ Lyd. De mag. 3.74: “ἐγὼ δὲ τοὺς βιβλοῦς οὐκ ᾔδειν” (я же этих книг еще не видел).

передают представления автора, которые можно назвать философскими и теологическими взглядами. Но, прежде всего, следует задаться вопросом, правомерно ли говорить о теологических взглядах ученого, сформировавшегося в лоне языческой культуры, в которой религия была частью философии? В научной литературе можно встретить утверждение о том, что Варрона вообще нельзя называть теологом (в противном случае он писал бы сначала о богах и только потом о людях), либо, в крайнем случае, его можно причислить к разряду "рациональных теологов"²³⁴. Для оценки этих точек зрения следует обратиться как к самому Варрону, так и к тем авторам, в сочинениях которых отразилось развитие взглядов на природу божественного.

Первым в хронологическом порядке следует назвать Плутарха, отрывок из "Моралий" которого интересно представить читателю²³⁵. По словам одного из участников диалога, все понятия, которыми оперирует человек, обращаясь к описанию мира богов, происходят из трех источников: мифотворчества, законодательной практики и рациональных толкований. Поэтому творцами этих представлений являются поэты, философы и законодатели, которые формируют представления человека о богах. Поэзия такого рода у Плутарха связывается с именем Гесиода, философия – с именем Платона, а законодательная деятельность – с именем Солона. Все трое сходятся во мнении, что боги существуют, но при трактовке конкретных вопросов их взгляды расходятся.

Следующим источником, содержащим сведения о взглядах Варрона на богов, является сочинение Тертуллиана "К язычникам". Из этого произведения мы узнаем, что Варрон различает три вида богов: физический, о котором рассказывают философы, мифический, бытующий среди поэтов, и народный, принятый определенным наро-

²³⁴ *Catalano P.* Op. cit. P. 448. № 12. Автор приводит ссылки на литературу.

²³⁵ *Plut. Amatorius* 763 B–F.

дом²³⁶. Тертуллиан также утверждает, что это разделение богов установил сам Варрон, но источником ему послужили **все** существовавшие до него сочинения²³⁷. Представления о трех видах богов, о которых говорит Тертуллиан, породили три соответствующие им теологические системы, которые должны были объяснить и обосновать необходимость почитания тех или иных богов.

Суть трех теологических систем, представлявших собой три различные, хотя во многом совпадающие, учения о божественном, изложил Августин, не отступая от текста Варрона. Согласно Варрону (*Aug. C.D.* 6.5), существует три рода теологии: первый – мифологический (*genus mythicum*), свойственный поэтам, которые рассказывали много неправдоподобного о богах; второй – физический (*genus physicum*), который представлял рассуждения философов о богах; третий – гражданский (*genus civile*), который должны знать граждане и особенно государственные жрецы, так как эта разновидность теологии хранила знания о государственных богах и о совершавшихся для них обрядах и жертвоприношениях. Каждый из трех видов теологии имеет свою сферу распространения: мифологическая приспособлена к театру, физическая – к миру, гражданская – к городу (*Aug. C.D.* 6.6).

Как явствует, оба апологета согласуются в своих показаниях. Расхождение между ними начинается тогда, когда речь заходит об источнике трехчленной теологии Варрона. Августин (*C.D.* 4.27) считает, что Варрон заимствовал это деление у понтифика Сцеволы. С представлениями Сцеволы Августин познакомился в письменных памятниках (*in litteris*). Сцевола делил богов на три рода: один был создан поэтами, другой – философами, третий – госу-

²³⁶ *Tertul.* *Ad nat.* 2.1.10: "...tipicili enim genere deorum cenum distinxit: unum esse physicum, quod philosophi retractant, aliud mythicum, quod inter poetas volutetur, tertium gentile, quod populi sibi quique adoptaverunt".

²³⁷ *Tertul.* *Ad nat.* 2.1.8: "...qui Rerum Divinarum **ex omnibus retro digestis** commentatus..."

дарственными властями. В таком случае, беря за основу предложенное Сцеволой трехчастное деление богов, Варрон идет дальше, приводя в соответствие с каждым родом богов бытовавшие о них представления. Этот шаг, сделанный Варроном, несомненно позволяет говорить о наличии у него определенной теологической концепции. Поэтому перед нами сразу же встает вопрос об источниках теологии Варрона.

Согласно Августину, как мы видели, взгляды Варрона непосредственно восходят к понтифику Сцеволе. Здесь имеется в виду Квинт Муций Сцевола – великий понтифик и консул 95 г. до н.э., павший в 82 г. от руки убийцы. То есть римский источник концепции Варрона назван Августином вполне определенно. Но, как мы помним, Тертуллиан говорит о том, что Варрон создал свою теологию, проработав **все** существовавшие до него сочинения. Августин (С.Д. 6.12) дает возможность говорить о том, что в число всех этих сочинений входили как латинские, так и греческие. В последних уже содержалось распределение существовавших ко времени Варрона теологических построений на три вида. Причем именно греки определили эти теологии как мифологическую, физическую и политическую, что в латинском языке соответствовало баснословной, естественной и гражданской. Терминология, которой пользовался Варрон при определении трех родов теологии, представляет собой смешение греческой и латинской: в названии первых двух родов он следует греческим терминам (мифологическая и физическая теологии), а третий называет по-латыни гражданской²³⁸. Присутствие греческой терминологии свидетельствует о прямом или опосредованном использовании греческих источников. Остается установить, каких.

Выяснению греческих источников трехчленной теологии Варрона посвящена обширная литература²³⁹. Про-

²³⁸ Aug. С.Д. 6.5.

²³⁹ Историкография изучения проблемы изложена в статье: Lieberg G. Die "theologia tripartita" in Forschung und Berzeugung // ANRW. B.; N.Y., 1973. Bd. 1.4. S. 63–106.

исхождение трехчленной схемы, как правило, возводили к стоикам, прежде всего, к Панетию. Свой вклад в оформление этой идеи, по мнению некоторых исследователей, внес и Посидоний. В конечном итоге развитие трехчленной теологии представлялось следующим образом: от Панетия и Посидония – к Сцеволе и Варрону. Появление стоика Панетия у истоков доктрины вносило коррективы в свидетельство Августина о Сцеволе Понтифике как ее римском адепте. Так, было обращено внимание на то, что Сцевола Понтифик, упомянутый Августином, не имел никакого отношения к Панетию, тогда как его дядя Квинт Муций Сцевола Авгур, который умер в 88 г., был слушателем и другом Панетия²⁴⁰. Г. Сцемлер считает, что пассаж из сочинения Августина о трех видах богов восходит к стоическим идеям, бытовавшим в кружке Сципиона Младшего²⁴¹. Значит, Г. Сцемлер косвенно относит авторство этой идеи к Сцеволе Авгуру, который был членом Сципионовского кружка. Философ Панетий также принадлежал к этому «штабу римских стоиков»²⁴². Впоследствии это представление перенял Варрон, цитату из сочинения которого в данном случае приводит Августин. Отечественные историки, в той или иной мере затрагивавшие вопрос о римских источниках трехчленной теологии, разделились на два лагеря. Автором идеи называют либо Сцеволу Понтифика²⁴³, либо Сцеволу Авгура²⁴⁴. Действительно, Цицерон свидетельствует о том, что Квинт Муций Сцевола Авгур был

²⁴⁰ Эта точка зрения принадлежит К. Райнхардту. Подробнее о ней см.: Ibid. S. 71 f.

²⁴¹ Szemler G.J. Religio, Priesthoods and Magistracies in the Roman Republic // Numen. 1971. Vol. 18 (2). P. 127.

²⁴² Это выражение принадлежит Н.Н. Трухиной. См.: Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 121.

²⁴³ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 8.

²⁴⁴ Бобровникова Т.А. Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния Ius antiquum. Древнее право. 1997. № 1(2). С. 44.

другом и учеником Панетия²⁴⁵. Однако Г. Либерг, тщательно проанализировав основную литературу о трехчленной теологии, вышедшую начиная с XVIII в., авторитетно заметил, что нет никаких оснований говорить о Панетии как об основателе теории трехчастного деления религии²⁴⁶.

Интересно также обратить внимание на следующее обстоятельство. Тертуллиан сообщает, что Дионисий Стоик делил богов на три разряда: видимые, невидимые и те, кто стал богами, перейдя из человеческого состояния²⁴⁷. Идентифицировать этого Дионисия крайне сложно. Им мог быть Дионисий Киренский – ученик Панетия, а мог быть и философ, лекции которого слушал Аттик во время своего обучения в Афинах²⁴⁸. Но в любом случае это свидетельство Тертуллиана позволяет усомниться в том, что трехчленная теологическая схема в том виде, в каком ее извлек Августин из сочинения Варрона, принадлежит исключительно стоической философской школе.

Попытки упорядочить сонм бесчисленных богов предпринимались во многих философских школах. Свой вклад в систематизацию божеств внесла, например, Древняя Академия. Ксенократ – глава этой школы с 339 г. до н.э. – делил богов на два разряда: происходящих от Неба и Земли. Аркесилай – основатель Средней Академии – развил этот тезис. Он утверждал, что божество тройственно по форме: олимпийцы, звезды и титаны, произошедшие в свою очередь от Неба и Земли²⁴⁹. Поэтому мы вправе присоединиться к точке зрения Г. Либерга, что трехчастное деление богов, а значит и различных представлений о них, следует воспринимать как универсальную форму мышления, с помощью которой греческая философия пыталась

²⁴⁵ Cic. De orat. 1.45, 75.

²⁴⁶ Lieberg G. Op. cit. S. 106.

²⁴⁷ Tertul. Ad nat. 2.2: "...trifariam deos dividat... quae in promptu sit, quae non compareat, quae de hominibus ad divinitatem transisse dicitur".

²⁴⁸ Этого Дионисия Стоика упоминает Цицерон (Tusc. Disp. 2.26).

²⁴⁹ Tertul. Ad nat. 2.2.

систематизировать религиозные представления²⁵⁰. Стремление приписать возникновение трехчленной теологической схемы какому-либо философу или школе оказывается бесперспективным.

Что касается обоих Сцевола как возможных римских источников Варрона, то в этом вопросе следует положиться на свидетельство Августина. Необходимо также учитывать то, что в семье Сцевола связь с римским культом, а значит с разработкой теологических вопросов и изучением права, была наследственной²⁵¹.

От Тертуллиана (*Ad nat.* 2.9) мы узнаем, что Варрон разделил **римских** богов на три рода: известных (*certos*), неизвестных (*incertos*) и избранных (*electos*). Значит, уже упомянутое деление богов на мифологических, физических и гражданских относилось к греко-римскому пантеону в целом. Боги римского пантеона разделялись на основании иного принципа. “Боги известные” изначально были богами, “неизвестные” первоначально были людьми и лишь после смерти причислены к богам, наконец, боги “избранные” — это те, которые удостоились общественных почестей в Риме. Именно этим богам, по свидетельству Августина (*C.D.* 6.3), Варрон посвятил три последние книги “Божественных древностей”. Значит, эти боги имели практическое значение для римской цивилизации. Все прочие рассуждения теоретического характера Варрон перенес в первую книгу, которая предваряла рассказ о божественном. В то же время это трехчастное деление римских богов выросло на основе теоретических построений, восходивших, как мы видели, к Сцеволе Понтифику. Во-первых, боги, созданные философами, как объясняет Августин (*C.D.* 4.27), следуя изложению Сцевола, жили людьми и умерли как люди. В качестве примера таких богов сам Сцевола называет Геркулеса, Эскулапа, Кастора и Поллукса. То есть богов, со-

²⁵⁰ Lieberg G. *Op. cit.* S. 107.

²⁵¹ *Cic. De leg.* 2.47: “Scaevolae... pontifices ambo et eidem iuris peritissimi” (Сцевола... понтифики и в то же время опытейшие правоведы). См. также: *Cic. Brut.* 147–150.

зданных философами, можно соотнести с той категорией римских богов, которых Варрон называл “неизвестными”. Во-вторых, по свидетельству Августина (С.Д. 7.6), гражданская теология Варрона распространяется на избранных богов и повествует только о них, то есть помещена в конце 16-й книги “Божественных древностей”. Но гражданская теология Варрона образована из мифологической и физической (Aug. С.Д. 6.6), а значит в число богов, составлявших пантеон римской гражданской общины, вошли боги, созданные и поэтами и философами. Наконец, критикуя трехчастную схему Сцеволы-Варрона, Августин убежден, что правильнее было бы для этих мыслителей разделить всех богов на естественных (*deos naturales*) и установленных людьми (*ab hominibus institutos*). То есть для Августина все три категории римских богов – известные, неизвестные и избранные – были творением человеческого разума. Но самое замечательное то, что об этих богах, как отмечает Августин, рассказывают и сочинения **поэтов** (*litteras poetarum*) и сочинения **жрецов** (*sacerdotum*), правда, каждые на свой лад.

На основании сведений Августина, который досконально изучил римскую сакральную традицию, можно говорить о римских корнях трехчленной теологической концепции Варрона. Последняя четверть II в. до н.э. была отмечена систематизаторской деятельностью коллегии понтификов, у истоков которой стоял великий понтифик Публий Муций Сцевола. Проникновение в Рим восточных культов, греческой образованности и научных достижений после I и особенно после II Пунических войн побудило людей, ответственных за духовное здоровье своего народа, навести порядок прежде всего в римском пантеоне. Документы жреческих коллегий распределялись по “книгам” и “комментариям”. Но помимо классификации, которой занималась коллегия в целом, отдельные жрецы выступали как теоретики в сакральной сфере, разрабатывая в своих сочинениях религиозные вопросы, руководствуясь при этом положениями различных философских школ. Из подобных теоретических рассуждений родилось представление

о трех категориях богов и, следовательно, – о трех видах учений о них. Возможно, именно такие сочинения жрецов имел в виду Августин, которые, с его точки зрения, были столь же лживы и враждебны учению истины, как и сочинения поэтов. Понтифик Сцевола, например, придерживался распространенных среди философов взглядов на богов, но считал эти взгляды, как содержащие истину, непригодными для государства²⁵². Истина о богах вредна для государства, так как в ней есть много того, что не в состоянии осознать рядовой гражданин. Для его повседневной жизни власти (*principes civitatis*) создают особый пантеон, включая в него знакомых и хорошо понятных богов, которые на практике могут быть полезны и гражданину и государству. Неотъемлемой частью властных структур были жрецы, которые непосредственно занимались созданием государственного пантеона и подкрепляли его теоретическими рассуждениями, составившими основу политической или гражданской теологии. Эти взгляды Сцеволы Понтифика были восприняты Варроном²⁵³.

Тем не менее при всей схожести взглядов Сцеволы и Варрона они обладают существенным различием: Варрон рассматривал гражданскую теологию, а следовательно и созданную на ее основе гражданскую религию, как результат смешения мифологической и физической теологий, а не как что-то принципиально отличное. По мнению Августина (C.D. 6.5), Варрон отдавал предпочтение второму роду теологии, созданной философами, которая представляла единственно истинную религию. Однако Варрон писал свое сочинение из практических побуждений. Августин (C.D. 4.22) передает слова Варрона, будто он оказал своим согражданам великое благодеяние. В свою очередь совре-

²⁵² Aug. C.D. 4.27.

²⁵³ Ibid: "...quod dicere etiam in libris rerum divinarum Varro ipse non dubitat" (такое же мнение высказал и Варрон в книгах о божественном); 7.5: "...cui palmam dederit? Utique secundae, quam... esse philosophorum" (какому роду отдавал Варрон предпочтение? Конечно, второму, который принадлежит философам).

менники ставили Варрону в заслугу то, что он упомянул много неизвестного²⁵⁴. Но та религия, которая создавалась в философских школах и была предметом диспутов в среде ученых мужей, вряд ли могла иметь какое-либо практическое значение для большинства граждан. В таком случае, как согласуется предпочтение Варроном религии, созданной философами, перед религией, созданной самим государством? Это противоречие во взглядах Варрона почувствовал Августин (С.Д. 4.31). С одной стороны, Варрон следует существующей в римском государстве религии, с другой – “если бы ему пришлось строить новый город, он заимствовал бы систему богов ... из природы” (*ex naturae formula*). Его сердцу было ближе то время, когда римляне чтили богов без кумиров (*sine simulacro*). Эти боги, напоминавшие собой отвлеченные идеи, больше соответствовали тем, которых создавали философы. Значит, первое, что не устраивало Варрона в гражданской религии, было то, что как творение человека она изменялась со временем. Это делало Варрона адептом религии, созданной философами. Но в то же время Варрон заботился о сохранении государственной религии, которая была не столько предметом веры, сколько средством сплочения гражданского коллектива. Возможно поэтому, при описании религиозной системы Рима Варрон, делая ставку на гражданскую религию, начинает изложение не с богов, а с людей, ответственных за культы.

Сочинение Варрона прежде всего ориентировалось на римскую политическую элиту, которая должна была сохранить целостность гражданского коллектива, поддерживая традиционные культы и веру в исконно римских богов. В этом отношении взгляды Варрона хорошо согласовывались с представлениями Полибия о причинах могущества римского государства. “Важнейшее преимущество римского государства, – пишет Полибий (6.56.6–9), – состоит в воззрениях римлян на богов. То самое, что осуждается у других народов, именно богобоязнь (*δεισιδαιμονία*), у

²⁵⁴ Cic. Acad. Post. 1.9; Aug. С.Д. 3.17.

римлян составляет основу государства" (Пер. Ф. Мищенко). Отношения римлян со своими богами сплачивали государство и демонстрировали твердость народа в религии. Исправно действующему религиозному порядку, который отличал римлян от других народов, Полибий приписывает глубокое воздействие на поведение римлян, а следовательно и на успехи их государства²⁵⁵. Вера в богов порождала стремление к совершению подвигов, а подвиги и связанная с ними доблесть (*virtus*) выделяли человека среди сограждан и давали право претендовать на власть (*imperium*). Поэтому некоторые знатные роды Рима вели свое происхождение от богов²⁵⁶. Все это убеждает Варрона в необходимости возродить и поддерживать знание о богах в их традиционной римской форме, а значит, антикварианизм Варрона имел практическую направленность. Он использовал антикварные знания, чтобы установить божества, ответственные за каждый шаг человека, что давало бы возможность апеллировать к определенному божееству в определенной ситуации. Именно для блага государства он возродил большое количество ритуалов, которые были забыты или вышли из употребления, а каждому римскому божееству он отвел место в структуре вселенной²⁵⁷. Правда, гражданская религия не может находиться в полном соответствии с религией философов, да и сам Варрон, вслед за Сцеволой Понтификом, считал, что есть в религии много такой правды, которую народу знать вредно²⁵⁸. Но Варрон верит в то, что в идеальном государстве гражданс-

²⁵⁵ Подробнее см.: Сидорович О.В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. О месте религии во взглядах Полибия на римское государство см.: Сидорович О.В. *Pax Romana* во "Всеобщей истории" Полибия // Новый исторический вестник. М., 2002. № 2 (4). С. 24–33.

²⁵⁶ Род Юлиев возводил свое происхождение к Венере (*Suet. Jul. 6.1*). Фабии считали своими родоначальниками Геркулеса и нимфу Тибра (*Plut. Fab. 1*).

²⁵⁷ *Aug. C.D. 7.2*.

²⁵⁸ *Aug. C.D. 4.31*.

кая религия будет находиться в согласии с естественной философией²⁵⁹.

Таким образом, мы вправе говорить о двух источниках теологической концепции Варрона. Один – римский, связанный с систематизаторской и антикварной деятельностью ведущих жреческих коллегий, в первую очередь, понтификов. Вторым источником стали представления о богах, которые были частью философских учений эллинистического времени. Их сплав произошел в римской жреческой среде конца II – начала I в. до н.э. и в конечном итоге заложил основу теологической концепции Варрона.

Остается обратить внимание еще на один аспект теологической концепции Варрона – ее ориентированность на практическое применение. Приступая к созданию “Божественных древностей”, Варрон поставил перед собой задачу собрать воедино всех римских богов, рассказать о связанных с ними культах, священных местах и храмах. Но главная идея, которая превращала всю эту разнообразную информацию в стройную систему, сводилась к тому, чтобы найти истоки римской религиозности. По сравнению со своим предшественником Муцием Сцеволой Варрон сделал шаг вперед: от создания теологических построений к их практическому применению в повседневной жизни римского государства. На практическое значение теологии Варрона обратил внимание Августин (С.Д. 3.4) – применительно к одному из ее положений, утверждающему, что выдающиеся люди (*virī fortes*) ведут свое происхождение от богов. Подобное представление, по мысли Варрона, способствует свершению великих дел. В этом положении Варрона, безусловно, просматривается соединение двух начал – гражданского и божественного. Конечно же, Варрона нельзя назвать автором этой идеи. Она была достоянием римской интеллектуальной элиты I в. до н.э. – жрецов-теологов, ораторов и историков, которые счита-

²⁵⁹ () взглядах Варрона на идеальную религию см.: *Liebeschuetz J. H. W. G. Continuity and Change in Roman Religion. Oxford, 1979. P. 37.*

ли, что в руках “сильных личностей” находится спасение человеческого рода²⁶⁰. Поэтому в интересах государства было придать этой идее правовое оформление²⁶¹. Практическая направленность этой идеи несомненна: соединение гражданского и божественного поможет понять миссию, возложенную на римский народ богами и оправдать политические амбиции его лидеров.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВАРРОНА

Теологические представления Варрона, как мы видели, неразрывно связаны с его философскими воззрениями. Поэтому нам необходимо определить, к какому философскому направлению принадлежал Марк Теренций Варрон. Вопрос о философских взглядах Варрона уводит нас к началу его жизненного пути и заставляет еще раз обратить внимание на полученное им образование. Как мы помним, самым первым его учителем был Элий Стилон, который тяготел к философии стоиков. Свое образование Варрон продолжил в школе Антиоха Аскалонского, которая основывалась на Платоновской традиции. Правда, другой ученик Антиоха – Цицерон – представлял своего учителя скорее стоиком, чем приверженцем древней Академии²⁶². В то же время современные исследователи отмечают, что

²⁶⁰ *Cic. De fin.* 3.66: “...как быкам природою дано всеми силами и всею мощью биться со львами за своих детенышей, так и тех, кто обладает мощью и силой и способен на то, что, как говорят, совершали Гераклес и Либер, сама природа побуждает к спасению человеческого рода” (*Пер. Н.А. Федорова*).

²⁶¹ Подобное положение Цицерон (*De leg.* 2.19) включил в свод своих идеальных законов: “Богов и тех, кто всегда считался небожителями, да чтут, как и тех, кого их заслуги перенесли на небо. – Гераклеса, Либеры, Эскулапия, Кастора, Поллукса, Квирина” (*Пер. В.О. Горенштейна*).

²⁶² *Aug. C.D.* 19.3: “...Varro adserit, auctore Antiocho, magistro Ciceronis et suo, quem sane Cicero in pluribus fuisse Stoicum quam veterem Academicum vult videri”.

Антиох соорудил здание академической догматики из различных основ. В учении о цели (*télos*) он, например, пытался примирить взгляды древних стоиков с представлениями академиков и перипатетиков²⁶³. Синкретизм Антиоха, несомненно, должен был оказать воздействие на оформление философских представлений Варрона. Возможно поэтому в научной литературе мы встречаем большое разнообразие точек зрения на философские взгляды Теренция Варрона. Одни больше видят в нем стоика²⁶⁴, другие – академика, уточняя при этом, что Варрон придерживался новоакадемической догматики²⁶⁵, третьи считают Варрона пифагорейцем²⁶⁶. Какие сведения на этот счет предоставляют нам источники?

Тертуллиан называет Варрона “римским киником” или “Диогеном на римский манер”²⁶⁷. Контекст, в котором христианский апологет характеризует философскую позицию Варрона подобным образом (речь идет о трехстах безголовых Юпитерах, о которых Варрон говорил в одном из своих сочинений), позволяет предположить, что Тертуллиан сделал объектом своих нападок одну из Менипповых сатир Варрона²⁶⁸. Примечательно то, что Гел-

²⁶³ *Dihl A.* Zwei Vermutungen zu Varro. // *Rhein. Mus. f. Phil.* 1965. Bd. 108 (2). S. 176. Н.П. Гринцер считает, что Антиох, провозгласив возврат к учению древних академиков, понимал его как синтез академической доктрины с теориями стоиков и перипатетиков (*Гринцер Н.П.* Римский профиль греческой философии // *Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков.* М., 2000. С. 17).

²⁶⁴ *Cardauns B.* Varro. und die römische Religion... S. 85; *Rawson E.* The Interpretation of Cicero's *De legibus* // *Rawson E.* Roman Culture... P. 141; *Штаерман Е.М.* Социальные основы... С. 155.

²⁶⁵ *Dihl A.* Op. cit. S. 179; *Liebeschuetz J.H.W.G.* Op. cit. P. 36.

²⁶⁶ *Бобровникова Т.А.* Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния. С. 43.

²⁶⁷ *Tertul. Apol.* 14.9: “...Romanus cynicus Varro...”; *ad nat.* 1.10.43: “...Romani stili Diogenes Varro...”

²⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Cardauns B.* Zu Varros Menippeen. Fr. 582–83 B. P. 40.

лий называет Мениппии Варрона “киническими сатирами”²⁶⁹. Однако то, что мы уже говорили об использовании Варроном в качестве образца для своих ранних литературных произведений сатир Мениппа (подражание им, но не слепое их воспроизведение), заставляет сомневаться в том, что Варрон вместе с подходящей для него литературной формой перенял и философские взгляды своего далекого предшественника.

Из каталога трудов Варрона известно о том, что он написал сочинение под названием *Liber de philosophia* (“Книга о философии”). Упоминание об этом сочинении и передача наиболее важных для определения философских приоритетов Варрона положений содержится в книгах Блаженного Августина. Начало XIX книги “О граде Божием” посвящено изложению представлений языческих мудрецов о пределах блага и зла. Задача Августина облегчается тем, что эта работа, как явствует из его повествования, уже была проделана Варроном. Причем Варрон усмотрел такие мелкие различия в учениях, что насчитал 288 философских школ (*sectas*). Августин (C.D. 19.1) замечает, что в это число вошли не столько те школы, которые существовали в действительности, сколько те, которые могли бы образоваться при добавлении некоторых различий. Далее на конкретных примерах он демонстрирует, каким образом Варрону удалось насчитать такое количество школ и направлений. В результате Варрон предстает перед нами не как философ и последователь какой-то школы, а как **исследователь** философских учений. Он препарирует философию как объект исследования точно так же, как делал это с древностями человеческими и божественными и с латинским языком. Но тщательному исследованию Варрон подвергает только три школы, к которым в конечном итоге он сводит все разнообразие учений.

Августину все же удастся определить философские пристрастия самого Варрона. По его утверждению, из всех школ Варрон избрал одну – древних академиков, идущую

²⁶⁹ Gell. N.A. 2.18.7, 13.31.1: “saturae Cynicae”.

от Платона и имевшую, с точки зрения Варрона, действительные убеждения. Стало быть, положившись на авторитет Августина, мы можем считать Варрона приверженцем древней Академии. Однако рассуждения самого Варрона, переданные Августином, представляют его сторонником иного учения.

Исходным пунктом для любого философского направления, как полагает Варрон, является определение самого человека, высочайшее благо которого есть предмет исследования философии. Приводимые далее Августином (С.Д. 19.3) рассуждения Варрона о природе человека не могут не напомнить рассуждения на эту же тему современника Варрона – Саллюстия. В кратком вступлении к “Заговору Катилины” (1.1.2) с пылом прямолинейного стоика Саллюстий обрушивается на телесную природу человека, считая, что она роднит его с животными. Тем самым в резкой форме Саллюстий отгораживается от эпикуреизма: только дух, который роднит человека с богами, помогает ему подняться над животными страстями. В решении вопроса о природе человека Варрон проявляет больше гибкости: для него человека составляет не только душа и не только тело, а то и другое вместе (*Aug.* С.Д. 19.3). А это значит, что Варрон допускает компромисс с эпикуреизмом, который был неприемлем для Саллюстия. Однако, как выясняется из последующего повествования Августина (С.Д. 19.3), соединение двух начал в одном явлении было характерно и для древних академиков. Поэтому вопрос о философских взглядах Варрона остается открытым.

От Тертуллиана и Августина перейдем к другим свидетелям – современникам Варрона. В нашем распоряжении находятся восемь писем Цицерона, написанные им в 46–45 г. до н.э. и адресованные Варрону. В них Цицерон неоднократно упоминает о совместных с Варроном учебных занятиях. В одном из писем Цицерон заранее предупреждает Варрона, что он сочинил беседу, происходившую в кумской усадьбе, участниками которой были он сам, Помпоний (то есть Аттик) и Варрон. Автор беседы предоставил Варрону отстаивать точку зрения их учителя Анти-

оха. Но Цицерон не вполне уверен, одобряет ли Варрон взгляды этого философа²⁷⁰. В письме к Аттику Цицерон говорит об этом уже с большей уверенностью²⁷¹. Говорится это в связи с отправкой Варрону посвященных ему первых двух книг “Академических вопросов”, в которых Цицерон представил себя и Варрона спорящими сторонами: они ведут беседы, в которых излагаются взгляды Антиоха.

Итак, взгляды Антиоха, несомненно, оказали влияние на творчество Варрона. Но в своей практической деятельности он был связан и с представителями других философских направлений. Одним из друзей Варрона был философ и математик Луций Тарутий Фирман. Тарутий также слыл известным астрологом. Он составил гороскоп Рима (*Cic. De div.* 2.98) и, по предложению Варрона, вычислил день и час рождения Ромула (*Plut. Rom.* 12.3–4), а это значит, что Варрон использовал его вычисления в своих хронологических расчетах.

Обладаем ли мы сведениями о философских взглядах Варрона, исходящими от самого эрудита? Бесценный материал предлагают нам в этом отношении Мениппины Варрона, многие из которых посвящены популяризации учений различных философских школ. Прежде всего, в них зафиксированы некоторые положения стоической доктрины: представления о теле и душе, которая заключена в теле, как воздух в пузыре, о мире как о доме человека²⁷².

²⁷⁰ *Cic. Fam.* 9.8.1: “...tibi dedi partis Antiochinas, quas a te probari intellexisse mihi videbar” (тебе (Варрону. – О. С.) я предоставил точку зрения Антиоха, которую ты одобряешь, как я, мне казалось, понял). *Пер. В.О. Гопенштейна*.

²⁷¹ *Cic. Att.* 13.12.3: “...etenim sunt Antiochia, quae iste valde probat” (и в самом деле, это взгляды Антиоха, которые он (Варрон. – О. С.) весьма одобряет). *Пер. В.О. Гопенштейна*.

²⁷² “Anima ut conclusa in vesica, quando est arte ligata, si pertuderis, aera reddet” (душа, как заключенная в пузыре, когда он искусно завязан, будет возвращать воздух при ударе). Впоследствии Варрон (*R.R.* 1.1.1) назовет человека пузырем (*bulla*). См. также: *Помяловский Н.В.* Указ. соч. С. 211.

Однако это не мешает Варрону высмеивать стоиков, представляя появление их школы как очередной новой вывески на “новом колышке”²⁷³. Варрон не пощадил ни Гераклида Понтийского и Демокрита²⁷⁴, ни Эмпедокла²⁷⁵. В сатире под названием “Эвмениды” Варрон выносит приговор всем философским учениям сразу: “Наконец, ни один больной не грезит о чем-нибудь столь неслыханном, чего бы не сказал какой-либо философ”²⁷⁶. А вот школу Академиков, к которой принадлежал Антиох, Варрон представляет в облике “седой Истины”²⁷⁷. Однако все эти примеры не позволяют нам определить, какому философскому направлению отдавал предпочтение сам Варрон.

Многочисленные цитаты из его сочинений, сохранившиеся в трудах историков, комментаторов и антикваров последующего времени, позволяют говорить о том, что произведения Варрона изобиловали рациональными толкованиями мифов о богах и легенд, связанных с древнейшей историей человечества. Так, происхождение деле-

²⁷³ “Ubi dicatur primus Zenon novam haeresim novo paxillo suspendisse” (Как говорится, Зенон первым подвесил новое учение на новом колышке).

²⁷⁴ “Quare Heraclides Ponticus plus sapit, qui praecepit ut comburerent, quam Democritus, qui ut in melle servarent. Quem si vulgus secutus esset, peream si centum denariis calicem mulsi emere possimus” (Почему Гераклид Понтийский, который предписывал сжигать мертвых, более разумен, чем Демокрит, который предписывал сохранять их в меду. Если бы народ последовал ему, то пусть я сгнию, если бы мы смогли купить горшок меда за сто денариев).

²⁷⁵ “Empedocles natos homines ex terra ait ut blitum” (Эмпедокл говорит, что люди родились из земли, как лебеда).

²⁷⁶ “Postremo nemo aegrotus quicquam somniat tam infandum, quod non aliquis dicat philosophus”.

²⁷⁷ “Et ecce de improviso ad nos accedit cana veritas, Attices philosophiae alumna” (И вдруг неожиданно к нам приходит седая Истина, питомица Аттической философии). Пер. Н.В. Помяловского.

ния богов на высших и низших Варрон относит ко времени потопа и производит от людей, спасшихся от стихии на самых высоких горах. Впоследствии эти люди стали именоваться высшими богами (*superi*)²⁷⁸. Можно утверждать, что из трех известных в древности потоков (всемирного, от которого не спасся никто, за исключением находившихся в ковчеге, Огигиева и Девкалионова) Варрон говорит именно о потопе, случившемся во время жизни Огига – мифического царя Фив, так как, по словам Августина (С.Д. 18.8), древнее этого события он не представлял ничего²⁷⁹. Культ египетского бога Сераписа Варрон возводит к почитанию умершего в Египте царя Аргона – Аписа (Aug. С.Д. 18.5).

Рационалистическое объяснение коснулось и легендарного прошлого Рима. Дионисий Галикарнасский (2.47.4) говорит о скептическом отношении Варрона к традиционной версии, объясняющей происхождение названия 30 римских курий. Согласно Варрону, курии не могли быть названы в честь сабинских женщин, составивших посольство к Ромулу, так как их число было не 30, а 527. Поэтому Ромул, воздав почести только некоторым из них, несомненно, обидел бы остальных. К удивлению Августина (С.Д. 7.35) Варрон приводит физические причины для объяснения обрядов, установленных римским царем Нумой, хотя сам Нума эти причины скрыл. Подобные примеры свидетельствуют о склонности Варрона к толкованию мифов и легенд в духе учения философа Эвгемера (340–260 гг. до н.э.), которое сводилось к тому, что боги суть исторические личности, сыгравшие важную роль в жизни своих народов. Несомненно, подобные взгляды питали убеждение Варрона в том, что выдающиеся люди

²⁷⁸ *Serv. Aen.* 3.578.

²⁷⁹ По всей видимости, в описании событий древности Варрон следовал традиции, установленной авторами "Атид", – начинать изложение с Огигиева потопа. Об этой традиции говорит В. Зольтау (*Soltau W. Orientalische und Griechische Geschichte. Breslau, 1913. S. 157*).

(*virī fortes*) имеют божественное происхождение и потому смело должны браться за великие дела²⁸⁰.

К определению, что есть Бог, Варрон подходил с позиций различных философских учений. С одной стороны, Бог для него это душа, управляющая миром посредством разума и движения, а самой чистой является та религия, в которой богов чтят без кумиров²⁸¹. С другой стороны, постоянное желание Варрона всему придать физические толкования, приобретающие вид учения, заставляет его принять статуи богов как необходимое условие культа, поскольку их человеческая форма заключает разумную душу. В первом случае мы, безусловно, можем говорить о наличии у Варрона пантеистических представлений, как у представителей элеатской философской школы²⁸². С сочинениями ее родоначальника Ксенофана Колофонского Варрон знаком и в иных случаях предпочитает даже следовать его принципам изложения²⁸³.

Варрон симпатизировал и другим религиозно-философским учениям. Авл Геллий (N.A. 3.10.1) рассказывает о том, что Варрон много пишет о превосходствах и силах (*virtutes potetatesque*) числа 7. Причем все замечания

²⁸⁰ Aug. C.D. 3.4. Т.А. Бобровникова со ссылкой на П. Буаянсе считает, что Варрон в данном случае имеет в виду конкретный пример Сципиона Африканского (*Бобровникова Т.А. Религиозно-правовые аспекты Сципионовой "легенды"* // *Ius antiquum Древнее право*. 1999. № 1 (4). С. 48; *Она же. Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния*. С. 43).

²⁸¹ Aug. C.D. 4.31; 7.5.

²⁸² Залесский Н.Н. Очерки истории античной философии. Л., 1975. Вып. 1. Философия классической Греции. С. 25; Чанышев А.Н. Итальянская философия. М., 1975. С. 156.

²⁸³ Aug. C.D. 7.17: "...in hoc libro scribam, sed ut Xenophanes Colophonios scribit, quid putem, non quid contendam, ponam. Hominis est enim haec opinari, dei scire" (в этой книге я буду писать подобно Ксенофану Колофонскому, то есть буду излагать то, что думаю, а не то, что утверждаю. Ибо человеку свойственно иметь по этому предмету только мнения, знать же – одному Богу).

Варрона о числе 7 свидетельствуют о тщательной проработке им этого вопроса (*Gell. N.A.* 3.10.16). Сервий – комментатор Вергилия – также отмечает, что Варрон проявлял особое внимание к числам. Представления пифагорейцев о значении четного и нечетного числа сам Сервий заимствует у Варрона²⁸⁴. Все это говорит о том, что Варрон интересовался нумерологией. Августин (*C.D.* 22.28) ссылается на то, что Варрон в книгах о происхождении римского народа приводит слова тех, которые считали, что у людей бывают возрождения каждые 440 лет. Правда, Варрон, как замечает Августин, не называет имен тех, мнение которых приводит. Ни Авл Геллий, ни Августин не говорят, что Варрон был знаком с учением пифагорейцев. Однако представление о возвращении души в тело человека через 440 лет находится в соответствии с метемпсихозом – религиозным учением пифагорейцев, тесно связанным с доктриной о вечном возвращении²⁸⁵. В логисторике “Туберон” Варрон излагал пифагорейское учение о рождении живых существ²⁸⁶, а на склоне лет снова повторил взгляды Пифагора на этот счет²⁸⁷. Но учение пифагорейцев о ме-

²⁸⁴ *Serv. Eclog.* 8.75: “licet Varro. dicat Pythagoreos putare, impari numerum habere finem, parem esse infinitum” (хотя Варрон и говорит, что пифагорейцы полагают, что нечетное число имеет предел, а четное – бесконечно).

²⁸⁵ Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994. С. 143.

²⁸⁶ *Fr.* 46: “Tubero de origine humana: caelum ut testa, item ut vitellum terra; inter illa duo quasi $\kappa\rho\upsilon\varsigma$ inclusus aer, in quo calor... vitellum” (небо, как сосуд, так же земля, как яичный желток; между ними двумя, как будто влага, заключен воздух, в котором жар... яичный желток).

²⁸⁷ *Varro. R.R.* 2.1.3: “...sive contra principium (generandi animalium. – О. С.) horum extitit nullum ut credidit Pythagoras Samius et Aristoteles Stagerites...” (может, как полагали Пифагор Самосец и Аристотель Стагирит, такого начала (породившего живые существа. – О. С.) и вовсе не существовало. Пер. М. Е. Сергеевко).

темпсихозе Варрон неоднократно высмеивал в своих сатирах²⁸⁸.

Нумерологией обычно называются вариации “пифагорейских” учений, в которых арифметические действия с числами и сами числа рассматривались как свойства божества или как само божество²⁸⁹. Что же касается учения о числе, то оно своим рождением обязано не Пифагору и его последователям, но ученикам Платона, и в первую очередь Аристотелю. Бесплодными нумерологическими ухищрениями впоследствии злоупотребляли только неопифагорейцы²⁹⁰. Тем не менее нельзя отрицать то, что Варрон проявлял явный интерес к идеям пифагорейцев и даже завещал похоронить себя по пифагорейскому обряду²⁹¹.

Самое раннее описание погребального обряда пифагорейцев принадлежит Геродоту (2.81). “Отец истории” сообщает, что этот обряд запрещал погребение в шерстяных одеждах, имел сходство с погребальным обрядом орфиков и распространялся только на посвященных. Плиний Старший дополняет эту картину следующими деталями: умершего хоронили в глиняном гробу, засыпанном листьями мирта, оливы и черного тополя. Был ли Варрон одним из посвященных? Такое предположение кажется естественным. Но Плиний говорит о широком распространении этого обряда погребения и никак не связывает его с

²⁸⁸ Fr. 7. P. 96 R.: “Quid multa? Factus sum vespertilio, neque in muribus plane neque in volucris sum” (Что тут много толковать? Я сделался летучей мышью, и потому не нахожусь ни между мышами, ни между птицами). *Пер. И.В. Помяловского*). “Quid dubitatis? Utrum nunc sitis cercopitheci, an colubrae an beluae an...” (Что вы сомневаетесь? Были бы вы теперь обезьянами с хвостом, или змеями, или дикими зверями, или... *Пер. И.В. Помяловского*).

²⁸⁹ *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and Politics in the age of Justinian. L.; N.Y., 1992. P. 58 f.

²⁹⁰ Л.Я. Жмудь решительно отказывается связывать учение ранних пифагорейцев с числовой доктриной (*Жмудь Л.Я.* Указ. соч. С. 325–332).

²⁹¹ *Plin.* H.N. 35.160.

принадлежностью к определенной религиозно-философской секте. Поэтому Варрона можно считать пифагорейцем только в самом широком смысле этого понятия, то есть как сторонника неформального сообщества ученых людей²⁹². Многие в пифагорействе привлекало его, но столь же многое и отталкивало.

Разнообразие философских представлений, которым симпатизировал Варрон, можно объяснить только одним — отсутствием у этого ученого мужа подлинных философских пристрастий. Пройдя философскую подготовку в школе Антиоха, Варрон так и не стал философом: он не проникся до конца ни одной из философских доктрин, но подходил к ним с позиций римского прагматизма. Различные философские учения должны были обслуживать единственную цель, которой Варрон подчинил все свое творчество, — сохранить культ древних римских богов. Эту же задачу независимо от него решал и Цицерон. Однако невозможность защитить римскую религию с философской точки зрения он показал в трактате “О природе богов”. Хотя Варрона нельзя считать приверженцем какого-либо определенного философского учения, он, как и Цицерон²⁹³, принимал активное участие в разработке языка латинской философии. Так, он попытался уподобить латинское слово *felix* греческому понятию εὐδαιμονία. Правда, это нововведение не закрепилось в языке философской этики, хотя Цицерон иногда принимал его во внимание²⁹⁴.

Э. Роусон назвала I в. до н.э. веком римской софистики, временем, когда римляне учились думать²⁹⁵. Но в отличие от греков у римлян уже не было времени только на раздумья. Они решали две задачи одновременно: осво-

²⁹² О значении занятий наукой в деятельности пифагорейцев говорит Л.Я. Жмудь (Указ. соч. С. 82).

²⁹³ О вкладе Цицерона в язык латинской философии см.: Гринцер Н.П. Указ соч. С. 25 сл.

²⁹⁴ Подробнее об этом: Dihl A. Op. cit. S. 183.

²⁹⁵ Rawson E. The Introduction of Logical Organization... P. 348

ить греческую мудрость и приспособить ее к укреплению римского государства. В последнем деле главная роль отводилась религии.

Скептическое отношение Варрона к различным философским школам и их учениям, по всей видимости, являлось характерным для представителей антикварного направления в целом. Исследование прошлого у антикваров всегда основывалось на систематическом подходе к институтам и верованиям. В свою очередь, систематизация исследуемого материала основывалась на определенных философских установках. Их использование для практических нужд в конечном итоге оборачивалось критической оценкой принципов, лежавших в основе самих философских учений.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВАРРОНА

Об исторических взглядах Варрона говорить, пожалуй, еще труднее, чем о его философских воззрениях. Возможно, как дань традиционной для римской историографии форме он написал историческое сочинение “Анналы”, от которого ничего не сохранилось²⁹⁶. В то же время в тех его сочинениях, которые дошли до нас во фрагментах, все дышит историей – от отдельных слов, вышедших из употребления, до описания святилищ, религиозных обрядов, жреческого облачения и предметов повседневного обихода. Именно интерес к истории такого рода превратил сочинения Варрона для современного исследователя в настоящий кладезь уникальной информации.

Склонность к историко-антикварным исследованиям проявилась у Варрона уже в сатирах²⁹⁷. Известно, что

²⁹⁶ Т. Корнелл считает, что в этом сочинении Варрон занимался вопросами хронологии. См.: *Cornell T.J.* Op. cit. P. 20.

²⁹⁷ В сатире под названием *Age modo* (Fr. 3. P. 98 R.) Варрон пишет следующее: “...terra culturae causa attributa olim particulatim hominibus, ut Etruria Tuscis, Samnium Sabellis” (земля некогда по

Варрон вычислил не только год и день основания Рима, но также определил число лет, прошедших от прибытия в Италию Энея до основания Города²⁹⁸.

Стремление к точному знанию, которое отличало произведения Варрона от сочинений многих его современников и высоко ценилось ими, а также страсть к систематизации исследуемого материала принесли свои плоды и в области исторических экскурсов. Грамматик III в. н.э. Цензорин сохранил для нас интересную информацию, которая позволяет говорить о наличии у Варрона представления о трех периодах в истории человечества. В силу своей важности это свидетельство необходимо привести полностью. "Теперь же, — пишет Цензорин, — я буду рассматривать тот период времени, который Варрон зовет историческим, ибо он говорит, что существуют три периода. Первый период — от начала рода человеческого до более древнего потопа и называется по причине неизвестности *ἄδηλον* (неведомым). Второй длится от древнего потопа до первой Олимпиады и называется *μυθικόν* (мифическим) из-за того, что о нем рассказывается множество басен. Третий период — от первой Олимпиады до нашего времени и называется *ἱστορικόν* (историческим), потому что события, происшедшие в это время, описаны в истинных повествованиях"²⁹⁹.

частям была предоставлена людям для возделывания, как Этрурия тускам, Самниум сабеллам).

²⁹⁸ По свидетельству Иоанна Лиды (*De mag.* 1.2), это число составило 439 лет, что согласуется, по словам Лиды, с вычислениями Катона Старшего. О хронологии римской истории у Катона см.: *Leuze O. Die römische Jahrzahlung.* Tübingen, 1909. S. 172.

²⁹⁹ *Censor. De die nat.* 21: "Nunc vero id intervallum temporis tractabo, quod *ἱστορικόν* Varro. appellat. Hic enim tria discrimina temporum esse tradit. Primum ab hominum principio ad cataclysmum priorem: quod propter ignorantiam vocatur *ἄδηλον*. Secundum a cataclysmo priore ad Olympiadem primam, quod quia in eo multa fabulosa referuntur, *μυθικόν* nominantur: tertium a prima Olympiade ad nos quod dicitur *ἱστορικόν*: quia res in eo gestae veris historiis continentur".

В то же время, согласно Августину (С.Д. 18.2), Варрон в сочинении “О происхождении римского народа” пользуется иной периодизацией. Изложение строится по сменявшим друг друга царствам – от Сикионского к Афинскому, далее к латинскому и римскому. Естественно сделать предположение, что Варрон создавал каждый раз новую периодизацию в зависимости от того, какую цель он преследовал. Если речь шла о делении на периоды истории всего человечества, то в этом случае мы должны ориентироваться на извлечение из какого-то сочинения Варрона, сделанное Цензорином. При этом выделение исторических периодов, несомненно, восходило к греческой литературной традиции, знавшей крупные периоды в истории человечества еще со времени Гесиода. Об этом свидетельствуют также те греческие термины, которыми пользуется Варрон для обозначения каждого периода в отдельности. Если же Варрон брался за описание истории римского народа, то в ход шла совершенно иная периодизация, максимально приближенная к предмету изложения, в данном случае – к истории Лация и Рима. В этой ситуации мы должны довериться свидетельству Августина.

Во всех сочинениях, дошедших до нас во фрагментах или в неполном виде, Варрон настойчиво выдвигает на первый план так называемую сабинскую тему, которую он кладет в основу своих исторических представлений. “Сабинскую тему” следует понимать, прежде всего, как любовь ко всему сабинскому и стремление подчеркнуть, что культурные достижения сабинян являются важной частью римской политической и религиозной жизни. Поэтому главным героем римской истории у Варрона, конечно же, становится Нума, а главной фигурой пантеона – сабинский бог Санк, который считался прародителем сабинян³⁰⁰.

Тертуллиан и Августин сообщают, что Санк был первым сабинским царем, которому после смерти соорудили храм за гостеприимство³⁰¹. На основании того, что оба апо-

³⁰⁰ *Sil. Ital.* 8.422: “auctor gentis”.

³⁰¹ *Tertul.* *Ad nat.* 2.9; *Aug.* С.Д. 18.19.

логета хорошо знают и часто цитируют произведения Варрона, можно предположить, что и эти сведения они позаимствовали у римского эрудита. Ливий (8.20.8) называет место почитания Санка капищем (*sacellum*) и помещает его напротив храма Квирина. Употребление историком такого термина свидетельствует о глубокой древности почитания сабинского божества. Санк считался одним из воплощений Юпитера и был покровителем клятв и договоров³⁰², то есть всего того, что входило в понятие сакрально-правового института римской *fides*³⁰³. Его культ, возможно, был установлен Нумой, который учредил празднество Верности (*Fidei*)³⁰⁴. Можно предположить, что Ливий “латинизировал” версию установления почитания Верности: оставив Нуму в качестве инициатора этого культа, он устранил его связь с сабинским богом Санком.

Центральной фигурой древнейшей римской истории у Варрона является второй царь сабинского происхождения Нума Помпилий. В его образе выразились представления Варрона о раннем Риме, которые являются неотъемлемой частью его взглядов на историю Римского государства.

Историческая традиция, представленная сочинением Тита Ливия, изображает Нуму как строителя римской религиозной системы и даже как второго основателя Рима. По Ливию, Нума преследовал цель – вселить в народ страх перед богами³⁰⁵. Этому должны были способствовать его религиозные нововведения: учреждение священнодействий богам и назначение ответственных за них жрецов. Именно в этом ракурсе Ливий (1.20.1–7, 21.4–5) излагает религиозные мероприятия Нумы. Нума сам расписал и назначил жертвоприношения³⁰⁶, то есть его деятельность протекала

³⁰² Varro. L.L. 5.66 со ссылкой на Элия Стилона; Dionys. 2.49.2 со ссылкой на Катона.

³⁰³ Об этом см.: Кофанов Л.Л. Юрико-религиозный характер римской *fides* в V–III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI.56.6–15) // *Ius antiquum. Древнее право*. 2002. № 2(10). С. 63 сл.

³⁰⁴ Liv. 1.21.4. “...et [soli] Fidei sollemne instituit”.

³⁰⁵ Liv. 1.19.4: “...deorum metum iniciendum ratus est”.

³⁰⁶ Liv. 1.20.5: “...sacra omnia exscripta exsignataque attribuit”.

в сакрально-правовой области. Естественным было бы поставить вопрос об источниках информации Ливия, точнее конкретизировать его: ответствен ли Варрон за создание образа Нумы как царя-реформатора? Источником Ливия для данного сюжета обычно называется Валерий Анциат³⁰⁷, который преувеличил роль Нумы в организации государственной религии, чтобы добиться контраста с характером военного предводителя Ромула. В то же время известно, что Дионисий Галикарнасский (2.18–23), который в изобилии использовал антикварный материал³⁰⁸, приписывал организацию культа Ромулу. Значит, Варрон, слывший среди современников тщательнейшим исследователем древностей, вряд ли ответствен за создание ливиева образа Нумы. В то же время у Варрона не могло не существовать своего представления о роли сабинского царя в укреплении основ римского государства.

Плутарх в биографии Нумы предлагает отличное от ливиева описание религиозных реформ царя. По мнению П. Буансе, этот отрывок восходит к самому Варрону³⁰⁹. Во-первых, Нума подготовил народ к восприятию своих нововведений и сделал это с помощью проповедей, внушавших суеверный ужас³¹⁰. Во-вторых, Плутарх упоминает некие распоряжения Нумы относительно статуй богов. И только потом Плутарх (Numa 9) рассказывает о созда-

³⁰⁷ *Liebeschuetz W.* The Religious Position of Livy's History JRS. 1967. Vol. 57. P. 48.

³⁰⁸ *Gabba E.* Dionysius and the History of Archaic Rome. Berkeley, 1991. P. 118 f.

³⁰⁹ *Boyancé P.* Sur la theologie de Varron // *Revue des etudes anciennes*. P. 65. В то же время введение Нумой ремесленных коллегий рассматривается в исторнографии как поздняя реконструкция, не имеющая никакого отношения к Варрону (*Gabba E.* The collegia of Numa: Problems of Method and Political Ideas // JRS. 1984. Vol. 74. P. 85).

³¹⁰ *Plut.* Numa 8: "Он говорил им о бедах, которые уготовало божество, о чудовищных призраках, о грозных голосах и, внушая им суеверный ужас, подавлял и сокрушал их дух" (*Пер. С.П. Маркина*).

нии Нумой жреческой организации. В-третьих, все предписания Нумы очень походили на учение пифагорейцев³¹¹.

В тексте Плутарха в качестве цитаты из Варрона присутствует утверждение, что римляне на протяжении первых 170 лет не знали вещественных изображений богов, так как подобная практика считалась нечестивой³¹². Если следовать хронологии Варрона, по которой Рим был основан в 753 г. до н.э.³¹³, то окончание первых 170 лет жизни Города приходится на царствование Тарквиния Древнего, начавшего строительство Капитолийского храма³¹⁴. Для создания глиняной статуи Юпитера он пригласил из Этрурии художников³¹⁵.

У нас есть возможность сравнить сведения Плутарха с показаниями самого Варрона. Августин со ссылкой на Варрона (C.D. 4.31) также передает, что древние римляне чтили богов без кумиров в продолжение более 170 лет. Далее он приводит прямую цитату из Варрона: "Если бы так было и далее, то боги почитались бы с большею чистотой" (*castius dii observarentur*). Эта цитата дополняется комментарием самого Августина: статуи богов, напротив, уничтожают в государствах страх и увеличивают заблуждение³¹⁶. Все три повествования – Ливия, Плутарха и Августина – объединяет общий мотив, впервые, возможно, появившийся у Варрона. Это мотив страха как необходимого условия прочности

³¹¹ *Plut.* Numa 8, 14. По мнению Э. Габбы, вообще все жизнеописание Нумы находится под воздействием пифагорейских идей и пропитано представлением о политической и социальной гармонии, которое объясняет деятельность царя (*Gabba E. The collegia of Numa... P. 85*).

³¹² *Plut.* Numa 8.

³¹³ О. Лойце объяснил, каким образом Варрон при расчетах получил 21 апреля 753 г. как дату основания Рима (*Leuze O. Op. cit. S. 210 ff*).

³¹⁴ *Liv.* 1.38.7.

³¹⁵ *Plin.* 35.157.

³¹⁶ *Aug.* C.D. 4.31: "...qui primi simulacra deorum populis posuerunt eos civitatibus suis et metum dempsisse et errorem addidisse" (те, кто впервые поставил для народа статуи богов, уничтожили в своих государствах страх и увеличили заблуждение).

общественной структуры. Причем этот страх порожден отсутствием изобразительного воплощения божества. Правда, отсутствие у римлян изображений божеств Августин не связывает с политикой Нумы, что, впрочем, не означает, что эта связь отсутствовала в тексте Варрона.

Свидетельство Варрона об отсутствии у древнейших римлян изображений богов идет вразрез со всей латиноязычной традицией. Овидий, например, ничего не знает об этой теории Варрона и рассказывает о том, как тесно было статуе Юпитера в его святилище во времена Ромула. В десницу бога была вложена глиняная молния³¹⁷. Овидий, вероятно, имел в виду храм Юпитера Феретрия, который был основан Ромулом³¹⁸. Можно предположить, что и сама статуя была сделана из глины. Ведь еще Катон Старший, восхваляя времена предков, порицал тех сограждан, которые смеются над глиняными богами, украшающими крыши римских храмов³¹⁹. Более того, изваяния богов существовали еще до Ромула³²⁰. Цицерон, ссылаясь на обычаи предков, говорит об изображениях богов как обычном явлении и считает такой порядок правильным, так как боги в данном случае находятся перед взорами людей, а не только в их умах³²¹. Но наиболее примечательным является то, что Варрон противоречит сам себе. Августин (С.Д. 4.31) передает его слова о том, что “древние римляне верили и в пол, и в родословия богов, а также в их брачные союзы”. Родословия богов являются неотъемлемой частью антропоморфизма. Высказывание Варрона, вырванное Августи-

³¹⁷ *Ovid. Fasti.* 1.201–202: *Iuppiter angusto vix totus stabat in aede / in que Iovis dextra fictile fulmen erat.*

³¹⁸ *Liv.* 1.10.5–6.

³¹⁹ Эту сентенцию в уста Катона вложил Ливий (*Liv.* 34.4.4).

³²⁰ *Ovid. Fasti* 3.45: “*Silvia fit mater. Vestae simulacra feruntur / virgineas oculis oppussisse manus*” (Сильвия ныне уж мать. Говорят, изваяние Весты девственной рукой очи прикрыло свои. – Пер. Ф.А. Петровского).

³²¹ *Cic. De leg.* 2.26: “...species deorum in oculis, non solum in mentibus...”

ном из контекста его сочинения, не позволяет определить, к какому периоду римской истории оно относится. Возможно, эту ситуацию поможет прояснить Плиний Старший.

Плиний сохранил интересное свидетельство о том, что Нума посвятил статую двуликому Янусу, причем, судя по контексту, можно предположить, что эта статуя была сделана из меди³²². Правда, Плиний отмечает, что такое изображение все же было исключением из правила, так как в обычае у древних обитателей Италии было ставить в храмах деревянные или глиняные статуи богов³²³. Этот обычай, представленный Плинием как общеталийский, можно воспринимать как явление средиземноморской культуры в противоположность индоевропейской традиции, следы которой часто усматривают в процитированных Августин³²⁴.

Все приведенные свидетельства позволяют предположить, что изображенные Варроном религиозные ново-

³²² *Plin.* N.H. 34.33: "...fuisse autem statuariam artem familiarem Italiae quoque et vetustam indicant Hercules ab Evandro sacratus, ut produnt, in foro boario, qui triumphalis vocatur... praeterea lanus geminus a Numa rege dicatus..." (О том, однако, что и в Италии было свое искусство скульптуры в меди, причем с древних времен, свидетельствуют посвященный, как передают, Эвандром на Бычьем форуме Геркулес, который называется Триумфальным... кроме того, посвященный царем Нумой Двуликий Янус... – *Пер. Г.А. Тароняна*). Г.А. Таронян переводит употребленное здесь Плинием выражение *statuaria ars* как "искусство скульптуры в меди". О терминах в латинском языке относительно скульптуры см.: *Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве.* Пер., предисл. и примеч. Г.А. Тароняна. М., 1994. С. 230.

³²³ *Plin.* N.H. 34.33: "...mirumque mihi videtur, cum statuarum origo tam vetus Italiae sit, lignea potius aut fictilia deorum simulacra in delubris dicata usque ad devictam Asiam, unde luxuria" (и мне представляется удивительным, что, несмотря на появление статуй в Италии с такого древнего времени, изображения богов в храмах посвящались предпочтительнее деревянные или глиняные вплоть до покорения Азии, откуда роскошь. – *Пер. Г.А. Тароняна*).

³²⁴ *Bömer Fr. Rom und Troia. Untersuchungen zur frögeschichte Roms.* Baden-Baden, 1951. S. 116 f.

введения Нумы в том виде, как это представлено у Плутарха и Августина, являются частью его теологических воззрений, направленных на оздоровление римской религиозной системы – одной из основ римского государства.

Другой варроновский сюжет, связанный с образом Нумы, – его связь с нимфой (или богиней) Эгерией и увлечение гидромантией – нашел отражение у всех трех авторов: Ливия (1.19.5), Плутарха (Numa 4) и Августина (C.D. 7.35). Но гидромантия была также связана с именем Пифагора, на догмы которого, судя по Плутарху, походили религиозные нововведения Нумы.

В логисторике Варрона под названием “Курион” сохранилось перечисление четырех видов дивинации: геомантии, аэромантии, пиромантии и гидромантии. Об этих же видах дивинации у Варрона говорит Сервий³²⁵. Варрон в “Божественных древностях”, в книге, посвященной культам богов, изобразил Нуму как человека сведущего в искусстве гидромантии, знания о которой он получил от нимфы Эгерии³²⁶. Она также научила Нуму разговаривать с богами, то есть открыла ему какие-то тайные знания, сделав его, подобно магу, посвященным в таинства человеком³²⁷.

³²⁵ *Serv. Aen.* 3.359: “Varro autem quattuor genera divinationum dicit: terram, aeram, aquam, ignem: geomantis, aeromantis, pyromantis, hydromantis” (Варрон называет четыре объекта дивинации: землю, воздух, воду, огонь. [Отсюда происходят четыре вида дивинации]: геомантия, аэромантия, пиромантия, гидромантия).

³²⁶ *Aug. C.D.* 7.35: “...quod ergo aquam egresserit, id est exportaverit, Numa Pompilius, unde hydromantian faceret, ideo nympham Egeriam coniugem dicitur habuisse, quem ad modum in supradicto libro Varronis exponitur” (так как Нума Помпилий выносил воду, то есть уносил ее для совершения гидромантии, то говорят, что он был женат на нимфе Эгерии, и это объяснение приводится в выше упомянутой книге Варрона). Этот отрывок интересен тем, что Августин даже в пересказе текста Варрона сохранил существовавшую, очевидно, в оригинале этимологию: *Egeria* от *egerere*, то есть от того, что воду уносили для ритуальных целей.

³²⁷ Именно таким человеком изображает Нуму Овидий (*Ovid. Fasti* 3.275–348).

Изобретателями искусства гидромантии Варрон считал персов³²⁸. Этим искусством пользовался сам Нума, а после него – Пифагор³²⁹. Так сюжет о гидромантии объединил три фигуры: нимфу Эгерню, царя Нуму и философа Пифагора, причем и нимфа и философ вносят свою лепту в реформирование Нумой сакральной сферы. В то же время Варрон не называет Нуму учеником Пифагора³³⁰. Плутарх, сведения которого о Нуме восходят, как уже отмечалось, к Варрону, говорит только о том, что предписания Нумы **напоминали** о пифагорейском учении³³¹. Но именно эта схожесть стала для Варрона оправданием максимально возможного сближения религиозных установлений Нумы с учением Пифагора, против чего горячо выступал Цицерон, поддерживая самобытность римского царя³³².

³²⁸ Aug. C.D. 7.35. О восточном происхождении обряда гидромантии Варрон говорил и в каком-то другом своем сочинении. См.: *Apul. Apol.* 42. Под персами, несомненно, надо понимать персидских магов, с которыми связывали искусство гидромантии Страбон (16.2.39) и Плиний Старший (N.H. 37.192). Следует отметить, что гидромантия соседствовала с некромантией и практиковалась как персидскими магами (*Strab. Ibid.*), так и пифагорейцами. См.: *Cic. In Vat.* 14: "...volo ut mihi respondeas tu, qui te Pythagoreum soles dicere... cum inaudita ac nefaria sacra susceperis, cum inferorum animas elicere" (я хочу, чтобы ты, который по обыкновению называешь себя пифагорейцем, ответил мне... когда ты допускаешь неслыханные и нечестивые священнодействия, когда вызываешь души умерших).

³²⁹ Aug. C.D. 7.35: "...ipsum Numam et postea Pythagoram philisophum..."

³³⁰ Подобные представления, по всей видимости, культивировались в среде самих пифагорейцев. Плутарх (Numa 8) упоминает ученика Пифагора Эпихарма как распространителя такой информации. Римские авторы критиковали этот тезис. См.: *Cic. De orat.* 2.154; *De rep.* 2.28–29; *Liv.* 1.18.2–3.

³³¹ *Plut.* Numa 14.3: "Ἦν δὲ καὶ τῶν ἄλλων παραγγελμάτων αὐτοῦ πολλὰ τοῖς Πυθαγορικοῖς ἑοικότα. Подобные "напоминания" трактуются в современной литературе как результат близости южноиталийской и римской религиозных систем. См.: *Кофанов А.Г.* Пифагореизм в римском авгуральном праве // ВДН. 1999. № 2. С. 166–177.

³³² *Cic. De orat.* 2.154.

В отечественной историографии существует тенденция преувеличивать авторитет учения Пифагора в архаическом Риме. Этот тезис подтверждается ссылкой на сообщения Плутарха (Nima 8.20) и Плиния (N.H. 34.26) о том, что римляне, исполняя повеление оракула, поставили на Форуме две бронзовые статуи – Алкивиаду и Пифагору³³³. Однако сам Плиний считал подобный выбор римлян странным³³⁴. И Алкивиад и Пифагор были популярными личностями в Великой Греции: Алкивиад как политик, отстаивавший продвижение Афин в направлении Западного Средиземноморья, Пифагор как важная политическая фигура во многих городах Южной Италии, особенно в Таренте – городе, известном своим противостоянием Риму. В этой связи добровольное прославление Пифагора в Риме вызывает сомнения. А значит, свидетельства Плутарха и Плиния вряд ли можно рассматривать как доказательства признания пифагорейства в Риме на государственном уровне, хотя отдельные представители римской аристократии (например, Анний Клавдий Цек), действительно, слыли пифагорейцами³³⁵. Скорее всего, статуи Алкивиада и Пифагора появились в Риме как военные трофеи, вывезенные после очередной кампании против южноиталийских греков³³⁶. О существовании подобной практики свидетельствует установленная на Капитолии статуя Геракла работы Лисиппа, вывезенная из Тарента в 209 г. до н.э.³³⁷

Возвращаясь к изображению Нумы у Варрона, можно сказать, что сабинский по происхождению царь не случайно появился в окружении нимфы Эгерии и философа

³³³ Кофанов Л.Л. Пифагорейзм... С. 173.

³³⁴ Plin. N.H. 34.26: "...mirumque est, illos patres Socrati... Pythagoran praetulisse..." (и странно, что сенаторы Сократу... предпочли Пифагора).

³³⁵ Palmer R.E.A. The Censors of 312 B.C. and the State Religion // Historia. 1965. Bd. 14. S. 314 ff.; Ferenczy E. From Patrician State to Patricio-Plebeian State. Budapest, 1979. P. 214 f.

³³⁶ Wallace R.W. Op. cit. P. 289.

³³⁷ Plin. N.H. 34.40.

Пифагора. Варрон представил Нуму как “отца” римского народа, а его основополагающие для римского государства нововведения оказались плодом удачного соединения двух начал – божественного откровения и его философского обоснования. Можно даже сказать, что Нума у Варрона стал воплощением его концепции гражданской теологии, объединившей в себе присущую человеку от природы веру в божественное с учениями философов о богах.

Оба эти начала, соединившиеся в образе и деяниях Нумы, создали прочный фундамент римского государства, что позволило ему со временем превратиться в мировую державу. Но власть над другими народами, сопровождавшаяся появлением в римском пантеоне новых божеств и проникновением в сакральную жизнь новых культов, таила в себе опасность для самой *цивitas*. Поэтому образ Нумы одновременно был и политическим манифестом Варрона (он должен был указать будущему правителю единственно верный путь к возрождению римской религиозной системы как основы политического порядка³³⁸) и выражал его собственный взгляд на историю Рима. Варрон создал новую “сабинизированную” концепцию царской власти в противовес той, которая уже сложилась в римской анналистике. В центре анналистической концепции стояла фигура воинственного Ромула с ярко выраженным латинским началом. Варрон смягчил образ Ромула, изобразив его как человека знакомого с греческим языком, привнесенным в туземную среду Эвандром³³⁹. Но это не шло ни в какое сравнение с той ролью, которую Варрон отводил царю Нуме в истории Рима. И хотя именно антиквары связывали появление некоторых религиозных установлений также с именем Ромула, однако вклад первых двух царей в строительство римс-

³³⁸ По мысли И. Леманна, Варрон видел в Цезаре личность, способную привести общество к стабильности через переоценку культурных ценностей (*Lehmann Y. Religion et politique autour des “Antiquités Divines” de Varron* — *Revue des études anciennes*. 1986. Vol. 64. P. 103).

³³⁹ *Lyd. De mag.* 1.5.

кой цивитас расценивался ими по-разному. Если Ромул походил больше на божественного царя, то Нума воспринимался почти как “конституционный монарх”. В результате предпринятых им реформ сакральной сферы царская власть превратилась в должность, даруемую народным собранием за личные качества претендента. Поэтому не случайно то, что в одной из своих сатир Варрон отождествляет права предков именно с установлениями Нумы, а не Ромула: “Если Нума Помпилий увидит, что творится, то узнает, что от его установлений не осталось ни малейшего следа”³⁴⁰.

Варрон постоянно подчеркивал также вклад своих земляков в римскую культуру. По мнению Г. Паскуччи, пансабинизм Варрона должен был добыть его дальним предкам – сабиянам – права древней знати, скрепленные временем³⁴¹. Похоже, что с мнением итальянского исследователя можно согласиться. Но тогда неизбежно возникает вопрос, почему Варрон так остро чувствовал необходимость подчеркнуть древность и значимость сабинского народа. Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, кроется в причине появления антикварианизма как историографического направления, расцвет которого пришелся на время жизни Варрона. Об этом речь впереди.

Представление о взглядах Варрона на историю будет неполным, если оставить без внимания тему прав и обычаев предков. Эту тему Варрон не мог обойти вниманием уже в своих ранних сочинениях – Мениппиях. В одной из сатир под названием *Agatho* Варрон с большой симпатией относится к правам предков, прежде всего к их целомудренной жизни³⁴². Целомудрие предков противоп-

³⁴⁰ Fr. 24. P. 227 R. Haec Numa Pompilius fieri si viderit, sciet, suorum institutorum nec volam nec vestigium apparere.

³⁴¹ Pascucci G. Le componenti linguistiche del latino secondo la dottrina varroniana. Studi su Varrone... Vol. 2. P. 346.

³⁴² Fr. 2. P. 95 R.: “Virgo de convivio abducatur ideo quod maiores nostri virginis acerbae auris veneriis vocabulis imbui noluerunt” (Пусть девушку уведут с пира, потому что наши предки не хотели, чтобы слух суровой девушки пропитывался словами любви).

ставляется распушенности современников, что стало главной темой сатиры с характерным названием "Байи". Этот городок был излюбленным местом отдыха римской аристократии и славился легкими нравами. Завсегдатаи этого курорта представляли собой тот тип людей, которые, говоря словами Цицерона (*Pro Caelio*, 27), не отказывались ни от одной пирушки, умащались и посещали сады. Эти занятия наполняли повседневную жизнь праздных людей. Но даже люди, привычные к любым излишествам, менялись, попав в Байи. Эту ситуацию Варрон описал следующим образом: "Незамужние женщины становятся общим достоянием, пожилые люди впадают в детство, а многие мальчики превращаются в девушек"³⁴³.

Воспевание нравов предков присутствует и в других сочинениях Варрона. Причем нравами предков для Варрона, как и для всех остальных римских авторов, были те нормы, которые регулировали все сферы жизни римского общества, в том числе и сакральную. Изменения, затронувшие эту сферу, ощущались острее всего. Так, в сочинении "О жизни римского народа" Варрон сопоставляет прежнее доброе время, когда целомудренными были не только люди, но и боги, с настоящим не в пользу последнего. С горечью он говорит о новых образах богов: "В чем разница между этими Юпитерами и теми, которые сейчас появляются из мрамора, слоновой кости и золота: [в них] можно узнать как богатство этого времени, так и бедность того"³⁴⁴. Можно сказать, что вообще все творчество Варрона было направлено на защиту нравов предков, особенно в сфере религии.

³⁴³ Fr. Riese: "...quod non solum innubae fiunt communis, sed etiam veteres repuerascunt et multi pueri puellascunt".

³⁴⁴ Varro. *De vita p.R.* fr. 15 = Non. P. 162: "...quid inter hos loves intersit et eos, qui ex marmore, ebore, auro nunc fiunt: potes animadvertere et horum temporum divitias et illorum paupertates". Варрон (*R.R.* 1.1.4) всегда отличал богов, чьи позолоченные статуи стояли на Форуме, от тех, к которым люди обращались за помощью в повседневной жизни.

В приверженности Варрона к теме воспевания нравов предков, что само по себе уже должно было подчеркнуть моральный упадок современников, усматривается связь с анналистической историографией. Варрон подхватывает тему, уже утвердившуюся в творчестве анналиста Кальпурния Пизона, и в этом смысле антикварные сочинения Варрона были столь же ориентированы на современность и политически заострены, как и римская анналистика.

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ АНТИКВАРНЫХ СОЧИНЕНИЙ В РИМЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Подводя итог анализу теологической концепции Варрона, а также его философских и исторических взглядов, можно сказать следующее. Представления римского эрудита в этих областях являют собой трудно расчленимое единство, систематизированное целое, которое появилось на свет в результате интеллектуальных усилий одного из самых образованных людей римского общества конца Республики. Греческие научно-философские теории учили римлян вносить стройность в хаотичный мир. Прежде всего, это распространилось на сакральную сферу как основу римского государства. Именно за ее упорядочивание взялся Варрон. Миру греческих полисов также не был чужд интерес к своим богам, сакральным центрам и религиозным ритуалам. Но все же именно в Риме антикварианизм стал “национальным” явлением. Выйдя далеко за рамки “чистой науки”, он приобрел небывалый дотоле размах. Причина этого, конечно же, кроется в консерватизме римлян, который привел к тому, что правовые и религиозные учреждения и практики сохранялись до позднего времени как свидетельства отдаленного прошлого.

Кроме того, возведению антикварианизма в ранг научной дисциплины способствовал тот факт, что сам Рим представлял собой нечто вроде древнего документа. Римляне сохраняли местонахождения, форму и планировку сакральных сооружений на протяжении жизни многих поко-

лений³⁴⁵. Даже после грандиозных перестроек, по словам Т. Корнелла, план архаического Рима можно было “прочитать” в монументальном плане исторического Города³⁴⁶. Все это делало Рим живым музеем, экспонаты которого перекочевывали на страницы ораторской прозы³⁴⁷ и исторических сочинений, наполняя созданную анналистами повествовательную схему. Но только антиквары превратили реликты прошлого в объекты систематического исследования, “подбирая” выпавшие из анналистических повествований бесчисленные памятники, предметы быта и слова. Так, анналистика и антикварианизм оказались тесно связанными друг с другом, имея общий источник происхождения – установления, обычаи, сакральные ритуалы, унаследованные от предков. Сама история воспринималась как сумма антикварных сведений – исторических прецедентов и архетипичных образцов, на основании которых возводились идеологические построения.

“Живым музеем” был не только Рим, но и язык его обитателей, который являлся таким же заповедником антикварианизма. Цицерон (*Brut.* 3.45), например, обращает внимание на особенности женской речи, которая в силу домашнего воспитания сохраняла старинный говор. Язык женщин Цицерон сравнивает с языком Плавта или Невия. Поэтому можно предположить, что многочисленные слова и выражения, которые стали предметом исследования для антикваров и Варрона, извлекались непосредственно из разговорного языка.

Но главным источником для Варрона, как и для всех антикваров, являлись древние тексты. На то, что Варрон

³⁴⁵ Этот тезис прослеживается на примере культа Януса. См.: *Грешных А.Н.* Топография почитания Януса на территории древнейшего Рима // *Древний Восток и античный мир.* М., 2002. Вып. 5. С. 100–118.

³⁴⁶ *Cornell T.J.* Op. cit. P. 24.

³⁴⁷ О роли памятных мест в Риме, связанных с историей народа, как важной части техники убеждения в латинской ораторской прозе см.: *Vasaly A.* *Representation: Images of the World in Ciceronian Oratory.* Los-Angeles, 1993.

пользовался ими, указывает Цицерон. Более того, в случае определения года смерти поэта Невия Варрон даже вносит коррективы в свидетельства старинных записей (*in veteribus commentariis*). Данный пассаж из сочинения Цицерона позволяет видеть в “старинных записях” любые древние тексты – от записок, которые велись в жреческих коллегиях, до сочинений старших и средних анналистов. Точнее определить источники антикваров позволяет Авл Геллий. Он указывает на то, что молитвы бессмертным богам были записаны “в книгах жрецов римского народа и многочисленных древних прозаических сочинениях”³⁴⁸. Во-первых, Геллий прямо указал на жреческие тексты как на основной источник подобной информации. Во-вторых, соединяя два вида письменных памятников – жреческие и прозаические тексты – как содержащие однотипную информацию сакрального характера, он позволяет утверждать, что в сочинения авторов-прозаиков (антикваров и историков) эта информация попадала из книг жрецов. Таким образом, “старинные записи” (*veteres commentarii*), упомянутые Цицероном, мы вправе отождествить с жреческими текстами и считать их одним из основных источников разнообразных сакральных сведений, которыми изобилует, например, сохранившееся, хотя и в неполном виде, сочинение Варрона “О латинском языке”.

В научной литературе подъем антикварианизма обычно объясняется характерным для I в. до н.э. религиозным упадком, проявление которого видят в отступлении от исконных верований, в манипуляции религиозными институтами для достижения политических целей, что неизбежно вело к потере веры среди представителей политического класса³⁴⁹.

³⁴⁸ Gell. 13.23.1: “...in libris sacerdotum populi Romani et in plerique antiquis orationibus...”

³⁴⁹ Существование подобных взглядов у исследователей отмечает А. Вардман (Wardman A. Op. cit. P. 42). См. также: Altheim Fr. A History of Roman Religion. L., 1938. P. 336; Lehmann Y. Op. cit. P. 103; Momigliano A. Tradition and the Classical Historian / Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 170.

Подобное понимание религиозных процессов, безусловно, основывается на том, как воспринимали состояние дел в религиозной сфере современники, прежде всего Цицерон и Варрон. Они порицали пренебрежение традиционными верованиями со стороны правящего класса. Цицерон, например, сетовал на то, что его современники либо вовсе не знают прекрасных установлений предков, либо пренебрегают ими³⁵⁰. Применительно к творчеству Варрона Дж. Норт считает, что все, что делал этот ученый, должно было привлечь внимание его соотечественников к состоянию государственных дел, переживавших упадок³⁵¹.

В то же время тезис об упадке римской религии в I в. до н.э. подвергся серьезной корректировке в работе А. Вардмана. Автор убежден в том, что использование религии в политических целях существовало всегда и никак не доказывает ее упадка. Так называемый упадок в области религии был связан с изменением соотношения между общественными и частными священнодействиями и являлся по сути дела упадком частного сектора сакральной практики, что, в свою очередь, ориентировало народ на восточные культы³⁵². Поэтому, как мне представляется, причину расцвета антикварианизма следует искать не в изменениях религиозной сферы, а в тех социально-политических процессах, которые переживала римская Республика в последний век своего существования.

Начало века ознаменовалось непродолжительной, но кровопролитной Союзнической войной (90–88 гг. до н.э.), в которой италийские созники Рима добыли себе право

³⁵⁰ Cic. Att. 13.6.4: "...nos ignari pulcherrimorum institutorum aut negligentes potius..."

³⁵¹ North J.A. Op. cit. P. 58.

³⁵² Wardman A. Op. cit. P. 48 ff. О соотношении частных и общественных начал в религии архаического Рима см.: Сморчков А.М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 49–58.

именоваться римскими гражданами. Границами римской *цивitas* стали естественные пределы Апеннинского полуострова. Обладание правами римского гражданства, которыми прежде всего воспользовалась муниципальная аристократия, начало сказываться на составе римской аристократии. Ряды сенаторских фамилий стали пополняться выходцами из латинских муниципиев, которые, хотя и находились в этническом родстве с римлянами, имели свои культурно-исторические традиции. Вряд ли можно считать простым совпадением то, что именно на это время пришелся расцвет просопографических исследований. Работы Аттика и Валерия Мессалы должны были представить старую республиканскую знать муниципальной аристократии, которой предстояло унаследовать идеологию римского нобилитета. Ситуация еще больше усложнилась в годы правления Юлия Цезаря, который впервые даровал права римского гражданства провинциалам – жителям Цизальпинской Галлии. Новые аристократические роды, генетически не связанные с деяниями предков, создававших величие Рима, необходимо было приобщить к исконно римским ценностям и сделать объектом их благочестия исконно римских богов. Политическое расширение *цивitas* должно было сопровождаться укреплением ее культурно-исторических традиций. Эту миссию взяли на себя антиквары, а выполнил ее в полном объеме Теренций Варрон. Примеры традиционных римских ценностей – *virtus*, *pietas*, *fides* – можно было извлечь только из прошлого, которое уже в силу своей отдаленности почиталось за образец³⁵³. Поэтому обращение к традициям предков стало актуальным для последнего века существования Республики. Но помимо соображений государственной важности в занятиях антикварными штудиями у Варрона был личный интерес: в условиях стремительно меняющейся этнокультурной ситуации сохранить и укрепить позиции свое-

³⁵³ Cic. Orat. 169: "...habet autem ut in aetatibus auctoritatem senectus sic in exemplis antiquitas..." (как среди возрастов почитается старость, так среди образцов – древность).

го народа – сабинян – как важного компонента *populus Romanus*³⁵⁴.

Выше уже шла речь о значении деятельности Варрона. Теперь же необходимо обратить внимание на то, как сам Варрон определял профессиональный долг ученого. В одной из своих сатир, обращаясь к собравшейся в театре публике, Варрон говорит следующее: “И вы, находящиеся в театре, которые покинули свои дома, стремясь усладить свой слух, останьтесь здесь и узнайте то, что я для вас приготовил, чтобы вы принесли домой из театра знания”³⁵⁵. Значит, обязанность ученого – передать научные знания в общедоступной форме.

Мы уже имеем представление о том, как современники оценивали творчество Варрона. Но самая яркая оценка многогранной деятельности Варрона принадлежит перу его друга Цицерона. В диалоге “Академические вопросы”, посвященном Варрону, он писал следующее: “Твои сочинения как бы привели нас домой, чтобы мы узнали наконец, кто мы и где мы находимся. В своем собственном городе мы были странниками и блуждали, словно чужеземцы. Ты раскрыл нам возраст нашего отечества, описал времена, права жертвенные и жреческие, ты объяснил домашний быт и воинскую дисциплину; ты истолковал имена, роды, назначения и причины появления городов, стран, местностей и всего божественного и человеческого”³⁵⁶.

³⁵⁴ Современная наука полностью поддерживает этот тезис Варрона. См.: *Devoto G. Le origini tripartite di Roma* – Athenaeum. 1953. N.S. Vol. 31. P. 342.

³⁵⁵ *Varro. Fr. 218 = Non. P. 325*: “Vosque in theatro, qui voluptatem auribus huc aucupatum concucurristis domo, adeste et a me quae feram cognoscite, domum ut feratis e theatro litteras”.

³⁵⁶ *Cic. Acad. Post. 1.9*: “Nos in nostra urbe peregrinantis errantisque tamquam hospites tui libri quasi domum reduxerunt, ut possemus aliquando qui et ubi essemus agnoscere. Tu aetatem patriae, tu discriptiones temporum, tu sacrorum iura, tu sacerdotum, tu domesticam, tu bellicam disciplinam, tu sedem regionum, locorum, tu omnium divinarum humanarumque rerum nomina, genera, officia, causas aperuisti”.

Исходя из того, что мы знаем о непростых взаимоотношениях Варрона и Цицерона, мы вправе задаться вопросом, насколько искренними были эти слова Цицерона. Оба друга с юношеских лет постигали греческую философию, а впоследствии стремились найти ей общественное применение. Цицерон написал “Академические вопросы” в 45 г. до н.э., когда корпус его философских сочинений в целом уже сформировался. В этих сочинениях содержатся сугубо римские ответы на вопросы, поставленные в различных греческих философских школах. Постигание “себя” осуществлялось у Цицерона в области философии, тогда как у Варрона в большей степени это происходило в области традиционных религиозных верований и сакральной практики. Обращенные к своему другу слова Цицерона указывают на ту область римской духовной культуры, где самоидентификация римлян могла быть наиболее успешной и иметь конкретное практическое применение. Поэтому в высокой оценке, данной Цицероном трудам своего друга, не следует видеть исключительно образец красноречия. Цицерон скорее разделил области их научно-практических интересов: ему самому отошла философия, Варрону – гражданская религия и история. Титанический труд Варрона по спасению государственных богов и святиль уподоблялся деяниям Энея, который спас пенаты от троянского пожара³⁵⁷.

Если сравнить цicerоновский перечень заслуг Варрона с тем, о чем впоследствии с гордостью будет говорить император Август (восстановление старых и строительство новых храмов, портиков, дорог, театров)³⁵⁸, то складывается впечатление, что не сочинение Ливия, а труды Варрона легли в основу религиозного возрождения Августова века. Конечно, мы не можем определить, насколько глубоким было влияние изысканий Варрона на религиозную политику Августа, но и отрицать такую возможность нет никаких оснований. Во всяком случае, “Энеида” Вергилия, которая неразрывно связана с идеологическим офор-

³⁵⁷ *Aug. C.D.* 6.2.

³⁵⁸ *RGDA.* 19–20.

млением нового режима, по убеждению Б. Кардаунса, хотя и косвенно, испытала на себе воздействие со стороны ученых штудий знаменитого антиквара³⁵⁹. По всей видимости, антикварианизм оказался более востребованным новой властью, нежели такие монументальные исторические полотна, как сочинение Ливия. По мнению А. Момильяно, не только Август, но и император Клавдий увидели скрытые в антикварианизме практические возможности укрепления власти³⁶⁰. Нужно было только уметь грамотно их использовать.

Наследием Варрона в последующие века пользовались самые различные авторы – историки, поэты, биографы, антиквары, риторы, грамматики и комментаторы. Среди них можно назвать Дионисия Галикарнасского, который продемонстрировал своим сочинением возможность соединения анналистического подхода к историческому процессу, риторики и сведений антикварного характера³⁶¹. Выше уже шла речь о возможности использования Вергилием собранной Варроном информации. Этот ряд можно дополнить именами Веррия Флакка, Плиния Старшего, Светония, Авла Геллия, Феста, Макробия, Нония и Цензурина, к чьим сочинениям мы неоднократно обращались для воссоздания утраченных произведений Варрона. Но никто из них уже не проводил таких тщательных и всеохватывающих исследований всевозможных областей жизни римского народа, как римский гражданин и ученый-эрудит Марк Теренций Варрон³⁶². Под его обаянием находился даже Блаженный Августин.

³⁵⁹ *Cardauns B.* Varro und die römische Religion... S. 87.

³⁶⁰ *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. P. 68.

³⁶¹ Об антикварианизме Дионисия Галикарнасского см.: *Gabba E.* Dionysius...

³⁶² Исключение можно сделать только для Плиния Старшего, "Естественная история" которого явилась энциклопедией, содержавшей знания, накопленные античной наукой во всех областях.

АННАЛИСТИКА И АНТИКВАРИАНИЗМ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Основные направления римской историографии – анналистика и антикварианизм – имели общие туземные источники происхождения. Ими были документы главных жреческих коллегий, в первую очередь понтификов и авгуров. Среди этих документов прежде всего следует отметить комментарии (*commentarii*) и книги (*libri*), в которых записывались примеры и прецеденты, относившиеся к сакрально-правовой сфере жизни римской цивитас и сопровождавшиеся их толкованием и перетолкованием. Ответы (*responsa*) и постановления (*decreta*) жреческих коллегий не ограничивались только их внутренними потребностями и интересами, но распространялись и на сферу публичного права. Назначение времени проведения народных собраний или заседаний сената, ответственность за соблюдение всех ритуалов, которые сопровождали принятие решений этими властными структурами, определение в конечном итоге правомочности их решений делало понтификов и авгуров политически значимыми жреческими коллегиями. Концентрация большого количества документов в жреческих коллегиях предполагает существование архивов, в которых велась работа по систематизации накопленных материалов. Наличие архивов практически во всех жреческих коллегиях, даже при всей условности этого понятия для древнего Рима, не означало свободного общественного доступа к ним. Более того, в Риме не существовало архива как государственного института. Этому препятствовал олигархический характер римской Республи-

ки, в которой власть аристократии основывалась в том числе на обладании информацией и контролем над ней.

Особое значение для культурной жизни Рима приобрели анналы понтификов. Из погодных календарных записей, дополненных со временем этиологическими рассказами, они превратились в "государственную" летопись, ставшую примером понтификальной "историографии". От этих анналов понтификов следует отличать "Великие анналы" (*Annales Maximi*). Это произведение, состоявшее по свидетельству источников из 80 книг, представляло собой антикварное сочинение, создававшееся в недрах коллегии понтификов в ответ на потребности нового политического режима, установленного Августом.

Анналы понтификов, погодно фиксируя события жизни гражданского коллектива, выработали форму изложения, принятую впоследствии римскими историками, за которыми закрепилось название анналистов. В то же время становление анналистики как особого жанра исторических сочинений, отмеченного единством композиционной структуры, потребовало длительного времени. Первых римских историков, писавших по-гречески, с трудом можно отнести к анналистам. Сильное влияние со стороны греческой хорографической историографии (в том числе и историографии Великой Греции) ориентировало этих авторов на изложение двух основных тем, связанных с основанием Города и текущими событиями. Первая тема неразрывно была связана с мифом, вторая — с современными политическими процессами. Этим сочинениям недоставало собственно истории, а значит и связанного с ней принципа историзма. В то же время первые римские историки, писавшие по-гречески, использовали в своих работах сведения антикварного содержания, что придавало своеобразие темам и сюжетам, заимствованным у греческих авторов, и наполняло их сочинения неповторимым колоритом римской действительности.

Первоначально анналы как особый жанр исторического повествования не имели установленной формы, которая включала бы информацию по истории Рима, распреде-

ленную во времени в соответствии с консульскими парами. Такая форма сложилась относительно поздно – не ранее последней трети II в. до н.э. под воздействием введения в широкий оборот понтификальных таблиц, которые в то время были оформлены в виде анналов понтифика. Первым автором, который выдержал анналистическую форму повествования в полном объеме, был Кальпурний Пизон. I в. до н.э. ушел на отшлифовку этой формы, в пределах которой еще могли допускаться отклонения. Одновременно увеличивался объем сочинений за счет создания собственно исторического повествования, которое противостояло, с одной стороны, мифологическому, связанному с основанием Города, а с другой – рассказу о современных политических процессах. Анналистическая форма повествования достигла зрелости только в сочинении Тита Ливия. Важной особенностью римской историографии был присущий ей изначально интерес к деталям антикварного содержания, который не только не исчезает из сочинений конца II в. (как считает Э. Роусон), но нарастает от автора к автору, увеличивая объем их сочинений. В этом, безусловно, сказалась преемственность между грекоязычными и латиноязычными авторами.

“Антикварная” информация, сохранявшаяся жреческими коллегиями, сыграла решающую роль в окончательном оформлении анналистического жанра. Однако от привлечения антикварного материала до его исследования было еще далеко. Основные методы анализа антикварного материала сформировались за пределами анналистики и были связаны с появлением специальных сочинений, получивших название антикварных.

Зарождение и оформление в Риме историографии антикварного направления было вызвано не кризисом традиционных верований (это утверждение часто встречается в работах различных зарубежных историков), а изменением социальной ситуации в самой римской цивитас. Приобретение италиками прав римского гражданства облегчило путь муниципальной аристократии в римскую политику. Староримскую аристократию, численно сокра-

тившуюся в годы гражданских войн I в. до н.э., стали заменять в сенате представители италийских аристократических родов, к которым вскоре добавились выходцы из провинциальной элиты. Римские нобили не нуждались в книгах, чтобы знать и защищать сакральную традицию. Но приток новых людей в ряды римской знати требовал их культурной адаптации – приобщения к традициям и нравам предков, к нормам поведения тех людей, с которыми связывалось величие Рима. Однако само понятие “нравы предков” (*mores maiorum*) в I в. до н.э. превратилось в риторическую абстракцию, которую предстояло “оживить”, наполнив конкретным содержанием.

Решение этой задачи взял на себя Марк Теренций Варрон, исследуя правовые, культурные и религиозные институты римской *цивитас*. Каталогизация римских древностей основывалась у него не только на систематизаторских подходах, зародившихся в греческих философских школах (особенно у стоиков), но учитывала также опыт классификации материала, накопленный в римских жреческих коллегиях. Более того, можно даже утверждать, что антикварианизм как особое историографическое направление на римской почве зародился в недрах жреческих коллегий. Представителями понтификальной антикварной историографии можно считать Тиберия Корункания и Публия Муция Сцевола, а итогом развития этого направления стали *Annales Maximi*.

С 30-х годов II в. до н.э. анналистика и антикварианизм определяют лицо римской историографии. Оба направления имели соответствующие прототипы в греческой исторической литературе. Правда, греки всегда рассматривали антикварные исследования как нечто низшее по отношению к истинной истории, под которой они понимали описание политических событий, последовательно сменявшихся друг друга во времени. Рим изменил такое отношение к антикварным сочинениям, о чем свидетельствует данная Цицероном характеристика творчества Варрона. Антикварианизм “работал” на “национальную” самоидентификацию всех тех, кто являлся римскими гражданами.

Анналистика и антикварианизм демонстрировали два разных подхода к пониманию истории, а значит, они оперировали разными методами познания прошлого. Погодному изложению событий противостоял систематизаторский подход к объекту исследования, щедро одобренный этимологическими изысканиями. Наконец, антикварные сочинения в Риме, в отличие от греческих образцов, были также политически заострены, как и анналистика. И анналисты, и антиквары ориентировались на примеры (*exempla*), только в первом случае – на примеры подобающего поведения, а во втором – на примеры тех обычаев, которые нужно было возродить.

Антиквары сконцентрировали свое внимание на внешних по отношению к обществу явлениях и потому более беспристрастно рассказывали о прошлом, чем анналисты¹. В то же время их работы дополняли сочинения анналистов, так как собирали и систематизировали огромный материал, который оставался за рамками анналистических рассказов. Тем не менее, антикварная информация об обычаях и институтах настолько уникальна, что образует самостоятельный корпус свидетельств. Однако, по словам Т. Корнелла², антиквары сами плохо понимали то, что они нашли, но их изыскания дают нам возможность прикоснуться к бесчисленным следам отдаленного прошлого, ускользнувшего из развернутых повествований анналистов.

Сочинения антикварного содержания создавались как в недрах жреческих коллегий, так и “светскими” историками-антикварами. Однако эти сочинения существенно различались. Работы жрецов, как правило, были отраже-

¹ М. Тохер даже считает, что римские антиквары в этом отношении выполнили функцию греческой историографии (Toher M. Augustus and the Evolution of Roman Historiography . . . Between Republic and Empire. Oxford, 1990. P. 150).

² Cornell T. Ancient History and Antiquarian Revisited: Some Thoughts on Reading Momigliano's "Classical Foundations" . . . Ancient History and the Antiquarian. Essays in memory of Arnaldo Momigliano . . . Ed. M.H. Crawford. C.R. Ligota. L., 1995. P. 12.

нием споров по религиозным вопросам, которые, несомненно, возникали в жреческих коллегиях при составлении комментариев или в ответ на проникновение в Рим иноземных культов³. Жрецы-антиквары выступали как хранители римской религии. Это был взгляд на религию изнутри. Совершенно иначе следует оценивать деятельность Варрона и антикваров. Они выступают как интерпретаторы римской религии и представляют взгляд на эту религию из внешнего мира. Объяснение реалий, толкование слов и понятий ушедших эпох предоставляло те крупицы истины, на основании которых можно было достичь более надежного объяснения существующего пантеона, человеческого прошлого и окружающего мира.

³ Об этом см.: *Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Cambridge, 1998. Vol. 1. P. 153.*

Указатель античных имен

- Август, император – 73, 75, 76, 93, 98, 113, 141, 185, 190, 272, 273, 275
Августин – 50, 165, 176, 196–198, 201, 203, 205, 207–209, 213, 229, 231–238, 243–244, 247, 249, 254, 257–258, 260, 273
Аврелий Виктор, Секст – 144
Аврелий Опилл – 217
Агамемнон – 152
Агриппа, Марк – 180
Азиний Поллион – 167, 227
 Антипатр Тарсийский – 216
Акка Ларенция – 138, 157
Акций – 107
Алкивиад – 262
Амулий – 152
Антигон – 102
Антигона – 205
Антиох, философ – 188, 189, 219, 241–242, 244–246, 251
Антоний Гнифон – 174
Антоний Юлиан – 143
Антоний, Марк – 185, 229
Апхиз – 203
Апис – 247
Аполлодор Афинский – 216
Аппиан – 184
Апулей – 181
Арес – 208
Аристарх – 216
Аристокл Родосский – 216
Аристотель – 93, 218, 221, 250
Аристофан – 216
Аркесилай – 234
Атей Претекстат, Луций – 167
Атилиий, Марк, консул – 108
Аттик, Тит Помпоний – 79, 82–83, 85, 126, 154, 174–175, 185–190, 196, 210–212, 220–222, 224–225, 234, 244–245, 270
Афина Паллада – 220
Ацилий, Гай – 98, 116
Бебий Памфил, Марк – 122
Брут, Марк Юний – 225
Валерий Анциат – 72, 94–95, 98, 142–147, 151, 155, 158, 162, 256
Валерий Мессала, Марк – 170, 270
Валерий Попликола – 145

- Валерий Проб, Марк – 167
Валерий Соран – 217
Валерий Флакк, Луций – 145
Варрон, Гай Теренций – 178
Варрон, Марк Теренций – 20,
46–47, 50, 66, 75, 81, 84–85, 128,
154, 158, 163, 169, 170–172,
174–279
Ватикан – 206
Венноний – 98, 133
Вергилий – 30, 38, 42, 167, 212,
249, 272, 273
Вергиния – 161
Веррий Флакк – 44, 45, 57, 59,
75, 96, 273
Видий – 167
Витрувий – 228
Вольний – 217
Габиний Капитон, Публий – 84
Ганнибал – 112, 113
Геллий, Авл – 38, 45, 52, 57, 59, 81,
84, 96, 111, 115, 119, 127, 141–
143, 156–158, 170, 176, 190,
191–193, 198, 200–201, 204,
206, 213, 219–224, 226–229,
242–243, 248–249, 268, 273
Геллий, Гней – 98, 146
Геракл – 262
Гераклид Понтийский – 224–
226, 246
Геркулес – 204, 235
Геродот – 90, 119, 250
Геспод – 221, 230, 254
Гипсикрат – 216
Гомер – 189, 221
Гораций – 68
Гораций Коклит – 57, 59
Гораций, поэт – 70
Гортензий – 83
Гостилий, Тулл – 68, 129, 199
Гракх, Гай Семпроний – 98, 121,
126, 173
Гракх, Тиберий Семпроний – 81,
98, 121, 133, 148, 173
Дардан – 198
Демокрит – 246
Децим Брут – 81
Диана – 86
Дикеарх Мессенский – 210
Диовис – 171
Диоген Лаэртский – 225
Диоген Философ – 216, 242
Диодор – 95, 108, 156–157
Диокл – 105, 152
Диомед, грамматик – 74
Дионисий Галикарнасский – 18,
32, 44, 53, 63–67, 91–92, 98–
99, 102–103, 106–107, 117, 122,
124, 129, 132–134, 156, 204,
247, 256, 273
Дионисий Киренский – 234
Дионисий Сидонский – 216
Дионисий Стоик – 234
Евринид – 222
Иероним – 190, 221
Иероним из Кардин – 102
Илия – см Рея Сильвия
Иоанн Лид – 229
Исидор Севильский – 44, 97
Каллимах – 216
Камилл, Марк Фурний – 140

- Канудей, Гай – 62, 63
Кассий Гемша – 60, 98, 117, 121–125, 151, 157
Кассий, Спурий – 63, 129, 161
Кастор – 235
Катон Младший – 87–88
Катон Старший, Марк Порций – 30, 38–40, 44, 53, 57–58, 60, 64, 75, 98–99, 105, 114–122, 133, 148, 151–152, 217, 258
Квинкций – 132
Квинкций, Цезон – 145
Квинтилиан – 23, 42, 63, 228
Квирин – 255
Клавдии Марцеллы – 211
Клавдий Квадригарий, Квинт – 98, 137, 139–143, 145, 148, 155, 158
Клавдий Пульхр, претор – 84
Клавдий, Анний Пульхр, авгур – 56, 84–85, 169–170
Клавдий, Анний Цек – 147, 149
Клавдий, император – 273
Клавдий, Публий – 150
Клеанф – 216
Клелня – 129
Клодий, Публий – 82
Копоний, Гай – 184
Корнелан, Гней (Гай) Марций – 106, 118, 145, 161
Корнелий Долабелла, Публий – 167
Корнелий Непот – 115, 118–119, 167, 174–175
Корнелий Цетег, Публий – 61, 122
Корнелий Эпикад – 217
Коринфиций, Квинт – 174
Корупканий, Тиберий – 30, 48–49, 64, 66, 277
Красс, Марк – 179
Кратес – 166
Ксенократ – 234
Ксенофан Колофонский – 248
Куриаций, Гай – 81
Курций Никий – 167–168
Латиний, Тит – 106
Лелий Герма – 167
Ливий Андроник – 23, 42, 58, 166
Ливий, Марк – 116
Ливий, Тит – 9, 11, 13, 15–16, 18, 22, 32, 47, 52–53, 55, 60, 62–63, 65, 68–69, 72, 89, 93–95, 98–99, 105–106, 109, 113, 114, 118, 122, 127, 130–132, 134, 136–167, 139–140, 149, 152–153, 160–161, 163, 255–256, 260, 272–273, 276
Лисинн – 262
Лициний Красс, Публий – 48
Лициний Макр – 60, 94–95, 98–99, 135–139, 147, 149, 157
Лициний Столон – 145
Лукреций Кар – 228
Лукреция – 161
Мазурий Сабин – 138
Макробий – 43, 45, 65, 124, 138, 157, 198–199, 204–206, 273
Манлий, Луций – 217
Манлий Капитолийский – 161
Манлий, Луций – 108
Манлий, Тит – 141
Марций, Анк – 64–65, 138
Меллий, Спурий – 129, 132–133, 161

- Менипп - 191-192, 243
 Мессала Корвин - 211
 Метелл Нумидийский - 168-169
 Метелл, Квинт - 148
 Меттий Курций - 128, 158
 Минерва - 205
 Митридат - 181-182
 Муммий - 83
 Муций Сцевола, Квинт - 233
 Муций Сцевола, Публий - 26, 30, 33-35, 40, 47-51, 217, 231-233, 235-237, 239-240, 277
 Навций - 212
 Невий - 58, 61, 267-268
 Неня - 207
 Нигидий Фнгул, Публий - 174, 228-229
 Нини - 209
 Ноций - 273
 Овидий - 46, 74, 152-153, 258
 Огиг - 209, 247
 Панетий - 233-234
 Папиний - 217
 Паприй - 107
 Паприй, Луций Пет - 131
 Парменск - 216
 Пизон, Луций Кальпурний - 40, 60, 75, 98, 105, 121, 123, 124, 126-133, 146, 151, 158, 160, 217, 266, 276
 Пизон, Марк - 185
 Пирр - 25, 66, 142, 147, 158, 180
 Пифагор - 41, 221, 249-250, 260-263
 Плавт - 170, 267
 Платон - 216, 221, 225, 230, 244, 250
 Плиний Старший - 62, 66, 71, 116-117, 122-124, 129-131, 156, 176, 180-182, 220-222, 250, 259, 262, 273
 Плутарх - 58, 87, 105, 152, 230, 256-257, 260, 262
 Полибий - 44, 53, 75, 83, 97, 102, 105, 108-110, 114-115, 119, 150, 156, 216, 238-239
 Поллукс - 235
 Помпей Руф - 168
 Помпей, Гней - 86, 179-180, 182-184, 186, 223
 Помпилий Андроник, Марк - 168
 Помпилий, Пума - 41, 55, 64, 122-123, 129, 247, 254-264
 Помпоний - 49
 Помпоний Порфирнон - 70
 Порций - 81
 Порций Лициний - 217
 Посидоний - 233
 Постверта - 206
 Постумий Альбинг, Луций - 66
 Постумий Альбин, Авл - 98, 114-115, 156-157
 Пракситель - 198
 Прорса - 206
 Пуний Пизон, Марк - 178
 Рем - 51, 105, 138, 152
 Рея Сильвия - 105
 Рокул - 51, 54, 105, 111, 118, 128, 138, 152, 155, 210, 245, 247, 256, 258, 263-264

- Саллюстий, Гай Крисп – 59, 167
Санк – 254–255
Светоний, Гай – 166–167, 168, 273
Секстий Латеран – 145
Семпроний Азеллион – 42, 90, 97, 109
Сенека – 157
Септимий – 212
Септимий, Публий – 181
Серапис – 247
Сервий – 30, 38, 42–45, 47, 52, 59, 75, 198, 204, 209–210, 212, 226, 249, 260
Сервий Клодий (Клавдий) – 168, 217
Сервий Туллий – 106, 133, 199
Сервий Фульвий – 108
Сервилий – 132
Сервилий Исаврийский, Публий – 170
Серторий, Квинт – 179
Сизенна – 217
Силея – 102
Симмах – 221
Скрибоний Лион – 83
Солон – 180–181
Солон – 230
Софокл – 152
Софрон – 216
Сулла, Луций Корнелий – 84, 139, 143, 145, 217
Сульпиций – 217
Сципион Африканский – 116
Сципион Младший, Публий Корнелий – 233
Сципион, Публий – 81
Тарквиний Древний – 257
Тарквиний Приск – 174
Тарпея – 106, 131, 132
Тарутий Фирман, Луций – 245
Таций, Тит – 128
Тертуллиан – 230–232, 234–235, 242, 244, 254
Тимей – 102, 104, 106, 119
Тудитан, Гай Семпроний – 98, 174
Тудитан, Публий Семпроний – 61
Туллия – 205
Фабий – 211
Фабий Максим, Квинт – 143, 149
Фабий Максим Сервилиан, Квинт – 98
Фабий Пиктор – 18–19, 30, 40, 59, 75, 94–96, 98–112, 114, 117, 119–120, 125, 131, 133, 149, 151–152, 156–157, 160–162
Фабий, Квинт – 107
Фабриций, Гай – 142
Фаворин – 143
Фавий, Гай – 98, 148, 158–159
Фаустул – 138
Фенестелла – 174
Фест – 43, 51, 68, 70, 198, 273
Филин – 100, 108, 152
Флавий, Гней – 127–128
Фукидид – 90–91, 93, 102–103, 119
Фундания – 178
Фуфий Кален – 185
Хрисипп – 216

- Цезарь, Гай Юлий – 73, 86, 139, 181–186, 218, 220, 270
Цезарь, Луций Юлий – 169
Целлий Антипатр, Луций – 172
Целлий Руф, Марк – 85
Цензорин – 253, 273
Цепсион, Квинт – 168
Церера – 86
Цеципа, Авл – 174
Цинций Алимент – 30, 59, 98, 102–103, 105–106, 112–114, 125, 131, 132, 139, 161
Цинций, грамматик – 113
Цицерон, Квинт – 185
Цицерон, Луций – 185
Цицерон, Марк Туллий – 30, 34, 38, 40–42, 44–45, 47–51, 56, 60–61, 64, 67–70, 75, 78–82, 84–85, 89, 90, 106–107, 115–116, 119, 121, 125–126, 131, 133, 135–137, 142–143, 147–149, 151, 153–154, 156–158, 167–169, 172, 174–176, 178, 185–191, 194, 196–197, 212–213, 220, 224, 228, 233, 241, 244–246, 251, 258, 261, 265, 267–269, 271–272, 277
Эвандр – 263
Эвгемер – 247
Эгерия – 260–262
Эдин – 152
Элий Пет, Секст – 48
Элий Стилон, Луций – 168–73, 185, 208, 212, 241
Элий Туберон – 99, 135, 139
Эмилиш – 211
Эмилиш Лепид – 73
Эмилиш Павел, Луций – 178
Эмилиш, Квинт – 142
Эмилиш, Луций – 116
Эмилиш, Марк – 108
Эмпедокл – 246
Эней – 51, 58, 74, 106, 111, 116, 127, 183, 198, 203–204, 221, 253, 272
Эний – 30, 39, 41, 101, 105, 107, 120, 217
Эскулап – 235
Эфор – 102
Юнии – 211
Юний Конг Гракхал, Марк – 174, 217
Юнопа Монета – 60, 86
Юпитер – 129, 255, 257
Юпитер Капитолийский – 86, 130
Юпитер Феретрий – 258
Янус – 205, 207, 259
Dius Fidius – 171
Olenus Calenus – 131

Предметный указатель

- Авгурии** – 61, 80
Авгуры – 17, 20, 29, 69, 77–79, 84, 88, 130, 169, 202, 277
Ареонаг – 208
Аттидографы – 93
Аттиды – 103, 110
Ауспинции – 77–80, 150
- Весталки** – 53, 111
- Гарусники** – 57, 59
- Дедикация** – 48, 51, 61
Дивинация – 56, 77, 260
- Иды** – 46
Империй – 27, 62, 79
Исополития – 63
- Календы** – 46
Квиндесемвиры – 202
Книги авгуров – 129–130, 217
Комментарии попификов – 49, 61–63, 66–67, 75
Курия – 247
- Мегализийские игры** – 153
- Номофилаки** – 81
Ноны – 46
- Панафиней** – 220
Педарии – 193
Пенаты – 47, 198–199, 272
Пеплос – 220
Полотняные книги – 136–139
Попифики – 16, 20, 23, 26–32, 34–40, 42–43, 45–46, 49–53, 55–56, 69, 76, 88, 125, 172, 202, 274
Прийценс – 74
Провокация – 67–68, 151
Продигии – 72, 108
- Салии** – 29, 169, 217
Сатура – 21, 152–153
Сивиллины книги – 72, 179, 204
- Тринадцатый** – 80
- Фасты** – 77, 83, 150
Фасты консульские – 29, 46, 73–74, 147

Фасты триумфальные - 10, 73-74	Dies atri - 47
Фециалы - 20	Dies comitiales - 47
Фламин Квирина - 53	Dies fasti - 47
Фламин Юпитера - 84, 111, 204	Disciplina auguralis - 77
Флоралии - 153	Exempla - 70, 125, 163, 278
Экзерет - 93	Fides - 255, 270
Эрарий - 85-86, 88	Focus, foci - 47, 204
Acta - 77	Foedus - 140
Album - 40, 44	Foedus aequum - 63
Annales - 26, 88, 96, 156, 158-160	Imperium - 239
Annales Maximi - 14, 16, 26-37, 39-45, 47-48, 50-53, 57, 59, 60, 71-72, 75-76, 275, 277	Indigitamenta - 70
Annales pontificum - 125, 128, 160, 275-276	Inventio - 134-135
Annales publici - 37	Ius augurale - 80
Ara - 47, 204	Ius civile - 69
Ara Maxima - 198	Ius publicum - 80
Arbor infelix - 68-69	Ius sacrum - 33
Carmina - 28-29	Lex Julia agraria - 182
Civitas - 7, 62, 76, 197, 235, 263-264, 270, 274, 276-277	Liber, libri - 65, 67, 77-78, 85
Codex, codices - 65	Libri caerimoniarum - 70
Commentaria consularia - 84	Libri linteï - 60. См. полотняные книги
Commentarii - 78, 85, 88, 274	Libri magistratuum - 83, 137
Commentarii pontificum - 52, 64	Libri pontificum - 66
Commentarii veteres - 268	Libri reconditi - 79
Corona rostrata - 180	Ludi Romani - 18
Cursus honorum - 126	Ludi scaenici - 151-152
Decretum, decreta - 61, 63, 65, 77-78, 80, 274	Monumenta - 70, 78
Delubrum - 206	Mores maiorum - 73, 277
	Parricidium - 68-69
	Pax deorum - 38
	Pax Romana - 208
	Perduellio - 68-69

Pietas – 270	Senarius – 57–58
Populus Romanus – 271	
R egnum – 62	T abula – 38, 44, 53
Religio – 87	Tabula dealbata – 42, 44–45
Res publica – 62, 73	Tabulae pontificum – 64, 75
Responsa – 49, 61, 65, 77–78, 80,
274	Tabulae publicae – 84
Rex sacrorum – 46, 66–67	V ates – 131
	Virtus – 270
S acer esto – 87	Δέλτος – 64–65
Sacra – 50, 55, 66, 199, 202	Κτίσις – 103
Sculna – 224	Πίναξ – 44, 53, 65
	Σαρίς – 64–65

Указатель римских топонимов

Авентин – 127, 210

Капитолий – 52, 113, 128, 262

Комиций – 57, 179

Курциево озеро – 128

Палатин – 82

Регия – 30, 48, 52, 71, 75

Тарпейская гора – 130

Форум – 30, 64–65, 71, 73, 128,
149, 262

Эквимелий – 129

Эсквилин – 172

Яникул – 122

Mons Oppius – 199

Via scelerata – 205

С34

Сидорович О.В.

Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I в. до н. э. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. 289 с.

ISBN 5-7281-0590-4

В книге исследуются два направления римской исторической традиции – анналистическое и антикварное. Автор определяет источники собственно римского (в отличие от греческого) происхождения, ставшие основой обоих историографических направлений. Такими источниками были документы основных жреческих коллегий – понтификов и авгуров. Поэтому первая глава монографии посвящена определению круга документов, которые создавались в жреческих коллегиях, и установлению их содержания.

Во второй главе исследуется становление анналистики как самостоятельного историографического жанра. Третья глава посвящена историографии антикварного жанра.

Для специалистов, студентов и всех интересующихся древней историей.

УДК 930

ББК 63.3

Научное издание

Сидорович Ольга Витольдовна

Анналисты и актиквары:
римская историография конца III–I в. до н. э.

Редактор

Н.Л. Петрова

Художественный редактор

М.К. Гуров

Корректоры

Н.П. Гаверикова, Т. М. Козлова

Технический редактор

Г.П. Каренина

Компьютерная верстка

А.Ю. Ефимова

ISBN 5-7281-0590-4

9 785728 105909 >

ИД № 05992, выд. 05.10.2001.

Подписано в печать 16.03.2005.

Бумага № 1. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.

Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 15,3.

Тираж 1000. Заказ № 35.

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125267, Москва, Мнусская пл., 6

(095) 973-42-00

2005221012